

Серия «ДУХОВНЫЕ ЗЕРНА»

«Тордость —
знак низкого
ума».

«На войне
никто не ищет
покоя».

«И гнев
опьяняет».

«Христианину никто
из людей не может
вредить».

«Человек гораздо
лучше неба».

«Страсти никогда
не насыщаются».

«Бог действует
и чрез
недостойных».

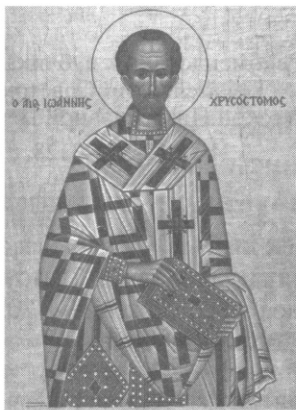
«Человек ли ты?..»

Духовная азбука по творениям
святителя Иоанна Златоуста

Серия «ДУХОВНЫЕ ЗЕРНА»

«Человек ли ты?..»

Духовная азбука по творениям
святителя Иоанна Златоуста

«Духовное преображение»
Москва
2015

УДК 276
ББК 86.372
Ч 39

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р15-512-3128

Ч39 «Человек ли ты?..»: Духовная азбука по творениям святителя Иоанна Златоуста. — М.: ООО «Духовное преображение», 2015. — 384 с. — Серия «Духовные зерна».

Составлено по изданию: **Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского.** СПб.: Издание С.-Петербургской духовной академии, 1901–1906.

Цитаты из Священного Писания приводятся в русском переводе по изданию: **Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.** М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. Некоторые цитаты приведены по-церковнославянски по изданию: **Библия, сиречь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета.** СПб.: Синодальная типография, 1900.

ISBN 978-5-00059-049-2 © ООО «Духовное преображение», 2015
© Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2015

**Се, свет мира миру свѣтитъ;
се, земля соль земли услаждаетъ;
се, древо жизни безсмертна
плоды предлагаетъ — златоустый святый.
Иже умерети не хотѣши,
принидите, наслаждайтесь.**

Из службы на день памяти
трёх святителей Василия Великого,
Григория Богослова и Иоанна Златоуста,
30 января / 12 февраля.
Канон, песнь 3

А

Ад

Содержи в памяти геенну, чтобы ненавистны тебе были дела, влекущие в неё.

Диавол для того убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в неё. Напротив, Бог угрожает геенной, чтобы мы, зная о ней, так жили, чтобы не впасть в неё.

Спрашиваешь, где будет геенна? Но что тебе до этого за дело? Нужно знать, что она есть, а не то, в каком месте скрывается... Писание об этом не говорит.

Ангелы

Ангелы не только руководят, но и защищают верующих, чтобы они не преткнулись.

Антихрист

Антихрист придёт на погибель человеческую, чтобы наносить людям обиды. Он будет страшен и своею властью, и жестокостью, и незаконными повелениями. Но не бойся: он будет иметь силу только над погибающими.

Архиерей

Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказа им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ (Ин. 11, 49—51). Видишь, какова сила архиерейской власти? Удостоившись вполне архиерейства, хотя был недостойн, он пророчествовал, сам не разумея того, что говорил. Благо-

дать воспользовалась только его устами, но не коснулась нечистого сердца. Так и многие другие предсказали будущее, хотя были недостойны, например: Навуходоносор (см.: Дан. 2, 27–29), фараон (см.: Быт. 41, 17–25), Валаам (см.: Чис. 22, 12–35).

Но что значат слова: *будучи на тот год первосвященником?* То, что вместе с прочим и это было искажено с тех пор, как начальственные должности сделались продажными. Первосвященствовали уже не всё время жизни, но один год. Однако же и при этом Дух ещё присущ был им. Только тогда, когда они воздвигли руки на Христа, Он оставил их и перешёл на апостолов. Это показали и разодравшаяся завеса, и глас Христа, Который сказал: *Се, оставляется... дом ваш пуст* (Мф. 23, 38). Равным образом и Иосиф (Флавий), живший спустя немного времени, сказал, что некие Ангелы, ещё пребывавшие с ними в ожидании их исправления, оставили их.

Доколе виноградник ещё существовал, всё было; но как скоро они умертвили наследника, то стало уже не так, и они погибли.

Б

Бедность

Бедный, почивающий в недрах Авраама (Лазарь из притчи о богатом и Лазаре, см.: Лк. 16, 19—31. — *Ред.*), удостоился похвалы не за то, что был беден, но за то, что с благодарением переносил бедность.

Бедность — не добро, но доброе пользование бедностью — добро.

Бедность полезна

Бедность есть мать любомудрия. Сколько бедных гораздо благоразумнее

и мудрее богатых, и даже здоровее телом, так как бедность правильно устроит их тело и душу.

Не считай бедность злом, и для тебя она не будет злом. Не в существе самой вещи, а только во мнении изнеженных людей лежит причина страха. Впрочем, мне было бы даже стыдно, если бы я о бедности сказал только то, что она не есть зло. Если ты внимательнее размыслишь, то найдёшь её даже источником бесчисленных благ; и когда кто-нибудь стал бы предлагать тебе начальство, какую-нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствия, потом предложил бы и бедность и дал свободу выбрать, что тебе угодно, — ты бы тотчас избрал бедность, если бы знал цену её.

Я знаю, что многие смеются над этими словами; но мы не смущаемся, вас же просим потерпеть, и вы скоро с нами согласитесь. Бедность, по моему мнению, подобна скромной, невинной, прекрас-

ной девице, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Сцилле, Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами. Не представляй мне осуждающих бедность, но представь тех, которые чрез бедность прославились. В бедности воспитанный Илия восхищен был тем блаженным восхищением (как бы на небо); ею Елисей прославился; в бедности были Иоанн (Креститель), в бедности и все другие апостолы. С богатством же Ахав, Иезавель, Гиезий, Иуда, Нерон и Каиафа погибли. Если угодно, посмотрим не на тех только, которые в бедности прославлялись; но рассмотрим и самую красоту этой девы. Взор её чист, светел и покоен; тогда как глаза корыстолюбия то исполнены злобы, то выражают пресыщение удовольствием, то делаются мутными от невоздержания. Не таков взор бедности: он кроток, ясен, приветлив, ласков, приятен, ни к кому не выражает ни ненависти, ни отвра-

щения. Где деньги, там случай к вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести. А у бедности и уста, и язык здоровы, исполнены всегда благодарности, благоговения, слов кротких, ласковых, покорных, одобрений и похвал. Хочешь ли ты узнать и стройность её стана? Она несравненно выше и величественнее богатства. А если многие бегают её, то не удивляйся: безумные бегают и других добродетелей. Но скажешь: бедного обижают богатый? Опять говоришь в похвалу бедности. Кто блажен, скажи мне, — тот ли, который обижают, или тот, которого обижают? Очевидно, блажен обижаемый. Но обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды — бедность. Бедный, говоришь ты, томится голодом? И Павел алкал и не имел, чем утолить голода. Бедный не имеет спокойного пристанища? И Сын человеческий не имел,

где главу приклонить. Видишь ли ты, как далеко простирается достоинство бедности, где она поставляет тебя, каким уподобляет мужам и как делает тебя подражателям Самого Господа? Если бы иметь золото было благо, то Христос, Который дал ученикам Своим неизреченные блага, дал бы им и его. Он не только не дал им его, но запретил и иметь. Вот почему и Пётр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: *Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи* (Деян. 3, 6).

Бедный

Пусть принимаемый тобою не ученик, не пророк, не праведник (см.: Мф. 10, 41, 42); но он — человек, который с тобою в одном живёт мире, одно и то же видит солнце, имеет такую же душу, одного и того же Владыку, приоб-

щается одних и тех же с тобою таинств, к тому же призывается небу и совершенно в праве требовать от тебя призрения, будучи беден и нуждаясь в необходимой пище.

Бедствия

Богу предоставим время прекращения бедствий, а сами будем только молиться, сами будем жить благочестиво, потому что наше дело — обратиться к добродетели, а прекратить бедствия — дело Божие.

Если будем в состоянии с благодарностью переносить приключающиеся бедствия, то изгладим немалую часть грехов наших.

Все величайшие бедствия, удручающие вселенную, произошли от гордости.

Бог силен прекратить все бедствия, но пока не увидит совершившегося обращения, не прекращает скорбей.

Когда случится с тобой какое-нибудь горе, подай скорее милостыню, возблагодари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдёт на тебя радость.

Не перенесение бедствий есть зло, но грех — зло. Он — великое бедствие, хотя бы мы жили в удовольствиях; не говорю, в будущей жизни, но и в настоящей.

Безбожие

Как удаляющийся от света несколько не вредит свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак, так и привыкший пренебрегать Всемогушей Силой Ей не вредит несколько, а себе причиняет крайний вред.

Бездельник

И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся

наподобие тюленя? Говорю это не о тех, которые таковы по природе, но о тех, которые утучняют тело своё роскошью, будучи по природе не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду светлые лучи свои, пробудило всех на дела их; земледелец выходит, взяв заступ, ковач меди берёт молот, каждый ремесленник — свойственное ему орудие, и все принимаются за своё дело; жена берёт пряжу или ткань; а он, как свинья, с раннего утра заботится, о насыщении своего чрева, думая, как бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться с раннего утра свойственно только бессловесным животным, которые ни к чему не годны, как только на заклание. Но и из них служащие к переноске тяжестей и способные к труду после ночи также принимаются за дело. А он, вставши с ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда все уже довольно потрудились над своими делами, поднимается, потягиваясь, поистине как откор-

мленная свинья, потеряв лучшую часть дня во мраке (сна). Потом долгое время сидит на постели, часто будучи не в состоянии держаться от вчерашнего опьянения, и проводит в этом большую часть (утра). Затем украшает себя и выходит — воплощённое безобразие, не имея в себе ничего человеческого, но совершенный зверь в образе человека: глаза заплыли, уста издают зловоние вина, а бедная душа, как бы поверженная на одр болезни от неумеренно принятого множества яств, влачит бремя плоти, как слон. После того, дошедши до места, садится и начинает говорить и делать так, что лучше бы ему ещё спать, нежели бодрствовать. Если ему скажут что-нибудь неприятное, то он бывает чувствительнее всякой девицы; если же приятное, то легкомысленнее всякого дитяти; между тем лицо его беспрестанно искажается зевотою. Он готов подчиниться всем, желающим сделать зло, если не людям, то страстям; им легко

овладевает и гнев, и похоть, и зависть, и всё. Все ему льстят, все услуживают, ещё более расслабляя его душу; и каждый день он получает какое-либо приращение своей болезни. Если он впадает в затруднительные обстоятельства, то обращается в прах и пепел, и шёлковые одежды не приносят ему никакой пользы.

Это сказано нами не напрасно, но с целью научить, чтобы никто не жил в праздности и бездействии. Праздность и роскошь не годны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия. Как всем не презирать такого человека — и домашним, и друзьям, и родным? Не справедливо ли кто-либо скажет, что он бремя земли и напрасно родился в мир? Или, лучше, не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду других? И посмотрим, что приятного в (такой жизни), где стремятся к праздности и недеятельности? Что может быть неприятнее человека, не знающего, что

делать? Что постыднее его? Что жалче? Не хуже ли тысячи уз постоянно зевать, сидя на площади и взирая на проходящих? Нет ничего постыднее праздности и бездействия; потому Бог и поставил нас в необходимость трудиться. Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз, или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа. Впрочем, как праздность есть зло, так и ненадлежащая деятельность.

Беспечность

Если бы мы немного захотели воспрянуть духом, мы отрясли бы, как прах, все (диавольские) козни... когда падаем (в грех), не от насилия его (диавола) терпим это, а от собственной беспечности.

Благополучие... делает людей беспечными...

Все боятся одного — как бы не сделаться бедным, а как бы не попасть в геенну — о том никто не беспокоится и не трепещет.

Бесстыдство

Ничто не делает так бесстыдным, как порочная совесть. Отчего блудницы бесстыдны? Отчего девственницы стыдливы? Первые не от греха ли? А последние не от целомудрия ли? Ничто не делает так бесстыдным, как грех. Напротив, скажут, он производит стыд. Правда, в том, кто сознаёт себя; а бесстыдного он делает ещё более дерзостным; кто не сознаёт себя, тот становится дерзким.

Блага земные и небесные

В настоящей жизни нет блага, кроме одной только добродетели.

Тому, кто привязан к настоящему, невозможно и питать в себе любовь к...

неизреченным благам (будущим и истинным): у него пристрастие к настоящему омрачает разум, точно так, как какая-нибудь нечистота залепляет телесные глаза и не позволяет ему видеть, что нужно.

Ищи благ будущих — и получишь настоящие; не ищи видимых — и непременно получишь их.

Дым и прах — таковы все блага человеческие...

Что это за блага, которые не постоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своём появлении, а между тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами ещё во время подвигов твоих?

Чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели. Таким образом, мы

и здесь будем утешаться, и будущих удостоимся благ.

Есть такие холодные и безумные люди, которые ищут всегда только настоящего и говорят такие достойные смеха слова: «Наслажусь теперь всеми настоящими благами, а после подумаю о том, что неизвестно; буду угождать чреву, буду рабом удовольствий, не буду много дорожить и настоящей жизнью: дай мне нынешний день, и возьми себе завтрашний!» Какое непомерное безумие! Чем отличаются такие люди от козлов и свиней?

Будем благодарить Бога и за чувственные блага, но ещё гораздо более — за духовные. Этого хочет и Он и ради этих-то благодарует и те, привлекая и научая ими несовершенных, как людей, ещё сильно привязанных к миру. Впрочем, если они, получив эти блага (чувственные), на них и останавливаются, то подвергаются осуждению и наказанию. Вот и расслабленному Христос хотел дать прежде благо духовное, но

присутствующие этого не вынесли. На Его слова: *Прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2) они сказали: *Он богохульствует* (Мф. 9, 3). Да не будет же с нами, убеждаю вас, ничего подобного; но блага духовные да будут предметом наших особенных забот. Почему? Потому что, когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ телесных. А если нет их (духовных благ), то какая нам останется надежда, какое утешение? Потому о них всегда нужно молить Бога и их просить.

Тогда как нас ожидают такие блага (небесные), мы всё ещё питаем страсти к настоящим и не помышляем о коварстве диавола, который чрез малое лишает нас великого: даёт грязь, чтобы похитить небо.

Благодарение

Будем же благодарить Господа не только за то, что знаем, но и за то, чего

не знаем, потому что Бог благодетельствует нам не только, когда мы желаем того, но и когда не желаем.

Случилось ли хорошее? Благословляй Бога — и хорошее останется. Случилось ли худое? Благословляй Бога — и худое прекратится.

(Господь) требует от нас благодарности не потому, чтобы нуждался в нашем прославлении, но чтобы вся польза обратилась на нас же, и мы сделались достойными бóльших милостей Его.

Будем прилежать к молитве и благодарить не только тогда, когда получаем (просимое), но и когда не получаем, потому что и неполучение, когда бывает по воле Божией, не менее благотворно, как и получение. Мы ведь не знаем, что нам полезно, в той мере, в какой Бог это знает. Следовательно, получим ли или не получим, мы должны благодарить.

Ничто так не приятно Богу, как душа признательная и благодарная.

Кто наслаждается благодеянием и чувствует благодарность, тот исполняет должное, а кто терпит бедствия и прославляет Бога, тот приготовляет себе воздаяние.

Станем же благодарить за благодеяния не только нам оказанные, но и другим; таким образом, мы в состоянии будем истребить и зависть, и утвердить любовь и сделать её искреннейшею.

Благодарение не только словами, но и делами

Возблагодарим Бога за то, что мы оказались в числе спасаемых и, не имея возможности спастись делами, были спасены по дару Божию. Благодарность же свою мы засвидетельствуем не словами только, но и делами и поступками. Благодарность тогда-то бывает совершенною, когда мы исполняем то, что служит к славе Божией, и когда избегаем того, от чего мы освободились. Ведь если мы, оскорбивши царя,

вместо того, чтобы подвергнуться наказанию, удостоены награды, потом опять оскорбили его, то справедливость требует, чтобы мы, как виновные в крайней неблагодарности, понесли и крайнее наказание, притом гораздо больше прежнего, потому что прежнее оскорбление не так доказывало нашу неблагодарность, как совершенное после оказанной нам чести и многих услуг. Потому станем избегать того, от чего мы освободились, и станем благодарить не одними устами.

Благодать

Благодать Духа не может излиться на неблагодарного и находящегося во вражде.

Робкие и боязливые (апостолы), по принятии Духа, устремились в среду опасностей и безбоязненно пошли и на железо, и в огонь, и на зверей, и в пучину морскую, и на всякое мучение. Некнижные и простые, они говорили с таким дерзновением,

что поражали слушателей. Из скудельных* Дух соделал их железными, окрылил их и не допустил впасть ни в какую слабость человеческую. Такова-то благодать Духа! Она, если находит печаль, уничтожает её; если злое вожеление — истребляет; если страх — изгоняет; и кто сподобился её, того не допускает уже быть человеком, но, как бы переселив на самое небо, располагает помышлять только о том, что на небе. Привлечём же к себе, чрез исполнение заповедей, необоримую помощь Духа, и мы будем ничем не меньше Ангелов.

Благодеяние

Если увидишь грешника, предающегося хищению, и корыстолюбию, и делающего множество зла и, однако, благодеяющего, то подумай: он сделал когда-нибудь нечто доброе, и полу-

* Скудельный — глиняный.

чает здесь блага, чтобы там не требовать награды.

Ничего нет менее полезного для природы человеческой, чем благоденствие и спокойствие.

Если мы наслаждаемся благоденствием, живя порочно, то тем более должны сокрушаться. Служа греху, мы и всегда должны страшиться, но особенно тогда, когда не претерпеваем никакого несчастья. Когда Бог посылает нам наказания, так сказать, по частям, то облегчает этим казнь за грехи; напротив, когда долготерпит обо всех наших прегрешениях, то тем сохраняет нас для большей казни, если мы пребываем в грехах.

Благотворительность

Ничто столько не уподобляет нас Богу, как благотворительность.

Благотворительность ничего другого не требует, кроме одного расположения.

Если ты скажешь: она требует имущества, домов, обуви, то прочти слова Христа, сказанные Им о вдовице (см.: Мк. 12, 43), и отложи такого рода заботу. Хотя бы ты был весьма беден — беднее даже тех, которые у тебя просят, — всё же если ты ввергнешь две лепты, то ты всё совершил; хотя бы ты дал кусок хлеба, не имея у себя ничего, кроме него, — ты всё исполнил.

Оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности и удовлетворить нужде. Если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утолим голод его.

Благодетель приносит выгоду и пользу не столько принимающим, сколько подающим, так как доставляют им дерзновение пред Богом.

Недостаточно благотворить, но должно и это делать нескучно и без скорби; или, лучше сказать, не только без скорби, но ещё с весёлым и радостным духом, потому

что не одно и то же не быть печальным — и радоваться. То же самое с большим тщанием доказывал Павел и в Послании к Коринфянам. Побуждая их к щедрости, он говорил: *Кто сеет скупо, скупо и пожнет; а кто сеет щедро, щедро и пожнет* (2 Кор. 9, 6); и научая, с каким расположением должно это делать, он при-совокупил: *не с огорчением и не с принуждением* (2 Кор. 9, 7). В совершающем благотворение должно быть то и другое — и щедрость, и весёлое расположение. Зачем ты плачешь, подавая милостыню? Зачем скорбишь, оказывая милосердие, и тем лишаешься плода заслуг своих? Если ты скорбишь, то нет в тебе милосердия, но ты жесток и бесчеловечен. Ведь если ты сам скорбишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Приятно то, чтобы он не подозревал ничего дурного, а также и то, когда подаёшь ему с радостью, потому что для людей ничто не представляется столько унижитель-

ным, как принимать что-нибудь от других, если только ты особенной весёлостью не отворишь подозрения и не покажешь, что сам получаешь больше, нежели даёшь. Потому (апостол) и говорит: *благовосрти-ть ли, благовосрти с радушием* (Рим. 12, 8).

Кто с печальным лицом получает царскую власть? Кто остаётся в унынии, получив прощение грехов? Итак, обращай внимание не на трату денег, но на пользу от этой траты. Если сеятель радуется, хотя и сеет в неизвестности на будущее, тем более должен радоваться возделывающий небо. Если ты и мало дал, но с радостью, то дал много, равным образом, если ты и много подал, но с прискорбием, то из многого сделал мало. Так две лепты вдовицы превзошли многие таланты, потому что её расположение было исполнено щедрости (см.: Мк. 12, 41—44). Скажешь: как может подавать с радушием тот, кто сам живёт в крайней бедности и имеет во всем недостаток? Спроси вдовицу,

у неё научишься, как это можно делать, и узнаешь, что не бедность создает затруднительное положение, но собственная воля производит как это, так и всё противоположное. Можно и в бедности быть великодушным, и при богатстве малодушествовать.

Благотворить — кому?

Он (апостол Павел) особенно предостерегает от скупости иудейской. У последних все дела человеколюбия ограничивались только единоплеменниками, тогда как учение благодати призывает на трапезу благотворения и море, и землю, хотя и обнаруживает большее попечение о своих.

Благочестие

За благочестивых людей сражаются: ангельское войско, сонм пророков,

сила апостолов, предстательство мучеников.

Благочестивый не хочет казаться благочестивым и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться из-за этого презрению.

Ты владеец одной только собственности — благочестия; его не отнимет у тебя наступившая смерть; всего прочего ты лишишься, хотя бы и не хотел.

Подобно свиньям, попирающим ногами жемчуг, благочестие для грешников омерзительно.

Ближний

Нет другого такого свидетельства и знака веры и любви ко Христу, как попечение о братьях и заботливость об их спасении.

Мы должны так заботиться друг о друге, как заботимся о себе самих, и щадить ближних так же, как и нас Бог.

Блуд

Где блуд, там обитает диавол.

От блуда всё тело становится нечистым, оно оскверняется так, как бы упало в грязный сосуд, наполненный нечистотою.

Бог

Не по праву ли Господь отвращается и наказывает нас, когда Он во всём предоставляет нам Себя, а мы противимся Ему? Для всякого это совершенно очевидно. Хочешь ли ты, говорит Он, украшаться — украшайся Моей красотой, или вооружаться — Моим оружием, или облечься — в Мою одежду, или питаться — вот тебе Моя трапеза, или идти — иди Моим путем, или наследовать — получи Моё наследие, или войти в отечество — войди в город, которого Я художник и строитель, или построить дом — построй его в селе-

ниях Моих. Я не требую от тебя награды за то, что даю, но ещё и должен наградить тебя за то самое, что ты пожелаешь воспользоваться всеми Моими благами. Что может сравняться с этой щедростью? Я отец, Я брат, Я жених, Я дом, Я питание, Я одежда, Я корень, Я основание, Я всё, чего бы ты ни захотел: ни в чем ты не будешь иметь нужды. Я и служить буду, потому что Я пришёл для того, чтобы служить, а не для того, чтобы Мне служили (см.: Мф. 20, 28). Я и друг, и член, и глава, и брат, сестра, и мать — Я всё; только ты будь Мне другом. Для тебя Я беден, для тебя Я нищий, для тебя Я на Кресте, для тебя во гробе, за тебя ходатайствую перед Отцом на небесах, для тебя Я явился на земле посланником от Отца. Ты Мне всё: и брат, и сонаследник, и друг, и член. Чего ещё желаешь? Для чего отвращаешься от Того, Который любит тебя?

Подлинно, совершенно никто — ни отец, ни мать, ни друг, ни другой

кто-либо не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог.

Бог обещает нам Царство — и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну — и мы чтим его!

Он (Бог) Сам никогда не отворачивается от нас, но мы удаляем себя от Него...

Если к человеку доброму не может быть близок тот, кто отличается от него своими нравами, то тем более к Богу.

Невозможно, чтобы человек, ведущий добродетельную жизнь и свободный от всех страстей, когда-либо был презрен (Богом); хотя и случится ему впасть в заблуждение, Бог тотчас привлекает его к истине.

Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему (Ин. 20, 17). Значит, Бог в ином смысле Отец Его (Христа) и в ином — наш? Именно так. Если Бог не в одинаковом смысле Бог праведных и Бог прочих людей, то тем более — Сына и наш.

Бог везде Своё совершает, хотя бы и никто не обращал на то внимания.

Богатство

Богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом.

Тот, кто рабствует богатству, и здесь и там всегда будет в узах; а не имеющий этой страсти и здесь и там будет свободен.

Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся.

Богатство для невнимательных служит средством к порокам...

Кто хвалится вещами житейскими, тот нисколько не отличается от людей, веселящихся во сне.

Ничто столько не заставляет любить богатство, как тщеславие.

Как же можно спастись богатому? Всё стяжание своё делая общим для нуждающихся, как поступал Иов, изгоняя из души пристрастие к большему и ни в каком случае не преступая пределов необходимого.

Пристрастный к богатству никогда не будет в состоянии пользоваться им; он будет рабом и стражем его, но не господином.

Богатый

Отчего же иной богат? Одни приобрели богатство по Божью благодаянию, другие же по поущению Божью. Вот краткая и простая причина. Почему же, скажешь ты, Он делает богатым блудника, прелюбодея, сладострастника и того, который злоупотребляет своим именем? Он не делает богатым, но только попускает быть богатым; а между деланием и поущением великое, даже бесконечное, раз-

личие. Почему же, однако, Он попускает? Потому, что не пришло ещё время суда, чтобы каждый получил достойное. Что хуже того богача, который не давал даже и крох Лазарю (см.: Лк. 16, 19—31)? Но он сделался всех несчастнее, не мог иметь и капли воды, особенно за то, что при своём богатстве был бесчеловечен. Если два нечестивца имели здесь не одинаковую участь, но один из них был богат, а другой беден, то они и там не равно будут наказаны, но который более богат, будет наказан более жестоко.

Ты — господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поскольку обладание ими непрочное и часто они улетают от нас быстрее всякой птицы и убегают неблагодарнее всякого беглого раба, то, пока

мы владыки над ними, будем пользоваться ими на должное, чтобы нам, приобретши на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на небесах сокровище.

И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению. Одежды, лёжа, ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви. Душа же обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот.

Сказав здесь (см.: Мф. 19, 23), что неудобно богатому войти в Царство Небесное, далее показывает, что и невозможно; не просто невозможно, но и в высшей степени невозможно, что и объясняет примером верблюда и игольных ушей. *Удобнее, говорит, верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 24). А отсюда видно, что немалая и награда ожидает тех, кто при богатстве умеет жить благо-разумно. Потому Христос называет такой

образ жизни делом Божиим, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочет так жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Он далее сказал: *Человекам это невозможно, Богу же все возможно* (Мф. 19, 26).

Болезни

Не одно расслабление телесное есть болезнь, но и грех; и последний ещё более первого, так как душа лучше тела.

Когда ты подвергнешься тяжелой болезни, и многие будут понуждать тебя облегчить страдание — одни заклинаниями, другие амулетами, третьи какими-либо иными чародейными средствами, а ты ради страха Божия мужественно и твёрдо перенесёшь тяготу болезни и предпочтёшь лучше всё потерпеть, нежели решиться сделать что-нибудь подобное, это доставит тебе венец мученичества.

Болтливость

Не знаю, откуда вошла в людей эта болезнь: мы стали болтливы; в нашей душе не держится ничего. Мы готовы на обвинения, скоры на осуждения. Если бы мы не сделали никакого другого зла, то и это одно достаточно для того, чтобы погубить нас, свести в геенну, причинить нам тысячи бед.

Положим же на уста свои дверь и ограждение. От болтливости произошло бесчисленное множество зол: расстраивались семейства, разрывались узы дружбы, совершались тысячи других бедствий. Но ты болтлив, ты имеешь этот недостаток? Говори лучше о своих делах Богу, и это не будет недостатком, а приобретением; говори о своих делах друзьям, друзьям истинным и правдивым, на которых ты полагаешься, чтобы они молились о грехах твоих. Если будешь говорить о чужих делах, то не получишь никакой пользы,

никакого приобретения, но ещё повредишь; а если будешь исповедовать свои дела перед Владыкой, то получишь великую награду.

Брак

Намеревающийся жениться пусть ищет не только спутницу жизни, но и добродетели. Невозможно мужу не погибнуть, когда жена развращена...

Посмотрите, как древние вступали в брак, и подражайте им. Как же они вступали? Они искали в невесте доброго поведения и нравов и совершенства душевного; а потому не имели нужды в письменных договорах, в обеспечении посредством бумаги и чернил. Вместо всего им достаточно было душевных свойств невесты. Итак, умоляю и вас искать не денег и богатства, но доброго поведения и кротости. Ищи девицу богобоязненную и благоразумную, и это будет

для тебя лучше бесчисленных сокровищ. Если ты будешь искать угодного Богу, то и это получишь; но если, оставив первое, погонишься за последним, не получишь и того. Но такой-то, скажешь ты, от жены разбогател. Не стыдно ли тебе приводить такие примеры? Слышал я от многих вот какие слова: лучше желал бы я терпеть крайнюю бедность, нежели получить богатство от жены. И действительно, что может быть неприятнее такого богатства? Что может быть тягостнее такого изобилия? Что постыднее сделаться таким образом знаменитым и подать повод всем говорить о себе: такой-то от жены разбогател?

Брак есть врачевство*, истребляющее блуд.

Та, которая воздерживается (от супружеской жизни) против воли мужа, не только лишится награды за воздержан-

* Врачевство — целебное средство, лекарство.

ние, но и даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам.

Красота телесная, не соединённая с душевною добродетелью, может увлекать мужа двадцать или тридцать дней, а далее не будет иметь силы, но, обнаружив дурные качества жены, уничтожит всю любовь.

Где муж и жена и дети в согласии и любви соединены узами добродетели, там посреди Христос.

Способность рождать (детей) имеет своё начало свыше — от Божия Промысла, и для этого ни природа женщины, ни сожитие (с мужем) и ничто другое само по себе недостаточно.

Жёны будут им (мужьям) любезны, когда душа их наперёд не узнает блуда и не будет растлена, когда юноша будет знать одну ту женщину, с которой он вступил в брак. Тогда и любовь бывает пламеннее, и расположение искреннее, и дружба надёжнее...

Грешному мужу даётся злая жена... как горькое лекарство, истребляющее греховные соки. И нападения от детей суть тоже наказание за грехи.

Брак не служит препятствием для шествия к небу. Если бы он был препятствием, и жена была бы причиною наших бедствий, то Бог, в начале сотворив её, не назвал бы её помощницею.

Разводиться — дело противное как природе, так и закону: природе, поскольку рассекается одна и та же плоть; закону — поскольку вы покусаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять.

Будущее и настоящее

Скажи мне, если бы кто-нибудь тебя, достигшего старости и живущего в бедности, обещался вдруг сделать молодым, привести в цветущий возраст, устроить крепким и красивым больше всех, дать тебе царскую власть над целою землёю

на тысячу лет и царствование твоё оградить совершеннейшим миром, то чего не согласился бы ты сделать и вытерпеть за такое обещание? Но вот Христос обещает не это, но гораздо более важное. Ведь не так велико различие между старостью и молодостью, как между тлением и нетлением, и не так велика разность между царством и нищетою, как между славою будущей и настоящею, между которыми такое же различие, какое между сновидением и действительностью. Но я и этим ещё ничего не объяснил, да и, вообще, нет слов изобразить великость различия между будущим и настоящим, так как, по причине времени, умом совсем невозможно постигнуть всего различия. В самом деле, как сравнить с настоящим жизнь, не имеющую конца? А мир будущей жизни столько же отличен от мира настоящей жизни, сколько мир от войны, нетление столько же превосходнее тления, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи,

а лучше — что бы ни сказал кто-нибудь — нисколько не изобразить вполне этой разности. Если красоту будущих тел я сравню со светом солнечного луча или с самой яркой молнией, то не скажу ещё ничего достойного той блистательности. Каких же земных сокровищ, каких тел или, лучше, каких душ не должно презреть ради будущего? Если бы кто-нибудь теперь ввёл тебя в царский дворец, доставил тебе возможность говорить с царём в присутствии всех, даже находиться с ним и вкушать с одного стола пищу, то ты, конечно, признал бы себя счастливее всех. А намереваясь взойти на небо, предстать Самому Царю вселенной, соревновать в блистательности с Ангелами, наслаждаться тою неизреченной славой, ты ещё колеблешься, нужно ли тебе презирать деньги, тогда как, хотя бы предстояло тебе лишиться и самой жизни, тебе следовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгом. Для получения должности начальника, кото-

рая доставляет тебе поводы к воровству (я не могу назвать этого честным прибытком), ты отдаёшь всё что имеешь, одолажаешься у других, а если нужно, не пожалеешь заложить жену и детей. А когда тебе предстоит Небесное Царство, такая власть, в которой не будешь иметь преемника, когда Сам Бог вверяет тебе в управление не уголок земли, но целое небо, ты медлишь и отказываешься, жалеешь денег и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба так прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнее высшая его часть и небо небес?

Сладостна настоящая жизнь и заключает в себе много приятного, но не для всех, а только для привязанных к ней. Если же кто посмотрит на небо и увидит тамошние блага, тот скоро станет пренебрегать этой жизнью и ставить её ни во что. Ведь и телесная красота, пока нет другой — лучшей, возбуждает удивление; а когда явится красота лучшая,

прежнюю начинают пренебрегать. Так и мы, если станем смотреть на ту красоту и созерцать благолепие тамошнего Царства, скоро освободимся от настоящих уз, так как привязанность к настоящему действительно есть некоторого рода узы.

В

Вдовство

Вдова освободилась от дел житейских и уже идёт к небу, и то усердие и служение, которое она оказывала мужу, может употребить на дела духовные.

Вера

Нет пользы от здоровой веры при развращённой жизни.

Вера делает того, кто обращается (к ней), небесным гражданином.

Если мы желаем иметь твёрдую веру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагает Духа пребывать в нас и поддерживать силу веры.

Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался и в вере.

Где вера, там и сила; а где неверие, там и немощь.

Всё, что дает Мне Отец, ко Мне придет (Ин.6,37). Но, быть может, скажет кто-нибудь: если всё, что даёт Отец, приходит к Тебе, и (если приходят) те, которых только Он привлечёт, и никто не может прийти к Тебе, если не будет дано ему свыше, то кому Отец не даёт, те свободны от всякой вины и осуждения. Это — пустые слова и одна отговорка. Без сомнения, мы имеем нужду и в собственной воле, потому что поучаться и веровать — дело воли. Здесь же словами: *что дает Мне Отец* —

Он означает не другое что, как следующее: верить в Меня — дело не маловажное, и для того нужны не умствования человеческие, но откровение свыше и душа, с благодарностью принимающая откровение.

Вино

Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность — изобретение диавола.

Власти

Тот, кто покоряется властям, не властям покоряется, а повинуется Богу, установившему их.

Отдавайте всякому должное: кому по́дать, по́дать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь (Рим. 13, 7). Пусть, говорит, только из-за проповеди будет у тебя борьба с ними (властями); ни от какой другой причины она не должна происхо-

дить, потому что если у нас будет с ними вражда и из-за чего-нибудь ещё другого, например, если не станем платить пода-тей, если не будем воздавать приличных почестей, если не будем смиренны, то и нам не будет награды, и они сами (враги наши) сделаются хуже, и их обвинения против нас будут казаться справедливыми. Ваша любезность пусть не доходит до того, чтобы она употреблялась без разбора: можно говорить любезно, но нужно делать это с должным приличием.

Власть

Что за выгода властвовать над столь многими, когда сам не в состоянии победить себя и свои собственные страсти?

Никто не может быть так способным к принятию власти, как душа любомудрая и умеющая сострадать.

Власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь очень муже-

ственную душу, чтобы пользоваться властью как следует.

Кто неблагочестив, тот будет ещё более неблагочестивым, сделавшись начальником.

Внешнее и внутреннее

Если в блюде важно внутреннее (см.: Мф. 23, 25—26), то тем более в тебе. Но вы, говорит Он (Господь), поступаете напротив: соблюдая маловажное и внешнее, нерадите о важном и внутреннем. Отсюда происходит тот величайший вред, что вы, считая себя исполнившими всё, прочее пренебрегаете; а пренебрегая, и не заботитесь или не принимаетесь за его исполнение.

Возвращение к Богу

Когда мы с пламенной любовью обращаемся к Богу, то Он не поминает преж-

них наших грехов. Бог — не как человек: Он не укоряет уже в том, что прошло, и, когда мы раскаиваемся, не говорит нам: «Для чего вы столько времени удалялись от Меня?» — но уже любит нас, когда мы приходим к Нему, если только приходим к Нему как должно.

Воздержание

Воздержание от пищи Бог повелевает для того, чтобы мы обуздывали порывы плоти и делали её послушным орудием для исполнения заповедей.

Воздержание после Причастия

Мы здесь приступаем к Священной Трапезе вместе с бедными, а вышедши отсюда не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, их, алчущих, оставляем без внимания. Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же

в праздники, когда всего более следовало бы не делать этого. Тогда-то, после причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных: тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Вспомни, что делали апостолы, причастившись Священной Вечери: не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великого любомудрия? Подлинно великие и дивные Тайны (Господь) преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошёл звать будущих Его распинателей. Разве не слышал ты также, что и три тысячи верующих, сподобившиеся причащения, пребывали постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться дос-

тойным причащения, то после причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь всё. Но не одно и то же поститься прежде или после: должно быть воздержным и в то, и в другое время, но особенно после принятия Жениха; прежде — для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после — для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после причащения? Я не говорю этого я не принуждаю; хорошо, разумеется, делать и так, однако же и не насилую, а лишь увещаю не предаваться безмерному пресыщению. Если вообще никогда не должно пресыщаться, как это внушает Павел в словах: *питающаяся же пространно жива умерла* (1 Тим. 5, 6; по церковнославянскому переводу), то здесь тем более угрожает смерть (пресыщающимся после причащения). Если оно (пресыщение) пагубно в иное время, то тем более после

причащения Таин. А ты, приняв Хлеб жизни, совершаешь дела смерти и не трепещешь? Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чём и говорить неприлично. Всё это делаешь ты после того, как причастился Трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим и к Плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте свою десницу*, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает мысли свои к той духов-

* В древности при причащении Тело Христово преподавалось в руки верующим, а Кровь Христову они вкушали из Чаши. Теперь так причащаются только священнослужители в алтаре, что все мы можем видеть на Пасху и на Светлой седмице, когда царские врата всё время открыты.

ной Трапезе, к Вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь; или, лучше сказать, если тщательно вникнем, то и теперь — та же ночь.

Война духовная

Настоящая жизнь есть время борьбы; следовательно, нужно бороться; здесь война и брань. На войне никто не ищет покоя, на войне никто не думает об удовольствиях, никто не заботится об имуществе, никто не беспокоится о жене; но печётся только об одном — как бы одолеть врагов. Так будем поступать и мы. И если мы победим и возвратимся с трофеями, то Бог подаст нам всё. Об одном только нам надобно стараться — как бы одолеть диавола; а лучше сказать, и это не есть дело наших усилий, но всё — благодати Божией. Об одном только нам надобно стараться — чтобы приобрести благодать Его, чтобы стяжать себе

помощь Его. *Если Бог за нас, кто против нас?* — говорится (Рим. 8, 31). Об одном только будем стараться, чтобы Он не стал врагом нашим, чтобы Он не отвернулся от нас.

Войны домашние

Многие и ныне ведут войну в домах своих: один встречает войну от жены, другой осаждается сыном, иной терпит неприятности от брата, иной от слуги, — и каждый мучится, досадует, сражается, причиняет войну и поражается войною; но никто не думает, рассуждая сам в себе, что, если бы он не посеял грехов, то не возросли бы в доме его терния и волчцы; если бы не подложил искр греховных, то не воспламенился бы дом его. А что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует Божественное

Писание, которого нет ничего достовернее. С тобою ведёт войну жена, при входе твоём встречает тебя, как дикий зверь, изощряет язык свой, как меч? При-скорбно, конечно, что помощница сделалась противницею; однако исследуй самого себя: не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины? И вот оскорбление женщины отмщается женщиною и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач — Бог. Он действует на тебя ею, как железом, и как железо не знает того, что делает, а знает совершающий железом врачевание — врач, так и здесь: хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно. А что и нападения от детей суть также наказания за грехи, тому свидетель (царь) Давид, гонимый сыном своим Авессаломом за незаконную связь.

Волшебники (гадалки, экстрасенсы, колдуны)

Не будем верить нелепостям, каковы все предсказания волшебников. Но как же, скажешь, что они говорят, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты веришь, если только сбывается. Волшебник овладевает тобою, делается господином твоей жизни и располагает ею, как хочет. Скажи мне: если какой-нибудь предводитель разбойников возьмёт в свои руки и под свою власть царского сына, прибежавшего к нему и полюбившего тамошнюю жизнь, то может ли этот разбойник сказать ему, умрёт ли он или будет жив? Весьма может. Почему? Не потому, чтобы он предвидел будущее, но потому, что в его власти то и другое — погубить и спасти сына, который сделал его своим господином. Он может и погубить, если захочет, может также и отпустить, если захочет, потому что пленник находится в его власти. Если

он скажет: ты будешь богат или беден, — то и другое находится в его власти. Так и в мире большая часть людей предали себя в руки дьявола.

С другой стороны, этим обманщикам много помогает то, когда человек привыкнет верить им, потому что никто не обращает внимания на предсказания неудачные, а только на удачные. Если они имеют какую-нибудь силу предведения, то приведи их ко мне, верующему. Говорю это не с тем, чтобы превозносить себя: не стоит превозноситься тем, что я не верю им. Я многогрешен; но пред ними не стану смиряться и, по благодати Божией, смеюсь над всеми ими. Приведи ко мне волшебника; если он имеет какую-нибудь силу предведения, то пусть скажет, что случится со мною, что будет со мною завтра. Но он не скажет, потому что я нахожусь под властью Царя, а волшебник не имеет надо мною никакой власти и силы; я далёк от его сетей

и оврагов; я служу Царю. Но, скажешь, такой-то украл, а один волшебник указал его. Это не всегда бывает справедливо, а по большей части смешно и ложно. Если они и предсказывали что-нибудь, то это было только делом случая. Наши же пророки не ошибаются; они не говорят одно справедливо, а другое ложно, но всё справедливо; это и есть предведение. Перестаньте же, увещаваю вас, безумствовать, если вы веруете во Христа; если же не веруете, то для чего позорите себя, для чего обманываете? *Долго ли вам хромать на оба колена?* (3 Цар. 18, 21).

И для чего ты ходишь к волшебнику? Для чего спрашиваешь его? Как только ты пришёл, как только стал спрашивать, то уже и сделал себя рабом его, потому что спрашиваешь, как верующий в него. Нет, скажешь, я спрашиваю, не веруя, что он говорит правду, но испытывая его. Но и испытывать, правду ли он говорит, свойственно не уверенному в том, что он

лжёт, а ещё сомневающимся. Для чего же ты спрашиваешь, что случится? Если они берутся предсказывать будущее, то слушающий не приобретает ничего, кроме лишней скорби; предсказание не сбывается, а он уже испытал скорбь, уже измучил себя. Если бы полезно было знать будущее, то Бог не скрыл бы этого от нас, как бы по зависти; Тот не завидует, кто сказал нам, что есть на небесах. *Сказал, — говорит Он, — вам всё, что слышал от Отца Моего; и ещё: Я уже не называю вас рабами, но друзьями: вы друзья Мои* (Ин. 15, 14—15). Почему же Он не открыл нам будущего? Потому что Он хочет, чтобы мы нисколько не заботились об этом. Мы знаем, что мы воскреснем, будем бессмертны и нетленны, что жизнь наша не будет иметь конца, что всё (настоящее) пройдёт, что мы *будем восхищены на облаках* (1 Фес. 4, 17), что злые получают наказание, и, кроме того, многое другое, — и всё это не ложно.

Воля Божия

Что делается против воли Божией, то сквернее всего, будет ли то жертва или пост.

Не будем же говорить: для чего это и к чему это? Когда всё устрояет Бог, не станем требовать от Него отчёта — это крайне нечестиво и безумно.

Воля человеческая

Как же не все спасаются, если Он (Бог) всем хочет спастись? Это оттого, что не всех воля следует за Его волею, а Он никого не принуждает.

После Вышней благодати наша воля служит причиною добродетели и порока.

Ни богатство не ведёт к небу, ни бедность к геенне, но к тому или другому ведёт добрая или злая воля. Итак, исправим её, восстановим её, устроим её, и всё для нас будет удобно.

Начало греха лежит не в природе, но в душевном расположении и в свободной воле.

Важно, к чему направлена воля

Он (Бог) требует не только обнаружения дел, но и благородной воли, и благоразумной мысли. Такой человек, хотя бы когда-нибудь и согрешил под влиянием какого-нибудь обстоятельства, скоро исправится; хотя бы ему случилось и закоснеть в пороке, он не будет презрен, но всеведущий Бог скоро вспомнит о нём. А равно человек развращённый, хотя бы и сделал что-нибудь по видимости доброе, погибнет, потому что делает это с худым расположением. Так Давид, совершив убийство и прелюбодеяние, скоро загладил свои преступления, потому что увлечён был обстоятельствами и сделал это не вследствие привязанности к пороку; а фарисей, не совер-

шивший ничего подобного и даже хвалившийся добрыми делами, всё погубил злою волею.

Воровство

Хуже всего то, что ты грабить и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждал голод, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на доме...

Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, но в намерении ворующего.

Переносить ради Бога расхищение имущества гораздо более значит, нежели благотворить.

Воскресение

Хотя воскресение будет общим для всех, но воскресение во славе только для живших праведно.

Бог не новые тела призовет к воскресению, но обновит те же самые, истлевшие и превращенные в прах.

(Тело) воскреснет в лучшем, славнейшем виде. А если бы не так, то не было бы нужды и в воскресении, если бы тело не могло воскреснуть лучшим: для чего разрушать дом, если не строить его лучшим?

Воспитание детей

Невозможно, поистине невозможно, чтобы тот, кто с самого начала был воспитан с великим тщанием и окружён попечениями, сделался злым, потому что грехи не таковы по своей природе, чтобы они могли быть сильнее такого попечения.

Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали (Кол. 3, 21). Выражение *не раздражайте* значит: не делайте их спорщиками. Есть случаи, в которых вы должны уступать им.

Какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенной, усиливать угрозы, поражать. Оскорбляемый же делается более дерзким и презирает оскорбляющего. Ничто так не возбуждает презрения, как оскорбление, которое наносит более бесчестия самому оскорбляющему, лишая его должного уважения.

Враги

Станем всё переносить, и делать, и терпеть, лишь бы врагов (наших) примирить с нами. Будем доискиваться не того, справедливо или несправедливо они злобятся на нас, но только того, чтобы они перестали враждовать против нас.

(Что если) враг твой покусился на твою жизнь, замыслил убить тебя? Если причислишь его к благодетелям и не перестанешь молиться за него

и умолять Бога о милосердии к нему — это дело вменяется тебе в мученический подвиг.

Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в нашей власти, но не ненавидеть их; в этом мы властны, а в том — нет.

Вражда

Ничто так не способствует диаволу находить место среди нас, как вражда.

В минуты гнева вражда, как густое облако, став у нас перед глазами и ушами, делает то, что иными кажутся нам и голоса, и лица...

Вражда составляет и небывалые грехи, и у неё находят веру все клеветники — все, кто радуется чужому несчастью и разглашает чужие пороки.

Если кто будет находиться в неприятных к нам отношениях, не станем ещё более воспламенять его нерасположения,

а кротостью и смирением в словах и делах будем умирать вражду и таким образом врачевать озлобленную душу.

С одним только повелено нам быть во вражде — с диаволом: с ним никогда не примиряйся.

Вразумление

Как человека дерзкого вразумляет тот, кто, получив от него обиду, уступает ему, так и честолюбивого научает смирению тот, кто не гонится за славою, но презирает её.

Время

Доколе мы будем жить напрасно, без пользы? Не делать угодное Богу действительно значит жить напрасно; или, лучше, не только напрасно, но и во вред себе. Если данное нам время мы не употребим ни на какое полезное дело, то,

отошедши отсюда, подвергнемся величайшему наказанию за потерю времени. Если получивший деньги для торговых оборотов и потом истративший их подвергнется ответственности перед вверившими их ему, то ужели не понесёт наказания истощивший эту жизнь напрасно?

Бог дал тебе определённое время жизни, чтобы ты служил Ему; а ты попусту, напрасно и без всякой пользы тратишь его и ещё спрашиваешь: какая потеря? Когда ты истратишь напрасно хоть несколько денег, называешь это потерей; а тратя целые дни своей жизни на сатанинские зрелища, полагаешь, что ничего не делаешь предосудительного? Тебе следовало бы всю жизнь проводить в молитвах и молениях, а ты тратишь свою жизнь на крики, шум, сквернословие, ссоры, безвременные увеселения и дела фокуснические, — тратишь напрасно и на свою гибель, и после

всего этого спрашиваешь: какая потеря? Или не знаешь, что всего более следует беречь время? Если истратишь золото, можешь снова приобрести его; если же погубишь время, трудно воротить его, потому что не много дано его нам на настоящую жизнь.

Высокомерие

Сколько скорбей имеет (человек) высокомерный! Как он терзает сам себя от гордости, выдумывая себе тысячи оскорблений, (питая в себе) великую ненависть, сильную вражду, большую зависть и крайнее недоброжелательство! Если оскорбил его кто-нибудь из высших его, он досадует; если он ещё не возвысился над всеми — терзается. Напротив, человек смиренный наслаждается великим удовольствием, не ожидая почестей ни от кого. Если ему оказывают честь, он радуется; если не оказывают, он не скор-

бит, но даже любит то, что ему не воздали почестей. Таким образом, не искать почестей и получать их — это великое удовольствие. А у того наоборот: он ищет почестей и не получает их. И радуются почестям неодинаково ищущий их и не ищущий. Первый, сколько бы ни получал, думает, что ничего не получил; а последний, хотя и не много окажешь ему, принимает так, как если бы всё получил.

Г

Гадание

Как же, скажешь ты, сбывается многое из того, что предсказывают? Так как ты сам себя лишил помощи Божией, пренебрёг ею и поставил себя вне Про-

мысла, то диавол, по своей воле, управляет и располагает твоими делами. Но он не делает этого со святыми, ни даже с нами, грешными, которые весьма презираем эти предсказания. Хотя жизнь наша и худа, но так как мы по благодати Божией весьма твёрдо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями диавольскими.

Глупость

Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым, имея разум, не извинительно и влечёт за собою большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокомерие. Ничто ведь так не делает глупым, как кичливость.

Если *начало премудрости есть страх Господень* (Пс. 110, 10), то начало глупости есть неведение Господа.

Гнев

Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный.

Подлинно, и гнев опьяняет, и это опьянение даже гораздо хуже, чем опьянение от вина.

Пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душою, низвращая всё её здоровое состояние.

То-то и ужасно, что в короткое время, через один поступок, чрез одно даже слово (гнев) часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды.

Воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придёшь в гнев. Вот способ укрощения гнева! Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, укротишь волнение сердца.

Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто злобу, пусть он

соберёт и изольёт всю эту ярость и гнев на главу диавола...

Гнев не будет уже иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому.

Когда к тебе, терпящему что-либо ужасное и невыносимое, подступят гнев и ярость, вспомни о кротости Христа, и скоро станешь смирным и кротким...

Огня нельзя погасить огнём: это неестественно. Также и гнева ни в каком случае невозможно укротить гневом.

Гневливый подлежит проклятию. И невозможно быть чему-нибудь здоровому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик, и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе. Если же душа хочет сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то наперёд должна быть в (тихой) пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чём-нибудь

необходимом, избираем места, удалённые от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять то же; будет ли есть, и тогда повредит себе; будет ли пить или не будет, будет ли сидеть или стоять, ходить или спать — ему и во сне представляется подобное же. И что у таких (людей) не беспорядочно? Глаза — отвратительны; рот — искривлён; члены тела напряжены и трясутся; язык не обуздан и не щадит никого; рассудок помешан; одежда в непристойном виде; (во всём) великое безобразие! Посмотри на глаза беснующихся, пьяных и неистовствующих (от гнева): чем они отличаются друг от друга? Не всюду ли безумие? Но ведь это бывает только на время? Правда,

неистовствующий бывает одержим (гневом) на время. Но что может быть хуже этого? И ещё не стыдятся оправдываться: я не признавал, говорят, что сказал. Почему же не признавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлечённый гневом и яростью? Это оправдание, достойное осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это слова гнева, скажешь, а не мои. Как гнева? Гнев не имеет силы, если не получит её от тебя. Это подобно тому, как если бы кто сказал: это раны руки (моей), а не мои. Гнев не позволяет видеть, но как бы во время ночной битвы, закрыв всё — и глаза, и уши, ведёт туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападает на нас, положим на перси знамение (креста), как бы некоторую узду на него. Гнев есть бесстыдный пёс; но пусть он научится слушаться закона.

Гнев Божий

Он (Бог. — *Ред.*) и в гневе Своём не только не имеет к нам ненависти и отвращения, но и гневается для того, чтобы хотя бы таким образом привлечь нас к Себе; ведь если бы Он, будучи оскорбляем, воздавал тебе одними благодеяниями, то ты ещё более стал бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Он на время отвращает от тебя лицо Своё, чтобы соединить тебя с Собой навеки.

Гневающийся

Ты, когда видишь (гневливого) ожесточившимся, тогда тем более уступи, потому что самое ожесточение его имеет нужду в большем послаблении. Чем сильнее он оскорбляет, тем в большей кротости имеет нужду.

Видя беснующихся, мы проливаем слёзы, а не думаем сами подобно

им бесноваться. Будем поступать так же и с гневающимися, потому что и они подобны бесноватым, или даже несчастнее их, потому что хотя они и беснуются, но ещё не лишились ума. Потому-то и бешенство их непростительно.

Гнев на войне

Где, кажется, больше всего нужен гнев, как не на войне и во время битвы? Но и там, если что будет делаться с гневом, то всё будет испорчено и погублено. Воюющим в особенности и не следует гневаться; нападающим в особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, как же иначе можно сражаться? Разумно, спокойно. Сражение есть стояние одной стороны против другой. Разве ты не видишь, что и сами войны подчинены закону, порядку и времени? А гнев есть не что иное, как безумное раздра-

жение; безумный же не может сделать ничего разумного.

Гордость

Если... кто скажет, что лучше гордиться, делая добро, нежели смиряться, согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения.

Гордость... может... повредить всякую добродетель души — милостыню ли, молитву ли, пост или что-либо другое. Сказано, *что высокое у людей нечисто пред Богом* (ср.: Лк. 16, 15).

Гордость есть знак низкого ума и неблагородной души.

Гордость есть начало греха. С неё и начинается всякий грех и в ней находит свою опору.

Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, то ничто из предметов внешних не могло бы возбудить в нас гордость.

Гостеприимство

Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не всё нужное для принятия их поручил приготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил, и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста восемнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женою получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг гостеприимства, делая всё сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы. И когда подаёшь нищему, не погнушайся дать сам: ведь даёшь не нищему, а Христу. Между тем кто может быть столь жалок, чтобы гнушался протянуть руку Христу? Вот в чём состоит гостеприимство, вот что значит действительно делать ради Бога. А если ты с гордостью станешь распоряжаться, то

хотя бы приказал (страннику) занять первое место, это не будет гостеприимством и не будет совершаться ради Бога.

Грех

Грешить ещё свойственно человеку, но коснеть во грехах — это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело.

Не столько могут раздражать Его (Бога. — *Ред.*) соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться.

Не чувствовать своих беззаконий и грешить без всякой о том скорби есть крайний предел порочности.

Грех (следует) умерщвлять исповедью, слезами, осуждением самих себя, ибо ничто столько не губительно для греха, как его обличение и осуждение, с покаянием и слезами.

Мы, если, безмерно согрешая, не терпим никакого зла, должны не восхи-

щаться этим, а сильнее бояться. Если мы здесь не подвергнемся суду Божию, то там со всем миром будем осуждены.

Не бывает диавол виною наших грехов, если только мы захотим быть внимательными...

За грехи насылаются печали, за грехи — беспокойства, за грехи — войны, за грехи — болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются.

Память о грехах укрощает ум, убеждает быть смиренномудрым и чрез смиренномудрие привлекает Божие благоволение.

Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим.

Если будем воздерживаться от малых грехов, то никогда уже не впадём в большие, а с течением времени, при помощи небесной, достигнем и высшей добродетели... и получим вечные блага...

Грех, ещё прежде наказания Божия, сам собою мстит тому, кто совершает его.

Когда уничтожен грех, тогда всё легко, удобно, мирно, а когда он существует, тогда во всем подводные камни, бури, кораблекрушения.

Греха... нет ни одного, который бы истекал из необходимости, — все они зависят от испорченной воли.

Грех — пища смерти...

Греха последствия

Не только то зло мы терпим от греха, что грешим, но ещё и то, что душа приобретает дурной навик, подобно как бывает с телом. Сказанное будет яснее на примере. Как одержимый горячкою не только то терпит зло, что находится в болезни, но и то, что после болезни становится слабее, хотя бы он уже и выздоровел от продолжительной болезни,

так и по совершении греха, хотя бы мы и исцелели, мы ещё имеем нужду в большей силе. Представь человека, который нанёс кому-нибудь обиду и не получил наказания: не потому только он достоин слёз, что не потерпел наказания за обиду, но и по другой причине. По какой? Потому что душа его стала бесстыднее. От каждого греха, когда он сделан и окончен, в душе нашей остаётся некоторый яд.

Грех и диавол

Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу, освобождённую от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; чрез грех всё превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы диаволу, стёр главу его, разрушил всю его

силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее.

Грехи малые

Это-то самое и служит причиною всех зол, именно — что мы не беспокоимся о малых проступках. Потому-то и возникли более тяжкие грехи, что малые остаются без надлежащего исправления. И подобно тому как в отношении к телам пренебрегающие врачеванием ран производят этим горячки, гниение и смерть, точно так же и по отношению к душам: не обращающие внимания на незначительные погрешности впадают в большие. Такой-то, говорят, погрешает против поста, и тут нет ничего важного; другой твёрд в православной вере, но, лицемеря в угоду времени, не с таким дерзновением исповедует её, — и это, говорят, не представляет очень большого зла; иной, будучи раздражён, грозил отступить от правой

веры, но и это будто бы не заслуживает наказания, так как он, говорят, согрешил в гневе и раздражении. И бесчисленное множество подобного рода грехов, как каждый может видеть, ежедневно вторгается в Церковь.

Грехи свои и чужие

Какое оправдание и прощение будем иметь мы, когда, нисколько не помышляя о своих грехах, так старательно выводываем и расследуем чужие?

Если уж худо не обращать внимания на свои грехи, то вдвое или втрое хуже судить других, имея в собственных своих глазах бревно, и не чувствуя от того никакой боли; ведь грех тягостнее и бревна.

Не другое что доводит нас до нерадения о своих делах, как пытливость и разведывание о чужих делах, — потому что кто любить злословить и разведывать о чужой жизни, тому некогда позабо-

титься о собственной жизни. Так как он употребляет всё своё старание на разведывание о чужом, то всё принадлежащее ему самому, по необходимости, остаётся в пренебрежении. И как было бы хорошо, если бы ты, употребляя всё время на попечение и суждение о своих собственных грехах, мог сделать какой-нибудь успех! Но так как ты постоянно заботишься о чужом, то когда тебе подумать о своих собственных недостатках?

Грехов прощение

Но что, скажешь, если я оскорбил Его (Бога. — *Ред.*)? Перестань оскорблять, со слезами приступи к Нему, и Он скоро помилует тебя за прежние дела. Скажи только, что оскорбил Его, скажи от души и из глубины сердца, и во всём получишь прощение. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он желает про-

стить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил единородного, истинного и сопрестольного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои?

Итак, будем приступать к Нему с верою; приступать, принося угодные Ему дары: непамятозлобие*, снисходительность, кротость. Хотя бы ты был грешник, с дерзновением проси у Него прощения грехов, если можешь представить со своей стороны это доброе дело; и хотя бы ты был праведник, но если не имеешь непамятозлюбия, то не получишь никакой пользы. Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения

* Непамятозлобие — непамятование злобы, забвение обид (памятозлѳбие — злопамятность).

Г

(от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас; это известно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать (пред Богом): я был обижен, но обуздал гнев, преодолел бурный порыв его по заповеди Твоей, — то не простит ли и Он тебе? Без сомнения, простит. Очистим же душу свою от памятозlobия; этого довольно будет, чтобы и нам быть услышанными.

Губитель

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете (Мф. 23, 13). Если виновен тот, кто не приносит пользы, то как может ожидать прощения тот, кто причиняет ближним вред и заграждает им вход? Что же значит слово: *хотящих войти*? Оно означает способных. Когда надлежало что-нибудь предписывать другим, тогда

книжники возлагали бремена неудобно-носимые; а когда самим им должно было исполнять что-нибудь из предписываемого законом, тогда они поступали совершенно иначе: не только ничего ни делали сами, но, что гораздо пагубнее, развращали ещё и других. Это люди, которых должно назвать язвою, люди, поставляющие делом своим погибель других, совершенно противоположные истинным учителям. Если дело учителя — спасти погибающего, то губить желающего спастись — дело губителя.

Д

Девство

Сущность девства состоит в святости тела и духа.

Девство, хотя бы оно было соединено со всеми другими добродетелями, будучи чуждо дел милосердия, осуждается вместе с людьми прелюбодейными...

Девство и брак

Жизнь (девственниц) имеет печали, но в сравнении с брачными, их нельзя и назвать печальями.

Нерастленная душою есть дева, хотя бы она и имела мужа; она девственна истинною, чудною девственностью...

Девство потому и хорошо, что оно отклоняет всякий повод к излишней заботе и доставляет полный досуг для богоугодных дел; так что, если этого нет, оно бывает гораздо хуже брака.

Дела

...Смотрю не на качество того, что делается, но на расположение делающих.

Добрыми и злыми бывают не естественные действия, а только действия ума и воли.

Многочисленное стечение житейских дел помрачает ясность нашего ума, и мы находимся в темноте.

Всё совершай во имя Господне, и всё у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, всё выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение дел.

В делах необходимых, духовных, мы совершенно нерадивы; бездельем занимаемся, как делом, а что следовало бы считать самым необходимым, того мы не ставим наряду даже с бездельем.

Делающий добро

И ты, когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся:

тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлит это воздаяние, тем большее будет приращение.

Ведай совершенно, что человек, творящий благое с кичением, впадает в крайнюю погибель.

Возможно и доброе дело делать не с добрым намерением, за что не только не будет награды, но ещё наказание.

Делающий зло

Всякий, делающий зло, заслуживает наказания; кто же, принявши на себя образ благочестия, употребляет его для прикрытия своих злых дел, тот подлежит гораздо жесточайшему наказанию.

Дети не наказываются за грехи родителей

Говорит Бог: *Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов*

до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня (Исх. 20, 5), не потому, чтобы кто-нибудь из них нёс наказание за чужие проступки, но потому, что после многих грешников, и притом наказанных, они не сделались лучшими, но подобно им предавались греху, а потому и достойны того, чтобы им терпеть одинаковые наказания.

Диавол

Вот злоба диавола: служащих ему он предаёт таким трудам, которые и мучат обольщённых, и делают их смешными больше всех...

Никто не думай о диаволе, будто он так силён, что может заградить путь, ведущий к добродетели; (он) прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает.

Нет ничего злее диавола. Так он повсюду обременяет и развлекает своих

бесполезными трудами, и не только не допускает получить награду, но умеет ещё сделать их достойными наказания.

Диавол, как враг мира, ненавистник согласия и отец злобы, сколько радуется и торжествует, когда мы предаёмся гневу, ссоримся и нападаем друг на друга, столько же скорбит и печалится, когда мы сохраняем мир и согласие и обуздываем гнев.

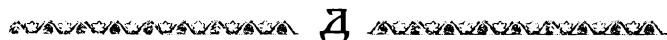
Огради душу верою и любовью, и ни одна из разжжённых стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в неё.

Диавол с большею яростью нападает на учителей (наставников духовных), потому что если они погибнут, то и всё стадо рассеется.

Добродетели портрет

Действительно, добродетель имеет и главу, и члены, благолепнейшие вся-

кого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие. Потому и Христос начинает с смиренномудрия, говоря: *блаженны нищие* (Мф. 5, 3). Вот глава добродетели! Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает самого Бога. *Вот на кого*, — говорит Он, — *Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). И ещё: *близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет* (Пс. 33, 19). Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы благоприятные Богу: она — золотой жертвенник и духовный алтарь. *Жертва Богу — дух сокрушенный* (Пс. 50, 19). Она — мать премудрости. Кто её имеет, тот и всё прочее иметь будет. Итак, видишь ли главу, какой ты никогда ещё не видывал? Хочешь ли видеть или, лучше, узнать и лицо добродетели? Всмотрись же сперва в его румя-

ный, красивый и весьма приятный цвет, а потом узнай, от чего последний происходит. От чего же именно? От того, что добродетель стыдлива и всегда краснеет. Потому и сказал некто: *Прежде грома предваряет молния, а прежде стыдливаго предваряет благодать* (Сир. 32, 12; по церковнославянскому переводу).

Это сообщает большую красоту и всем прочим членам. И хотя бы ты смешал тысячи цветов, всё не произведешь такой лепоты. Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и проницательны, что видят Самого Господа. *Блаженны чистые сердцем*, — говорит Он, — *ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Уста же добродетели суть премудрость, и разум, и знание духовных песнопений. Сердце её есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколю-

бие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается всё доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги — явление добрых дел. Есть у неё и душа — благочестие. Есть у неё золотая и твёрже адаманта грудь — мужество. Легче всё одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец дух, пребывающий в мозгу и в сердце, — любовь.

Добродетели различные

Итак, видишь ли, что жизнь (твоя) может приносить больше пользы (другим людям)? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретище и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даёшь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь

тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от Христа. *Научитесь, — говорит Он, — от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Не говорит: Я постился, хотя мог бы упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только: *ибо Я кроток и смирен сердцем*. И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но: *ешьте, что вам предложат* (Лк. 10, 8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостяжания, говоря: *Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои* (Мф. 10, 9). Говорю это не в осуждение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточною для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство.

Добродетель

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, — не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она обыкновенно в людях злых возбуждает к себе ненависть.

Добродетель — величайшее чудо

Будем упражняться в добродетели; она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу, являет её и в самом рабстве, не освобождая от рабства, но самих рабов делая почтеннее свободных; а это гораздо важнее, чем дать самую свободу. Она не делает бедного богатым, но и в самой бедности делает его достаточнее богатого. Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов — и всё тобой

будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов. Послушай, как Павел добродетель ставит выше чудес. *Ревнуйте, — говорит он, — о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший* (1 Кор. 12, 31); и далее, показывая этот путь, не упомянул ни о воскресении мертвых, ни об очищении прокаженных, ни о чём другом тому подобном, но вместо всего того сказал о любви. Послушай, что говорит и Христос: *тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20). И прежде, в другом месте: *Многие скажут Мне в тот день: ...не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: ...не знаю вас.* (ср.: Мф. 7, 22—23). Также перед крестным страданием, призвав учеников, сказал им: *По тому узнают все, что вы Мои уче-*

ники, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13, 35), а не по тому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал (см.: Ин. 17, 23) — не из того, что они будут воскрешать мёртвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят: или доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердого сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставив зрелище, пошёл в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения! Если

мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечём к добродетели и достигнем будущей жизни.

Догматы

Исповедание правых догматов о Боге действительно освящает душу.

Подобно тому как тот, кто хотя бы незначительно испортит в царских монетах печать, делает негодной всю монету, точно так же и тот, кто извратит и малейший догмат правой веры, всё уже подвергает разрушению, постепенно переходя от одного повреждения к другому, худшему.

Дружба

Много есть случаев приобретать дружбу; о постыдных мы теперь упоминать не будем — никто ведь не ста-

нет возражать против того, что они дурны, — но, если хотите, выведем наружу случаи естественные и житейские. Житейские бывают, например, те, когда кто-либо получает (от другого) нечто доброе, приобретает друга от предков, разделяет с кем-нибудь трапезу или путешествие, либо живёт в соседстве. Хороши и эти случаи. К ним относится также одинаковость занятий, хотя тут не бывает искренности, тут — место ревности и зависти. Естественные же случаи дружбы, например отца к сыну, сына к отцу, брата к брату, деда к внуку, матери к детям; прибавим, если угодно, и жены к мужу, потому что все случаи брачные принадлежат к числу житейских и земных. Но любовь духовная — выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, властвует над своими и потому блистательнее (их) одета; ничто земное не рождает её, как ту, — ни привычка, ни благодеяние, ни при-

рода, ни время: она нисходит свыше, с Небес.

Нет ничего, подлинно ничего столь крепкого, как узы духа. Кто становится другом, получая благодеяния, тот, если они не будут непрерывны, сделается врагом; кто стал неразлучен по привычке, тот, когда привычка прервётся, погашает дружбу. Жена, когда (между супругами) происходит драка, оставляет мужа и прекращает любовь; сын, когда видит, что отец его долго живёт, начинает тяготиться. Но в любви духовной нет ничего такого: она ничем таким не разрушается, так как и состав её не таков. Ни время, ни долгий путь (жизни), ни злострадание, ни выслушивание неприятностей, ни гнев, ни оскорбление — ничто не проникает в эту любовь и не может разрушить её. Знай: Моисей побиваем был камнями (от евреев) и просил за них. Какой отец сделал бы это за (сына) бросившего в него камень? Напротив, не напал ли бы

он на него сам? Этой-то дружбы духовной должны мы искать, потому что она крепка и неразрывна, а не (дружбы) застольной, которую туда (в жизнь духа) и вводить возбраняется.

Друзья

Если... нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее... если глаз твой соблазняет тебя, вырви его (Мф. 18, 8, 9). Если же нужно отсекаать член, который, будучи соединен с нами, вредит нам, то не гораздо ли более должно удаляться от друзей, когда связь с ними ведёт не к добру? Итак, не всегда хорошо согласие, как и не всегда худо несогласие. Я говорю это для того, чтобы мы избегали людей злых и искали добрых. Если мы отсекаем сгнившие и неизлечимые члены, опасаясь, чтобы всё тело не подверглось той же заразе, и делаем это не из пренебрежения к ним, а из желания предохранить прочие части тела, то тем более

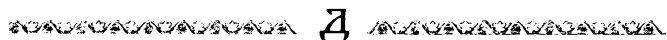
должно поступать так по отношению к людям, общество которых зловредно для нас. Если мы можем и их исправить, и сами не потерпеть вреда, то должны употребить на то всё старание. Если же и они не исправятся, и мы получим вред, в таком случае необходимо их отвергнуть и бросить. От этого и они сами часто получают гораздо более пользы.

Дух Святой

Я слышал, как некоторые говорят, будто такое же различие между Христом и Святым Духом, какое между человеком и голубем, потому что Тот явился в человеческом естестве, а Этот в виде голубя. Что на это должно сказать? То, что Сын Божий принял естество человеческое, а Дух Святой не принял естество голубя. Потому и евангелист не сказал: в естестве голубя, но: *как голубя* (Мк. 1, 10), в виде голубя. Да кроме данного случая, после

Он никогда не являлся в таком образе. Далее, если ты по этой только причине считаешь Его меньше по достоинству, то и Ангелы будут лучше Его, потому что и они часто являлись в образе человеческого. Но да не будет этого, да не будет! Не будем неблагодарны перед своим Благодетелем, и не плати злом за добро даровавшему тебе источник блаженства.

Благодать Святого Духа в Писании называется иногда огнём, иногда водою, и это показывает, что такие наименования выражают не существо Его, а только действие, потому что Дух как существо невидимое, однородное не состоит из различных сущностей. Так, огнём называет Его Иоанн (Креститель), говоря: *Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11), а водою именует Христос: *у того... из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять* (Ин. 7, 38—39). Так и беседуя с женою (самарянкой. — *Ред.*), водою называет

Д

Духа: *кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек* (Ин. 4, 14). Называется же Дух огнём для означения теплоты благодати, которую Он возбуждает, и истребления грехов; а водою — для выражения чистоты и обновления, сообщаемого от Него душам, приемлющим Его. И справедливо. Как некий сад, цветущий различными плодоносными и вечно зеленеющими деревьями, Он уготовляет ревностную душу, не допуская в ней ощущений ни печали, ни навесов сатаны, но легко угашая разжжённые стрелы лукавого.

Дух Святой не обитает там, где гнев.

Душа

Есть такие жалкие люди, которые украшают здешние дома свои и золотыми потолками, и разноцветными камнями, и живописными картинами, и блестящими столбами, и всем прочим; а душу

небрежно оставляют в состоянии хуже всякой опустелой гостиницы, исполненной грязи, дыма, великого зловония, в невыразимом запустении. Это сказано мной не к богатым только, но и к бедным. И эти часто, украшая по силе дом свой, душу оставляют в небрежении. Посему я делаю общее тем и другим наставление, увещевая и советуя о делах настоящей жизни заботиться не много, а всё старание тратить на попечение о предметах духовных и необходимых.

Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил её существом деятельным, и потому деятельность свойственна её природе, а бездействие противно её природе.

Душа и тело

Как окрыляемые Духом делают и самое тело духовным, так и удаля-

ющиеся Духа, служащие чреву и удовольствиям делают самую душу плотью, не изменяя её сущности, но губя её благодество.

Души умерших

Душе, отделившейся от тела, уже невозможно блуждать здесь (на земле), потому что *души праведных в руке Божией* (Прем. 3, 1). Да и души грешников тотчас удаляются отсюда. Это видно из притчи о Лазаре и богаче (см.: Лк. 16, 19—31). И в другом месте Христос говорит: *в сию ночь душу твою возьмут у тебя* (Лк. 12, 20). Да и быть не может, чтобы душа, вышедшая из тела, блуждала здесь. И это вполне сообразно с разумом. В самом деле, если мы, ходя по земле знакомой и известной нам и будучи облечены телом, когда совершаем путь в странах чужих, не знаем без руководителя, какой

надобно идти дорогой, — то каким образом душа, отделившаяся от тела и отрешившаяся от всех земных связей, может знать без путеводителя, куда ей должно идти? Также и из многих других доказательств всякий может легко увидеть, что душа, вышедшая из тела, не может уже здесь оставаться. Так, Стефан (умирая) сказал: *Приими дух мой* (Деян. 7, 59); и Павел говорит: *разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23). А что и души грешников по смерти не могут здесь пребывать, послушай богача, который много о том просил и не получил желаемого (см.: Лк. 16, 19—31). Если бы это возможно было, то он сам пришёл бы и возвестил о происходящем там. Отсюда видно, что души, по отшествии отсюда, уводятся в некую страну и, уже не имея возможности возвратиться оттуда, ожидают страшного того дня.

Е

Епитимья

Когда ты видишь, что конь несётся к стремнине, то накидываешь на него узду, со всею силою удерживаешь его и часто бьёшь. И хотя это наказание, однако такое наказание есть мать спасения. Так поступай и с согрешающими. Свяжи согрешившего, пока не умилоствует он Бога, и не оставляй не связанным, чтобы он не был ещё более связан гневом Божиим. Если я свяжу, то Бог уже не свяжет его; если же я не свяжу, то его ожидают неразрешимые узы: *ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31). Итак, не почитай такого отношения жестоким и бесчеловечным, напротив, (почитай) делом крайней снисходительности, превосходного врачава-

ния и великой попечительности. Ты скажешь: «Довольно уже времени терпели они наказание». А скажи, сколько? Год, два или три? Но у меня вопрос не о продолжительности времени, а об исправлении души. Покажи же мне (исправление); если они пришли в сокрушение, если переменялись, то всё сделано; а если нет этого, не поможет время. Не спрашиваем и о том, часто ли была перевязываемая рана, но принесло ли перевязывание какую пользу. Если принесло желаемую пользу, и в короткое время, то оставь; если же не принесло никакой пользы, то и после десяти лет продолжай (перевязывать). Улучшение связанного пусть будет сроком к разрешению.

Ереси и расколы церковные

Еретики, начав вводить новизну и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают новые обольщения

и неправые учения, потому что заблуждение никогда не останавливается.

Когда (в учение) привнесено что-нибудь новое, то оно постоянно порождает новые разделения; без конца блуждает тот, кто вышел из тихой пристани, и нигде не остановится.

Ж

Желание делать доброе

Как от делания рождается охота делать, так от неделания происходит нежелание делать. Подал ты милостыню? Более расположил себя к даянию. А не подал? Меньше стал расположен к даянию. Провел воздержно один день? Имеешь побуждение и на другой. Поленился ли? Усилил леность.

Желания

Истребим же злые пожелания. Ведь нужно только захотеть — и всё исчезнет. Не будем думать, будто любовь к богатству сама по себе сильна: вся сила заключается в нашей беспечности. Есть много людей, которые, говорят, даже не знают, что такое серебро, потому что любовь к богатству — страсть неестественная. Естественные пожелания вложены в нас с самого начала; а о золоте и серебре долгое время даже не было известно, существуют ли они. Отчего же усилилась эта страсть? От тщеславия и крайней беспечности. Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так, все те желания, от неудовлетворения которым гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как мно-

гие преодолели его и, однако ж, не погибли. А желание богатства не естественно, не необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему.

Жена

Как в начале (Бог) создал человека всецелым, так и ныне (при Крещении) всецело образует его. Но тогда (при сотворении жены) Он говорил: *сотворим ему помощника* (Быт. 2, 18), а здесь — ничего подобного. Принявший благодать Духа может ли нуждаться в другом каком-либо помощнике? Принадлежащий к телу Христову какую имеет нужду в чьём-либо содействии? Тогда сотворён человек по образу Божию; а ныне соединён с Самим Богом.

Если же надобно что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты укра-

шаешься, сделает тебя любезною и приятною для него, сколько целомудрие и ласковость к нему и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей. То украшение неприятно мужу, потому что приводит в стеснённое положение его имение и требует больших издержек и забот; а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но всё противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным, а украшение души цветёт каждый день и возжигает сильнейший пламень. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и многое другое; а что украшает душу, то выше

всего этого. Кроме того, та красота и возбуждает зависть, и возжигает ревность; а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия.

Если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа; а приведёте их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Всё это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время бракосочетания; но впоследствии, с течением времени, теряет свою цену. Если от привычки мы не очень удивляемся небу, которое так прекрасно, и солнцу, которое так блистательно, что ты не можешь сравнить с ним ни одного тела, то каким образом будем дивиться украшенному телу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповедал Павел: *не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию* (1 Тим. 2, 9—10). Или ты хочешь нравиться лицам посто-

ронним и от них получать похвалы? Но это желание отнюдь не жены целомудренной. Впрочем, если хочешь, то и они будут очень любить тебя и хвалить за целомудрие. В самом деле, ту (любящую наряды) не похвалит ни один скромный и порядочный человек; похвалят разве люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалят, а напротив, станут говорить о ней худо, когда заметят, что её бесстыдство возбуждает в них вожделение. А эту (целомудренную) и те, и другие, и все похвалят, так как не только не получают от неё никакого вреда, а напротив ещё наставление в любомудрии. И от людей ей будет великая похвала, и от Бога великая награда.

Жертва

Бог требует от нас не значительности дара, а меры сердечного благорасположения.

Жертва из похищенного

Я разумею милостыню не от неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и бесчеловечие. В самом деле, что за польза — обнажить одного и одеть другого? Милостыня должна происходить от сострадания, а это — бесчеловечие. И хотя бы мы отдали даже всё, что похитили у других, для нас не будет никакой пользы. Это показывает Закхей, который тогда умилиствовал Бога, когда обещал возвратить похищенное вчетверо (см.: Лк. 19, 8). А мы, похищая весьма много, а отдавая мало, думаем умилизовать Бога, не зная, что тем ещё более прогневаем Его. В самом деле, скажи мне: если бы ты, притащив с распутий и дорог мёртвого и сгнившего осла, возложил его на жертвенник, — не стали ль бы все бросать в тебя камни как в нечестивца и беззаконника? Что ж, если я докажу,

что жертва от хищения ещё более мерзка? Какое мы будем иметь оправдание? Положим, что принесён какой-либо драгоценный дар из того, что приобретено хищением: не зловоннее ли он мёртвого осла? Хочешь знать, как велико зловоние греха? Послушай, что говорит пророк: *Смердят, гноятся раны мои* (Пс. 37, 6; по-церковнославянски: *Возсмердѣша и согнѣша раны моя*). Между тем ты в то время, как словами умоляешь Бога, чтобы Он предал забвению соделанные тобою грехи, сам же своими делами, тем, что похищаешь, и лихоимствуешь, и возлагаешь свой грех на жертвенник, заставляешь непрестанно помнить о них. Нет, скажешь, я не от этого имущества, а другого. Это — смешное и глупое пустословие. Разве не знаешь, что, если в великое множество имущества попадёт и одна капля неправды, то всё оно оскверняется? Как чистый источник делается весь нечистым,

Ж

когда в него бросит кто-либо нечистоту, так и богатство, если привзойдёт в него сколько-нибудь лихоимства, всё заражается от того зловонием. Прежде отстань от хищения — и потом подавай милостыню. *Уклоняйся от зла, и делай добро* (Пс. 33, 15, по-церковнославянски: *Уклонися от зла и сотвори благо*). Удержи руки от лихоимства — и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками одних будем обнажать, а других одевать, то хотя бы одевали и не тем, что похитили, и в этом случае не избежим наказания. Иначе милостыня будет поводом ко всякому преступлению. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие. Ведь и Каину лучше было совсем не приносить ничего. И если он, принеся меньшее, прогневал Бога, то как же не прогневает Его тот, кто подаёт чужое? Я тебе заповедал, скажет Бог, не похищать, а ты чествуешь Меня

похищенным? Ужели ты думаешь, что для Меня приятно это? Поэтому Он скажет тебе: *ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои [грехи твои]* (Пс. 49, 21; по-церковно-славянски: *вознепщевáл еси беззаконие, яко буду тебе подобен; обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя*). Но не дай Богу никому услышать этот голос!

Жестокость

Слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, но для самих себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь её к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего. Что бы ты ни делал последнему, всё это сделаешь как человек, и притом в настоящей только жизни; но Бог не так поступит: Он подвергнет тебя большему и вечному мучению в жизни будущей.

Животные

Не для того Бог ввёл нас в настоящую жизнь и вдунул душу, чтобы мы пользовались только настоящим, но для того, чтобы всё делали для жизни будущей; только бессловесные созданы для одной настоящей жизни. А мы для того и имеем бессмертную душу, чтобы вполне приготовиться к той жизни. Если кто спросит, какое назначение коней, ослов, быков и других животных, то мы скажем, что не другое назначение, как только служить нам в настоящей жизни. А о нас нельзя этого сказать; для нас есть лучшее состояние, после отшествия отсюда; и нам всё надобно делать так, чтобы там просиять, ликовать с Ангелами, предстоять Царю — всегда, в бесконечные веки. Для того и душа наша создана бессмертною, да и тело будет бессмертно, чтобы мы наслаждались бесконечными благами.

Животные нечистые

Итак, не по природе своей чисты или нечисты (яства), но по произволению принимающего их. Следовательно, и свинья — чистое (животное). Почему же было запрещено употреблять её в пищу, как нечистую (см.: Лев. 11, 7)? Не по природе она была нечиста, потому что (по природе) всё чисто; иначе нет ничего нечище рыбы, которая питается и человеческим телом, а между тем была дозволена для употребления в пищу и считалась чистой. Также не было бы ничего нечище курицы, которая ест червей; но всё это употреблялось в пищу. Почему же свинья и некоторые другие подобные животные были запрещены? Не потому, чтобы они были нечисты, но чтобы более ограничить чревоугодие. Если бы Бог так (прямо) сказал это, иудеи не послушались бы; а теперь страхом нечистоты Он удержал их. Посмотри ещё: вино не от навоза ли получает состав

свой? Ведь виноградник всасывает в себя влагу, как из земли, так и из лежащего на ней навоза. И вообще, если мы захотим подробно разбирать, — всё нечисто. Но если решим не разбираться, нет ничего нечистого, а всё чисто. Бог не сотворил ничего нечистого; и нет ничего нечистого, кроме одного греха, потому что он касается души и её оскверняет; остальное — человеческий предрассудок.

Жизнь земная

Что пользы в настоящей жизни, если мы не можем купить ею жизни будущей?

«Жизнь — не игра»

Жизнь наша — не игра, или, лучше сказать, настоящая жизнь — игра, но будущая — не игра. А может быть, и не игра только, но и хуже того. Не смехом оканчивается, но и большой причиняет вред

тем, которые не хотят тщательно благоустроить самих себя. Скажи мне: чем мы, создающие великолепные дома, различаемся от детей, играющих и строящих домики? Какое различие между их забавою и нашею роскошью? Нет никакого; разве только то, что мы это делаем с мучением. Если же мы не примечаем ничтожности всего этого, нет в том ничего удивительного, потому что мы ещё не сделались мужами. А когда сделаемся, то узнаем, что всё это детские забавы. Приходя в зрелый возраст, мы смеёмся над детскими занятиями, хотя в детском возрасте почитаем эти занятия весьма важными и, собирая черепки и грязь, тщеславимся не менее тех, которые строят высокие стены. И однако, построенное нами скоро разрушается и падает; да если бы и стояло, на что нам годилось бы? Так и великолепные наши дома. Они ведь не могут принять гражданина небесного, и не захочет обитать в них тот, кто имеет высшее

отечество; но как мы ногами разрушаем детские игрушки, так и он своим духом ниспровергает наши здания. И как мы смеёмся над детьми, плачущими о разрушении построенного ими домика, так и он не только смеётся, но и плачет, когда мы рыдаем о своих домах, потому что он имеет сострадательное сердце и видит для нас великий от этого вред.

Итак, будем мужами. Долго ли нам пресмыкаться по земле? Долго ли величаться камнями и деревьями? Долго ли играть? И если бы только играли! Нет, мы оставляем и самое спасение своё. И как дети, пренебрегающие учением, а занимающиеся играми только, подвергаются жестоким наказаниям, так и мы, истощив всё старание своё на житейские занятия и оказавшись не в состоянии дать на деле отчёт в духовном учении, который после смерти потребуется от нас, понесём крайнее наказание. И никто не может избавить нас, хотя бы то был отец, хотя бы брат или

другой кто-либо. Но всё, чему мы преданы ныне, погибнет, а мучение, происходящее от этого, будет бесконечное и непрестанное. Так это случается и с детьми, когда отец за их леность совершенно истребляет все их детские игрушки, и чрез то заставляет их непрестанно плакать.

З

Заботы

Не заботься о своих делах, но предоставь это Богу. Если ты заботишься, то заботишься как человек; если же Бог промышляет, то Он промышляет как Бог. Итак, не заботься о своих делах, оставляя важнейшее; иначе Бог менее будет промышлять о них. Но чтобы Бог более промышлял о твоих делах, предоставь всё Ему

одному. Когда ты, оставляя дела духовные, сам занимаешься делами житейскими, тогда уже Бог не много печётся о них. Итак, чтобы всё у тебя шло хорошо и тебе освободиться от всех забот, прилепись к духовному и презирай житейское, тогда ты с небом получишь и землю и сподобишься будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа.

Замедление наказания

Много согрешающие должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказание их увеличивается от безнаказанности и долготерпения Божия. Поэтому будем смотреть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрешили ли мы? Если же грешим и не наказываемся, то нам следует трепетать ещё более. В одном случае наказание

бывает временное, а в другом — постоянное. Поэтому, если никто не страдает теперь от этого серпа, не смотри на то, но подумай, делаются ли такие дела? Многое и теперь делается такое, что было во времена потопа; но потопа нет, потому что предстоит геенна и мучение. Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная. Многие дерзнули сделать то же, что фараон, но не подверглись одинаковому с ним наказанию, не потоплены в Чермном море, потому что их ожидает море бездны, где наказание не будет сопровождаться бесчувствием и не окончится смертью, но где они будут мучиться, более и более подвергаясь наказанию, жжению и удушению. Многие дерзнули грешить подобно израильтянам, но змеи не угрызали их, потому что их ожидает червь нескончаемый. Многие клялись и нарушали клятвы, но, если они и избежали (наказания), не будем пола-

гаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов. Да и здесь, может быть, они испытают и не избегнут (наказания), если не тотчас, то при других грехах, так что наказание будет более тяжким.

Что из того, если не тотчас постигает наказание? Ведь и Ахав за Навуфея также не тотчас по преступлении потерпел то, что после испытал (см.: 3 Цар. 21, 1—19; 22, 29—38). Для чего же это бывает? Бог даёт тебе время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Он посылает наконец наказание.

Заповедей исполнение

Пошел дождь, и разлились реки, — говорит Спаситель, — и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне (Мф. 7, 25). Здесь дождём, реками и ветрами Он иносказательно называет человеческие несчастья и злоключения, как то: клевету,

наветы, скорби, смерть, погибель ближних, оскорбления от других и всякое другое зло, какое только бывает в настоящей жизни. Но душа праведного, говорит Он, ничем не побеждается. Причина этого в том, что она основана на камне. Камнем здесь Христос называет твёрдость Своего учения. И поистине, заповеди Его гораздо твёрже камня: с помощью их праведник становится выше всех волн человеческих, так как кто тщательно соблюдает эти заповеди, тот побеждает не только гонения людей, но и козни диавольские.

Заповеди легки

В самом деле, что тягостного нам заповедано? Горы ли рассекать? Или летать по воздуху? Или переплыть Тирренское море? Совсем нет. Нам заповедан столь лёгкий образ жизни, что не нужно никаких к тому орудий, — нужна только душа и расположение. Какие орудия имели

апостолы, совершившие такие дела? Не в одной ли одежде и без обуви они ходили, а между тем всё преодолевали? Что же трудного в заповедях Христовых? Ни к кому не питай ненависти; никого не злословь, — противное гораздо тяжелее. Но ты скажешь, что Он говорит: откажись от имени. Так в этом трудность? Но этого Он решительно и не заповедовал, а только дал совет. Да если бы это была и заповедь, — что тягостного может быть в том, чтобы не брать себе тяжестей и беспокойных забот? О сребролюбие! Всё свелось к деньгам, потому всё и перепуталось! Ублажает ли кто кого — помнит деньги; называют ли несчастным — причина опять в них же. Вот о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое-нибудь хочет приняться или другое что предпринимает — не прежде приступает к исполнению сво-

его намерения, пока не уверится, что это принесёт ему великую прибыль.

Земное и небесное

Кто увлекается здешним, тот уже не станет восхищаться небесным.

Злопамятность

Ни молитва, ни милостыня, ни пост, ни участие в таинствах, ни другое что подобное не защитит нас в тот день (Страшного Суда. — *Ред.*), если мы будем злопамятствовать.

Злорадство

Бог обвинил моавитян за то, что они радовались (несчастьям) израильтян (см.: Иез. 35, 12—15). И хотя Сам же Он наказывал их (израильтян), однако же Он не хочет, чтобы мы радовались нака-

занию других даже и тогда, когда Он Сам наказывает, — потому что и Сам неохотно наказывает.

Злословие

Никто не говори: «Тогда злословил* бы я, когда бы говорил неправду; но если говорю истину, то уже не злословлю». Хотя бы в твоём злословии и была истина, и в таком случай оно преступно. Фарисей, злословя мытаря, говорил истину; но это не принесло ему никакой пользы (см.: Лк. 18, 10—14). В самом деле, скажи мне, разве мытарь не был мытарь и грешник? Всякий видит, что — мытарь; но при всём том фарисей за осуждение его всё потерял. Хочешь исправить брата? Поплачь, помолись Богу, дай ему увещание наедине, посоветуй, попроси. Покажи рану священнику; это и будет

* Злословить — говорить плохое о ком-либо.

значить, что ты беспокоишься, печёшься и заботишься (о ближнем). Но убеждаю тебя заграждать уши не только от злословящих, но и от тех, которые слушают злословящих, и подражать пророку, который говорит: *Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню* (Пс. 100, 5; по-церковнославянски: *Оклеветающего тай искренняго своего, сего изгонях*). Скажи ближнему: ты намерен похвалить кого-нибудь и одобрить? Открываю слух, чтобы принять это благоговение. Если же хочешь злословить, заграждаю вход твоим словам, потому что не могу принять помёта и нечистоты: что за польза для меня узнать, что такой-то — злой человек? Напротив, отсюда величайший вред и крайний урон. Скажи ему: позаботимся о себе самих, — о том, как нам дать ответ за свои грехи; и обратим на собственную жизнь эту пытливость и это беспокойное выведывание. Как неприлично и весьма стыдно мимоходом заглядывать в дом и подмечать, что в нём делается,

так крайне неблагородно и любопытствовать о чужой жизни. Ещё смешнее то, что ведущие такую жизнь и не заботящиеся о своих делах, открывая какую-нибудь тайну, умоляют и заклинаят того, кто их слушает, не пересказывать никому другому, чем и доказывают, что они сделали дело, достойное осуждения. Если ты упрашиваешь его не пересказывать никому другому, то тем более тебе самому не следовало прежде говорить ему об этом. Слово было у тебя в полной власти, а ты, предав его, теперь заботишься о сохранении его! Если хочешь, чтобы оно не перенесено было к другому, то и сам не говори. А когда уже ты передал хранение слова другому, то лишнее и бесполезное дело уговаривать и заклинять, чтобы он хранил, что ему сказано. Но приятно злословить? Нет, приятно не злословить. Злословящий бывает беспокоен, подозрителен и боязлив, раскаивается и кусает свой язык, страшась и трепеща, чтобы

слово, разнёсшееся между многими, не навлекло на тех, кем оно сказано, большой опасности и не произвело напрасной и пагубной вражды. А кто хранит у себя (слово), тот будет жить в совершенной безопасности и великом удовольствии. *Выслушал ты слово, — говорит (Премудрый), — пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет* оно тебя* (Сир. 19, 10). Что значит *пусть умрет с тобою*? — Скрой его, закопай, не позволяй ему выйти, ни даже как-нибудь вообще двинуться. Но всего более старайся даже не допускать, чтобы тебе говорили худо о других. А если когда и услышишь что-нибудь, подави, умертви сказанное; предай забвению, как будто ты и не слышал: тогда будешь проводить настоящую жизнь весьма мирно и безопасно. Сами злословящие, когда узнают, что мы питаем больше отвращения к ним, нежели к тем, кого они оговаривают, оста-

* Расторгнуть — разорвать.

вят когда-нибудь эту худую привычку, исправятся от своего недостатка, станут потом хвалить (других), и нас самих провозгласят своими спасителями и благодетелями. И в самом деле, как доброе слово и похвала служат началом дружбе, так злоречие и клевета бывают началом и поводом к вражде, ненависти и тысяче распрей. Будем же, возлюбленные, избегать злословия, зная, что это — настоящая пропасть диавола и западня, устроенная его коварством. Диавол довёл нас до этой привычки для того, чтобы мы не заботились о самих себе и подвергли себя тяжчайшей ответственности. Беда не в том только, что мы дадим тогда отчёт в словах своих, но и в том, что мы чрез это сделаем свои собственные грехи более тяжкими и лишим себя всякого извинения. Кто строго расследует чужие проступки, тот не получит никакого снисхождения к своим собственным, потому что Бог произнесёт суд соответственно

не только свойству наших преступлений, но и твоему суду о других. Поэтому и внушает Он: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1); так как грех явится там не только таким, каков он был, но и получит большое и неизбежное прибавление от произнесённого тобою суда о твоём собрате. Как человеколюбивый, кроткий и снисходительный человек значительно уменьшает тяжесть грехов, так жестокий, суровый и неумолимый много прибавляет к своим грехам. Исторгнем же из уст наших всякое злословие, зная, что если станем есть и прах, то и от такой строгой жизни не будет нам никакой пользы, когда не воздержимся от злословия; потому что *не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст* (Мф. 15, 11). Если бы кто-нибудь начал ворочать помёт в то время, как ты проходишь, скажи мне, не стал ли бы ты бранить его и укорять? Так поступи и с злословящими, потому что не столько тронутая с места нечистота

поражает обоняние тех, до кого доходит её зловоние, сколько рассказы, выводящие наружу чужие грехи и раскрывающие нечистую жизнь, оскорбляют и возмущают душу тех, кто их слышит. Будем же воздерживаться от злословия, сквернословия, хулы и не станем злоречить ни о ближнем, ни о Боге, так как многие из злоречивых дошли до такого безумия, что от сорабов (подобных себе рабов. — *Ред.*) обратили свой язык на Господа.

Сколько мы исполнены теперь пороков, и не чувствуем? Друг друга угрызаем, друг друга терзаем, оскорбляя, обвиняя, клеветая, завидуя славе ближних. И смотри, какое тяжкое зло: когда кто хочет истребить доброе мнение о ближних, то говорит: такой-то говорил мне о нём то-то, — прости мне, Господи, не осуди меня, я передаю только слух. Для чего же и говоришь ты, если сам не веришь? Для чего передаёшь? Для чего распространением слуха делаешь его вероятным?

Для чего передаёшь рассказ, когда он неверен? Ты сам не веришь ему и про-
сишь Бога, чтобы Он не осудил тебя?
Не говори же, а молчи, и избавь себя
от всякого страха... Но не я, говоришь,
а другой. Нет ты. Если бы ты не гово-
рил, то другой не услышал бы; а если бы
и услышал, то ты не был бы виновником
греха. Недостатки ближних должно замал-
чивать и прикрывать; а ты под предлогом
доброжелательства выставляешь их напо-
каз, делаешься если не обвинителем, то
рассказчиком, болтуном, глупцом... Даже
и тогда, когда бы ты верил сказанному
о твоём брате, не следует пересказывать,
а тем более, когда не веришь. Для чего ты
распространяешь слух? Для чего умножа-
ешь зло? Оно может погубить нас... При-
мер фарисея не вразумляет нас. Он ска-
зал правду: *я не таков, как этот мытарь*
(Лк. 18, 11), сказал тогда, когда никто
не слушал его, — и, однако, осуждён.
Если же он осуждён, высказав правду

и когда никто не слушал его, то какому подвергнутся мучению те, которые всюду разглашают ложное и такое, в чём сами не уверены, подобно болтливым женщинам? Чего не потерпят они?

Зна́мения

Чувственные видения дивных и духовных вещей и все подобные знамения являлись только в начале, и то для людей грубых и таких, которые, не могут вместить никакой мысли о существе бестелесном и поражаются только видимым, и потому имеют нужду в чувственных видениях; но и это бывает с тою целью, чтобы с верою принималось то, что однажды в начале было утверждено чудесами, хотя бы этих чудес потом уже и не было. Так, на собрании апостолов был шум дыхания бурного, и явились видения огненных языков, — не для самих апостолов, но для иудеев, которые тогда находились с ними.

Между тем и мы приемлем то, что единожды утверждено чудесами, хотя и нет более чувственных знамений. Так и при крещении (Господа) голубь явился для того, чтобы и присутствующим, и Иоанну указать, как бы перстом, Сына Божия, и вместе для того, чтобы и ты знал, что и на тебя, когда крещаешься, нисходит Дух Святой.

Но нам нет нужды уже в чувственном видении, потому что для нас вместо всех знамений довольно одной веры; знамения даются не для верующих, но для неверующих.

Таким образом, иудеям, просившим знамений, Он (Христос) не дал (см.: Мк. 8, 11–12), потому что они просили, желая только искусить Его. Да и ныне, как тогда, просить знамений не значит ли искушать? Между тем и ныне есть люди, которые ищут знамений, и говорят: почему ныне знамений нет? Но если ты верующий, каким должен быть,

если любишь Христа, как следует любить, то ты не имеешь нужды в знамениях: они даются неверным. Почему же они не были даны иудеям? — спросишь ты. Нет, им-то наиболее и даны были. Если же в некоторых случаях иудеи, и требуя знамений, не получали их, то это потому, что требовали их не с тем, чтобы оставить своё неверие, а чтобы ещё больше утвердиться в злобе своей.

Знание и неведение

(Из-за того), что ты не понимаешь... ты не должен измышлять того, чего нет. Доброе неведение лучше худого знания. Кто не знает причины, тот скоро может дойти до истинной причины; а кто, не познав истинной причины, вымышляет ложную, тот не легко может принять истинную, но много требуется от него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее. На чистом пергаменте всякий

удобно может писать, что ему угодно, а на исписанном не так: прежде надобно стереть то, что худо написано. И между врачами тот, который ничего не делает, гораздо лучше того, который делает вред; и тот, кто непрочно строит, хуже того, который совершенно ничего не строит, равно как и земля, на которой нет ничего, гораздо лучше той, которая имеет терние. Итак, не будем спешить узнать всё, но будем терпеть, если чего и не знаем, чтобы, когда найдём учителя, не причинить ему сугубого труда. Напротив, многие часто оставались даже в неисцелимой болезни, после того как по простоте своей приняли худое учение.

Знание основ веры

Нелепо будет, если врач со всем усердием ратовать будет за своё искусство, также и сапожник и ткач и все другие ремесленники за своё ремесло,

а тот, кто исповедует себя христианином, не в состоянии будет слова сказать в защиту своей веры. Небрежение о тех искусствах приносит ущерб в имуществвах, а нерадение о вере губит в нас саму душу. И мы находимся в таком жалком состоянии, что на те дела употребляем всё своё старание, а самое необходимое, то, от чего зависит наше спасение, пренебрегаем, как ничего не стоящее. Если мы, служители истины, не можем ради её и уст раскрыть, то как же им (язычникам и неверующим. — *Ред.*) не осуждать нас в слабости нашего исповедания, как не подозревать в нас обмана и заблуждения, как не хулить Христа, будто лицемера и обманщика, который для обмана воспользовался неразумием простых людей? А в такой хуле виновны мы, поскольку не хотим потрудиться в изучении своей веры, но, считая это дело лишним, заботимся только о земном. Мы веруем в Отца и Сына и Свя-

того Духа, в воскресение тел, в жизнь вечную. Теперь, если кто-нибудь из язычников спросит: кто Этот Отец, кто Сын, кто Дух Святой? или: как-де вы сами, признавая трёх богов, обвиняете нас в многобожии? — что вы скажете, что будете отвечать? Как отразите такое возражение? А что, если вы будете молчать, а вам предложат другой вопрос: какое это воскресение? В этом ли теле мы снова восстанем или в другом? В самом деле, что, если вас станут испытывать в этих предметах, а вы не в состоянии будете даже выслушивать таких речей?

Зрелища развлекающие

Итак, скажи мне, когда ты отрезвишься от блудного питья, которое диавол предлагает тебе; когда перестанешь пить из чаши невоздержания, которую он растворяет для тебя? Там и прелю-

бодеяния, и измены супружеской верности; там и жены блудницы, и мужья прелюбодеи, и юноши изнежены; там всё исполнено беззакония, всё чудовищно, всё постыдно. Итак, тем, кто присутствует на таких зрелищах, надлежало бы не смеяться, а горько плакать и скорбеть. В самом деле, скажи мне, отчего нарушается супружеская верность? Отчего оскверняются брачные ложа? Не от этих ли зрелищ? Не по их ли вине жёны не терпят мужей? Не от них ли мужья презирают жён своих? Не отсюда ли множество прелюбодеев?

Если ты хочешь получить удовольствие, иди в сады, к текущей реке и озёрам; рассматривай цветы и слушай пение кузнечиков; посещай гробницы мучеников, — здесь найдёшь ты и здоровье для тела, и пользу для души, а вреда никакого; и не будешь раскаиваться после такого удовольствия, как

то бывает после тех зрелищ. Ты имеешь жену, имеешь детей: что может сравниться с этим удовольствием? У тебя есть дом, есть друзья, — эти удовольствия вместе с целомудрием доставляют и великую пользу.

Зрение

Почему же иудеи не уверовали, скажешь ты, когда не один Иоанн (Креститель) видел Духа в виде голубя? Если они и видели, то для таких предметов потребны не одни телесные очи, но преимущественно очи ума, чтобы действительного предмета не признать за пустой призрак. Они видели и то, как Христос совершал чудеса и как, касаясь Своими руками больных и умерших, возвращал им жизнь и здравие, однако ж до того были упоены ненавистью, что представляли себе противное тому, что видели.

И

«Избави нас от лукавого»

Спаситель не сказал: *избавь нас* от лукавых, но: *от лукавого* (Мф. 6, 12), и тем самым научает нас никогда не гневаться на ближних за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против дьявола, как виновника всех зол.

Искушение Авраама

И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: ...возьми сына твоего, которого ты любишь, Исаака... и принеси его во всесожжение на одной из гор (Быт. 22, 1—2). Но Бог представляется там говорящим это не потому, чтобы хотел чрез искушение узнать последствие, то

есть будет ли Ему повиноваться Авраам или нет (нужно ли это для Того, Кто ведает *все прежде бытия его* (Дан. 13, 42)). Но (это) сказано человекообразно. В том случае, когда Писание говорит, что Бог испытует сердца человеческие (см.: Рим. 8, 27), оно показывает испытание, свойственное не неведению, а напротив, совершенному ведению; и когда говорит: *искушал*, выражает не иное что, как ведение совершенное. Можно и иначе объяснить это: именно, что Бог делает человека чрез искушение более испытанным.

Исцеление гадаринского бесноватого

Но, может быть, кто спросит: для чего Христос исполнил просьбу демонов, позволив им войти в стадо свиное (см.: Лк. 8, 26—33)? Я скажу на это то, что Он сделал так не потому, чтобы убеждён был ими, но по многим премудрым целям. Во-

первых, для того чтобы освободившимся от этих злых мучителей показать величие вреда, причиняемого им этими злоумышленниками; во-вторых, для того чтобы всех вразумить в том, что бесы без Его позволения не смеют даже прикасаться и к свиньям; в-третьих, для того чтобы дать знать, что с людьми бесы поступили бы даже ещё хуже, нежели со свиньями, если бы те в таком несчастье не удостоивались великого промысления Божия. Что бесы ненавидят нас более, нежели бессловесных животных, это всякому известно. Следовательно, если они не пощадили свиней, но в одно мгновение всех их низвергли в бездну, то тем более сделали бы это с одержимыми ими людьми, которых они таскали и влachten по пустыням, если бы провидение Божие, и при самом жестоком мучении, не обуздывало и не удерживало дальнейшего их стремления. Отсюда ясно, что нет ни одного человека, о котором бы не промышлял Бог. Если же Он и не обо

всех печётся одинаковым образом, то и это есть величайший знак Его Промысла. Бог являет Промысл Свой сообразно с пользой каждого.

Иуда

Иной скажет: если написано, что Христос так пострадает (см.: Мф. 26, 24), то за что же осуждается Иуда? Он исполнил то, что написано. Но он делал не с тою мыслию, а по злобе. Если же ты не будешь обращать внимания на намерения, то и диавола освободишь от вины. Но нет, нет! И тот, и другой достойны бесчисленных мучений, хотя и спаслась вселенная. Не предательство Иуды соделало нам спасение, но мудрость Христа, дивно обращавшая злодеяния других в нашу пользу. Что же, спросишь ты, если бы Иуда Его не предал, то не предал ли бы другой? Какое же отношение имеет это к настоящему предмету? Такое, скажешь, что

если Христу надлежало быть распятым, то нужно было, чтобы это совершенно было кем-либо; если кем-либо, то, конечно, таким человеком. Если бы все были добры, то не исполнено бы было строительство нашего спасения. Да не будет! Сам Всемудрый знал, как устроить наше спасение, хотя бы и так было, потому что премудрость Его велика и непостижима. Поэтому-то, чтобы кто не подумал, что Иуда был служителем Домостроительства, Христос и называет его несчастнейшим человеком.

К

«Как дети»

Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился;

ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда (Мф. 19, 13—15). Почему же ученики не допускали детей? Из уважения к Иисусу Христу. Что же Он? Чтобы научить их смирению и истребить гордость мирскую, берёт детей, обнимает их и таковым обещает Царствие, — о чём и прежде Он говорил (*если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3)). Так и мы, если хотим наследовать небеса, всеми силами должны стараться стяжать добродетель смирения. Цель любомудрия в том и состоит, чтобы с мудростью соединять простоту. Это есть жизнь ангельская. Душа дитяти чиста от всех страстей; дитя не помнит обид и к обидевшим подбегает как к друзьям, как бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала своё дитя, оно всегда, однако же,

ищет её и более всех любит её. Представь ему царицу в диадеме: оно не предпочтет её матери, облечённой в рубище, но ещё более будет желать видеть последнюю в рубище, нежели царицу в богатой одежде. Своё оно различает от чужого не по бедности или богатству, но по любви. Дитя ничего более не требует, кроме необходимого, и коль скоро насытится молоком, оставляет сосцы. Дитя не печалится, как мы, о потере денег и тому подобном; равно как не радуется подобно нам о таких скоропреходящих вещах; дитя не пристрастно к красоте телесной. Вот почему Христос и сказал: *таковых есть Царство Небесное*, чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе.

Клятва

Итак, положим себе ежедневные законы и начнем пока с лёгкого. Отсечём

от уст своих частую клятву, обуздаем язык — пусть никто не клянётся Богом. Не требует это издержек, не требует труда, не требует продолжительного обучения: достаточно захотеть — и всё окончено, потому что это — дело привычки. Да, прошу и умоляю, приложим к этому старание. Каждый день мы вопием, возглашаем в слух вам, и между тем как никто не слушает, мы не выказываем никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неуместное и большое снисхождение не дать нам ответа в день будущего Суда. Поэтому громким и ясным голосом объявляю всем и умоляю, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие от лукавого (ср.: *да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого* (Мф. 5, 37)), — а это и есть клятва, — не переступали за порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления.

Не говори мне: меня заставляет необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке. Знаю, что многие будут смеяться над нами, но лучше нам быть осмеянными теперь, чем плакать тогда. Да и смеяться будут люди безумные; в самом деле, скажи мне, кто со здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь? Если же и будут смеяться, то такие люди станут смеяться не над нами, а над Христом. Вы ужаснулись этих слов? Я вполне верю этому. Ведь, если бы я ввёл этот закон, то смех относился бы ко мне; если же есть другой Законодатель, то осмеяние переходит на Него.

Кто клянётся, тот не может не нарушать клятвы волею или неволею; а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы может сделать всё и навлечь на нас всецелое наказание.

Колдовство

Лучше остаться больным, нежели для освобождения от болезни впасть в нечестие (прибегая к заговорам). Демон, если и уврачуе, больше повредит, нежели принесёт пользы: доставит пользу телу, которое спустя немного непременно умрёт и сгниёт, а повредит он бессмертной душе.

Кончина мира

Ни в чьей, кажется, природе нет столько пытливости и жадности к знанию невидимого и сокрытого, как в человеческой. Это в ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда ум ещё несовершен и необразован. Так, неопытные дети неотступно беспокоят и воспитателей, и наставников, и родителей множеством вопросов, в которых нет ничего, кроме как: когда бывает то-то и когда то-то. Это же случается и (со взрослыми) от неги, или оттого,

что им нечего делать. Итак, ум наш сильно желает узнать и постигнуть многое, а особенно время кончины (мира). И что удивительного, если это занимает нас, когда и самих святых апостолов это всего более занимало? Так, прежде страдания (Христовы) они приступили к Христу со словами: *Скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?* (Мф. 24, 3). И после страдания и Воскресения Его из мёртвых также говорили Ему: *Не в сие ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?* (Деян. 1, 6) — и ни о чём ином прежде этого не спрашивали Его. Но не так было после. Когда они сподобились Духа Святого, то не только сами не спрашивают и не скорбят о таком неведении, но удерживают от этого и других, страдающих таким неуместным любопытством. Послушай, что говорит теперь блаженный Павел: *О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия* (1 Фес. 5, 1). Почему не сказал он, что никто того не знает?

Почему не сказал, что это не открыто, но: *нет нужды писать к вам, братия?* Потому, что теми словами он более опечалил бы их; напротив, этими успокоил. Словами: *нет нужды* — он воспретил им спрашивать об этом, как о чём-то излишнем и бесполезном. В самом деле, какая была бы польза (знать это), скажи мне? Положим, что кончина последует через двадцать лет, через тридцать, через сто лет: какое это имеет к нам отношение? Не составляет ли для каждого кончины века конец его жизни? Отчего много любопытствуешь о всеобщей кончине и отчего причиняешь себе этим печаль? Но что бывает с нами в других (случаях), то же и в настоящем. Как в других (случаях) мы, не обращая внимания на собственные дела, беспокоимся о чужих, говоря: такой-то блудник, такой-то прелюбодей, тот украл, этот обидел, а о своих не говорим ни слова, напротив, больше печёмся о поступках всех других людей, нежели о своих собствен-

ных, — так и здесь каждый из нас, оставив заботу о своём конце, желает узнать об общей кончине. Что ты имеешь общего с нею? Если ты хорошо приготовишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далеко, будет ли близко — это нисколько к нам (не относится). Потому-то и не сказал о ней Христос, то есть потому, что это было бесполезно.

Красота

Как неприятна жена, дышащая зловонным и испортившимся вином, отрыгающая испарения гнилого мяса, отягчённая так, что не может встать, покрасневшая больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся от сластолюбия: она почтенна, целомудренна и благообразна, так как доброе расположение души придаёт много красоты и телу. Не думай, что

красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой? Если же она будет скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнет говорить благоприлично и соблюдать пост, то красота её сугуба, благообразие больше, лицо привлекательнее, исполнено целомудрия и прелести.

Крест

Не довольно презирать богатство; а надобно ещё напитать нищих и, главное, последовать за Христом, то есть делать всё то, что ни повелит Он, быть готовым на страдания и даже на смерть. *Если, — говорит Он, — кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Лк. 9, 23). Конечно, заповедь проливать собственную кровь гораздо

труднее заповеди оставить своё богатство; однако же и исполнение последней немало способствует исполнению первой.

Крещение

Для чего же отверзались небеса (при крещении Христа)? Для того, чтобы ты познал, что и при твоём крещении бывает то же самое: тогда Бог призывает тебя к горнему отечеству и убеждает ничего уже не иметь общего с землёй.

Хотя крещение Иоанна (Крестителя) было и важнее иудейского, и потому все спешили к нему, однако ж и оно было несовершенно. Христос не нуждался в крещении — ни в этом, ни в каком-либо другом, а лучше сказать, крещение имело нужду в силе Христовой. Ведь главным из всех благ оставалось то, чтобы крещаемый удостаивался Духа. Потому Христос, когда пришёл, приложил это дарование Духа.

Кротость

Всякая добродетель хороша, но в особенности незлобие и кротость. Она выказывает в нас людей; она отличает от зверей; она делает равными Ангелам. Поэтому и Христос часто и много говорит об этой добродетели, повелевая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповедует это, но учит тому и самыми делами: то терпеливо перенося заушения, то подвергаясь поношениям и наветам и, несмотря на то, опять обращаясь с наветниками.

Посмотри, как эти (апостолы) беседуют кротко и без самолюбия, — такие беседы приятны и сильнее впечатлеваются. Видишь ли, как они никогда не заботятся о красноречии, но доказывают делами и Духом? И при таких доказательствах они беседуют кротко. Кротость всегда есть великое благо; кротость, говорю, а не холодность; кротость, а не лесть, потому что эти

свойства весьма различны между собою. Ничто не раздражало Павла, ничто — Петра. Если ты имеешь доказательства, то для чего гневаешься? Не для того ли, чтобы сделать и их недействительными? Никогда не может убедить гневающийся.

Л

Леность и усердие

Как от бездействия рождается леность, так и от упражнения появляется усердие.

(Бог) ничего не заповедал нам трудного и тяжкого. Отчего кажутся нам тяжкими заповеди Его? От нашего расслабления. Как самое трудное при нашем старании и ревности становится лёгким и удобоисполнимым, так и лёгкое от нашей лени делается тяжким.

Любовь

Свойственно любви думать о другом то же, что всякий думает о себе.

Высоко ценит (апостол Павел) не просто дружбу, не просто любовь, но любовь, происходящую от разума, то есть не ко всем одинаковую любовь, потому что такая любовь будет не любовь, а равнодушие. (В разуме) — то есть с рассуждением, с размышлением, с чувством. Есть ведь и такие, которые любят безрассудно, зря, как случится, отчего и дружба их не бывает крепка.

Любовь заключается не в пустых словах и не в простых приветствиях, но в явлении и совершении дел, например в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Ведь и последнее служит признаком любви; хотя и представляется

маловажным радоваться с радующимися, однако же это очень великое дело и требует ума философского. Можно найти много людей, которые совершают очень трудное, но в этом оказываются слабыми. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися, а напротив, когда другие радуются, они плачут из недоброжелательства и зависти. Потому не малая заслуга радоваться тогда, когда брат радуется, напротив, важнее как той, чтобы плакать с плачущими, так и той, чтобы помогать в бедах.

Если бы кто-нибудь и захотел отделиться от тебя, ты не отделяйся от него и не произноси этого холодного слова: если он любит меня, то и я буду любить его; если не любит меня правый глаз мой, и его вырву. Это сатанинские речи, достойные мытарей и языческого малодушия. А ты, как призванный к высшей жизни и вписанный на небе, подчинён и высшим законам. Не говори этого, когда

он не хочет любить тебя, но тогда именно и покажи бóльшую любовь, чтобы этим привлечь его. Ведь и он член тела, а когда член по какой-нибудь необходимости отделяется от остального тела, то мы употребляем все меры, чтобы опять присоединить его и даже в этом случае оказываем больше заботливости. И награда бывает больше, когда ты привлечёшь нерасположенного к любви. Если Христос повелевает звать на обед людей, которые не могут воздать нам тем же, чтобы мы могли получить за это большее воздаяние (см.: Лк. 14, 12), то тем более должно делать это относительно любви. Потому не говори: так как он болен (ведь охлаждение любви есть болезнь), то и я о нём не забочусь, но согрей охладевшего. Но скажешь: что же мне делать, если он не согревается? Продолжай делать своё. Ведь и Владыка твой любил и призывал к Себе ненавидевших Его, и насколько слабее они были, настолько более забо-

тился о них и громко проповедовал: *Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные* (Мф. 9, 12). Он и удостаивал трапезы Своей мытарей и грешников, и вообще насколько великое бесчестие причинил Ему народ иудейский, настолько или, лучше сказать, гораздо больше Он оказывал ему попечения и расположения. И ты подражай Ему. Это дело немалое, но без него, как говорит Павел, и великий мученик не может угодить Богу.

Разве не случалось тебе видеть, что преданные позорной любви терпят от блудных женщин побои, оплевания, ругательства и тысячи неприятностей? Но что же, все эти оскорбления могут ли охладить любовь их? Нисколько, но они ещё более разжигают её. И хотя женщины, оскорбляющие их, бесчестны и по своей непотребной жизни, и по своему низкому и неизвестному происхождению, а оскорбляемые часто могут указать и знаменитых предков, и рассказать об иной

известности, однако же и это не ослабляет в них любви, не отвращает от любимой женщины. Как же не стыдно нам, если в любви, угодной Богу, мы не можем показать такой силы, какую имеет любовь диавольская и демонская?

Перестань же изрекать эти сатанинские слова: если брат мой ненавидит меня, я не хочу и видеть его. Ничего нет постыднее такой речи, хотя многие считают это знаком благородной души, но нет ничего неблагороднее, безумнее, жестокосерднее этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многие считают злые дела добродетелью и что пренебрегать и презирать других кажется им делом прекрасным и честным. Это и есть самая опасная сеть диавола, когда порок облекается доброю славою, — потому он и неистребим. Я сам слышал, как многие ставят себе в честь то, что они не подошли к человеку, который от них отворотился, хотя твой Владыка и этим хвалится. Сколько раз оплёвывали

Его люди? Сколько раз отворачивались от Него? Но Он не перестаёт приходить к ним.

Любостяжание

Но если трудно войти в Царство Небесное богатому (см.: Мф. 19, 23), то, что сказать о любостяжателе? Если не давать от своего имения другому есть уже препятствие на пути к Царствию, то представь, какой собирает огонь тот, кто захватывает чужое!

М

Медлительность

Ничто столько не нарушает порядка в нашей жизни, как наша медлитель-

ность и постоянные отсрочки при совершении добрых дел. Такая медлительность часто бывает причиною того, что мы всего лишаемся.

Милосердие

Мы имеем нужду во всех добрых делах, но больше всего в человеколюбии и кротости, потому что и сами мы нуждаемся в человеколюбии. Так как мы каждый день много грешим, то и нужно нам много милосердия. Много или мало оценивается не количеством подаваемого, а достатком подающего. Богатый пусть не думает о себе много, а бедный пусть не унывает, как подающий мало, потому что часто бедный подаёт и больше богатого. Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она даёт нам возможность более удобно подавать милостыню. Кто имеет у себя много, тот удерживается и высокомерием, и жела-

нием приобрести больше, а кто имеет у себя мало, тот освобожден от мучительства обеих этих страстей, потому находит и больше случаев делать добро. Он без труда идёт в темницу, посещает больных, подаёт чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого. Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета даёт тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда.

Милосердие Божие

Когда они (слепцы. — *Ред.*) (см.: Мф. 20, 30—34) высказали своё желание (*Господи! Чтобы открылись глаза наши*), Он, умилосердившись над ними, прикоснулся к ним. Это милосердие было единственною причиною всех врачеваний; по нему-то Он и в мир пришёл. Тем

не менее, хотя Христос был и воплощённая милость и благодать, Он искал достойных. А что слепые были достойны, это видно как из их усиленного вопля, так и из того, что они, получив исцеление, не отстали от Христа, как делали многие непризнательные к благодеяниям Его. Нет, эти слепцы не таковы: они и прежде дара постоянны, и после благодарны — пошли вслед за Ним.

Милостыня

Милостыня и грехи очищает. Как сказано: *Подавайте... милостыню... тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Она важнее жертв: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). Она отверзает небеса: *Молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом* (Деян. 10, 4). Она нужнее девства. Так одни девы были изгнаны из брачного чертога; так другие введены были в него (см.: Мф. 25, 1—12). Зная всё это, будем

сеять щедро, чтобы с большим изобилием пожать и получить будущие блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки.

Итак, поревнуем добродетели, особенно же смиренномудрию и милостыне, без которых невозможно спастись. Доказательство тому — пять дев (см.: Мф. 25, 1—12), равно как и фарисей (см.: Лк. 18, 10—14). Без девства можно видеть Царствие; а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней всё заключается. Потому-то мы не без причины назвали её сердцем добродетели.

Признаюсь, мне уже стыдно говорить о милостыне, так часто повторяя о ней и не видя плодов проповеди. Правда, против прежнего вижу больше плодов, но не столько, однако же, сколько бы желал. Вижу, что вы сеете, но не щедрою рукою; потому я опасаюсь, чтобы вы скудно и не пожали.

Раздаватель ли, раздавай в простоте (Рим. 12, 8). Не достаточно того, чтобы подать, но должно делать это и с щедростью; так и всегда это разумеется под словом *простота*, ведь и девы (неразумные) имели елей, но не имели его в избытке (см.: Мф. 25, 1—12), почему и лишены были всего.

Не говори мне, что они подавали милостыню. Если они подавали менее, нежели сколько могли давать, то и тогда не избегнут наказания. Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по обилию расположения.

Милость

Христос, когда ублажает милостивых, ублажает и хвалит не просто подающих денежную милостыню, но делающих это с добрым расположением. Итак, будем иметь усердие к делам милосердия, и все блага последуют за этим. Имеющий чело-

веколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их; если увидит кого-нибудь в несчастьях, станет плакать и проливать слезы; если встретит обижаемого, заступится; если найдёт бедствующего, подаст ему руку. Имея сокровище благ — человеколюбивую и милосердную душу, он изольет из неё всё нужное для братьев и получит все уготованные Богом награды.

Множество

Лучше один, творящий волю Господню, чем тысячи беззаконных (ср.: *лучше один праведник, нежели тысяча грешников* (Сир. 13, 3)). Оттого-то всё ниспровержено, всё в крайнем беспорядке, что мы, как на зрелищах, ищем множества людей, а не множества людей добрых. Какую пользу, скажи мне, может принести тебе толпа народа? Хочешь ли знать, что народ составляют святые, а не толпа

людей? Выведите на войну сотни тысяч и одного святого: посмотрим, кто сделает больше? Иисус Навин вышел на брань и один сделал всё; и таким образом остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но множеством людей добрых: ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногие были добрыми. Не видите ли, что лучше иметь один драгоценный камень, нежели тысячи мелких монет? Не видите ли, что лучше иметь здоровый глаз, нежели, потеряв его, отяготить себя тучностью тела? Не видите ли, что лучше иметь одну овцу здоровую, нежели тысячи шелудивых? Не видите ли, что лучше немного детей добрых, чем много дурных? Не видите ли, что в Царстве — немногие, а в геенне —

многие? Что мне от множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорее вред для прочих. Большинство, когда они не делают ничего доброго, не принесут нам ничего другого, кроме наказания там и бесславия здесь. Ведь никто не скажет, что нас много, но (всякий) будет порицать за то, что мы бесполезны.

Молитва

Диавол влагает тысячи нечистых помыслов в наши умы, и о чём мы никогда не думали, то, собрав, во время молитвы вливает в наши души.

Если Он (Бог. — *Ред.*) знает, скажет кто-либо, в чём мы имеем нужду, то для чего нужно молиться? Не для того, чтобы указать Ему твои нужды, но для того, чтобы преклонить Его; чтобы через непрестанное моление соединиться с Ним, чтобы смириться перед Ним, чтобы вспомнить грехи свои.

Бог хочет, чтобы мы в нуждах своих сами более просили Его, нежели другие ходатайствовали за нас.

Итак, Петра стерегли в темнице, между тем церковь прилежно молилась о нем Богу (Деян. 12, 5). Эта молитва — знак любви. Они не возмущались, не производили смут, но обратились к молитве, прибегли к этой непреоборимой поборнице. Не говорили: я не велик и напрасно стал бы молиться о нём; они делали по любви и потому ничего такого не помышляли.

Не будем же нерадивы и не станем откладывать это дело (молитву к Богу. — *Ред.*). Он человеколюбив и благ — подадим Ему только повод; и даже этого (Он требует) только для того, чтобы мы не оставались непотребными, а иначе Он помиловал бы нас и без этого. *Предварим лице Его во исповедании*, что Он благ и милосерд (Пс. 94, 2; по церковнославянскому переводу). Если ты не будешь при-

зывать Его во истине и не станешь зывать от сердца: «Прости мне», а одними только устами, то что Он сделает? Что же значит: призывать во истине? С добрым расположением, с усердием, от чистого сердца. Истинно призывающий Его и истинно просящий Его просит непрестанно и не отходит дотоле, пока не получит; а кто делает это лицемерно и желает только исполнить закон, тот не призывает Его во истине. Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавить себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издеваешься. Кто, сознавая, что он болен, не делает всего к тому, чтобы избавиться от болезни? Молитва — великое оружие. *Если вы, — говорит (Христос), — умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный* (Лк. 11, 13). Почему же ты

не хочешь прибегнуть к Нему? Он любит тебя; может сделать больше всех; и желает и может: что же тебе препятствует? Ничто.

Молитва ночная

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю её спали и бездействовали. Восстань и ты, посмотри на хор звёзд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, и удивляйся делам Владыки твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться; сам мрак и совершенное безмолвие много располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещрённое звёздами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течение дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь

нисколько не отличаются от мёртвых, то познаешь всё ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришёл и показал природу, как она есть; он — образ смерти; он — образ кончины (мира). Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Всё это может возбудить душу и привести на мысль кончину мира. Слово моё — к мужам и жёнам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется (на милость) ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. После таких всенощных бдений бывают и сон приятный и видения чудные.

Я уже и говорил вам об этом, и теперь скажу: будем вставать во время ночи; если не прочитаешь многих молитв, то прочитай одну со вниманием, и этого довольно; ничего более не требую;

если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тела, но и для души; не попускай проходить ей в бездействии, но воздай это воздаяние Господу, или лучше оно опять к тебе же возвратится.

Молитва «Отче наш»

Если мы вникнем в ту молитву, то не найдём в ней ничего плотского, но всё духовное. Даже и то небольшое чувственное, о чём мы просим в ней, становится от образа прошения духовным. Уже и одно наставление не просить ничего более, как только хлеба *насущенного*, то есть ежедневного, было бы знаком ума духовного и любомудренного. Но смотри, что предшествует этому: *Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе* (Мф. 6, 9—10). Затем, сказав о том чувственном, Он тотчас уклонился и опять пришёл к уче-

нию духовному, говоря: *прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Ничего (не сказал) о начальстве, ничего о богатстве, ничего о славе, ничего о власти, но включил в молитву всё, что клонится к пользе души, — ничего земного, но всё небесное. Итак, если нам заповедано воздерживаться от вещей житейских и настоящих, то как будем мы несчастны и жалки, когда станем просить у Бога того, что Он заповедал нам отвергать, если и имеем, чтобы избавить нас от забот? Подлинно это значит пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаем успеха.

Молитва рассеянная

Если и мы (сами) не слышим молитв своих, то как можем умолить Бога, чтобы Он услышал нас?

Диавол, видя зажжённым в нас пламень молитвы, навевает отсюда и оттуда

тысячи забот и не отстаёт до тех пор, пока не погасит света.

Молитва усердная

Сколько бы мы ни были ничтожны, отвержены, но, с истинным усердием приходя к Богу, сами собою можем испросить у Него всё, что ни потребуется. Посмотри, как и эти слепцы (см.: Мф. 20, 30—34), не имея даже ни одного из апостолов на своей стороне и ещё от многих слыша запрещение, победили все препятствия, пришли к Самому Иисусу; и хотя евангелист не свидетельствует, чтобы их жизнь сколько-нибудь ручалась за их дерзновение, но вместо всего для них достаточно было одного усердия. Поревнуем и мы этим слепцам. Пусть Бог медлит ниспослать нам дары Свои, пусть многие отклоняют нас с пути молитвенного — будем продолжать свою молитву: этим самым мы особенно и умилим Бога. Посмо-

три и здесь, как ни нищета, ни слепота, ни мысль слепцов, что они не будут услышаны, ни запрещение народа — ничто не остановило их. Такова-то душа пламенная и терпеливая!

МОЛИТВЫ СВЯТЫХ

Не станем слишком уповать на других. Молитвы святых имеют великую силу, но только когда мы сами раскаиваемся (в грехах) и исправляемся.

«Молясь, не говорите лишнего»

А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны (Мф. 6, 7). Под многословием разумею здесь пустословие, например, когда мы просим у Бога неприличного, как то: власти, славы, победы над врагами, множества богатства — словом, совсем для нас бесполезного.

Муж

Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви...

Уважай её (жену), и она не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим уважением и одобрением.

Учи жену страху Божию, и всё потечёт к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многочисленных благ.

Мужчины и женщины

Тогда (в древней Церкви. — *Ред.*) мужчины были мужчинами, и женщины женщинами, а ныне всё напротив: женщины усвоили себе нравы блудниц, а мужчины ничем не лучше коней неистовых.

Женский пол как-то особенно чувствителен и весьма склонен к состра-

данию. Говорю это для того, чтобы для тебя не было удивительным, отчего Мария горько плакала при гробе, а Пётр не обнаружил ничего подобного. Ученики, говорит евангелист, *возвратились к себе*, а Мария *стояла... и плакала* (Ин. 20, 10, 11).

Муки вечные

Там зияет великая пропасть, пышущая лютейшим пламенем. Там повсюду увидишь пробегающий огонь, подобный какому-то свирепому зверю. Не найдёшь тогда ни заступника, ни избавителя; не увидишь тогда кроткого и тихого лица Христова. Но как сосланные в рудники отдаются под власть людей немилостивых и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, — так будет и тогда, и ещё не так, а несравненно хуже. Здесь ещё можно прибегнуть к царю и умолить его,

и таким образом снять с осуждённого оковы; а там это уже невозможно. Из ада никого ни выпускают, и заключённые там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь по крайней мере всё страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает.

Подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его (2 Фес. 1, 9). Есть много людей, которые возлагают добрые надежды не на то, что они воздерживаются от грехов, а на то, что полагают, будто геенна не так страшна, как говорят о ней, но слабее той, какою угрожают нам, и при том временна, а не вечна; и много умствуют по этому поводу. Между тем я могу пред-

ставить много доказательств и даже вывести из самых слов (Писания) о геенне, что она не только не слабее того, как её представляют в угрозах, а ещё гораздо ужаснее. Впрочем, теперь я не буду заводить об этом речи. Довольно и того опасения, какое возбуждают в нас одни слова (о геенне), если мы даже не будем раскрывать их смысла. А что она не временна, послушай, что говорит здесь Павел о людях, не ведущих Бога и не верующих в Евангелие: именно, что они подвергнутся наказанию, вечной гибели. Итак, каким образом вечное может соделаться временным?

Скажи мне: если бы кто-нибудь поставил нас на короткое время в раскалённой печке, то не употребили ли бы мы всех мер к своему освобождению, хотя бы потребовалось растратить имущество или отдать себя в рабство? Как многие, впадши в тяжкие болезни, охотно согласились бы отдать всё, чтобы освободиться от них,

если бы только им предоставлен был выбор! Если же здесь непродолжительная болезнь так мучит нас, то что мы станем делать там, когда раскаяние не будет приносить никакой пользы?

Н

Наказание Божие

Кто, однажды освободившись от зла, не сделается благоразумнее, тот подвергнется наказаниям, которые гораздо тягостнее прежних.

Ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое (наказание) палачам, обязывая судию только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение

возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать не свойственно душе любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не Сам, но чрез Ангелов. Следовательно, Ангелы — палачи? Да не будет! Я не говорю этого; но они — силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, всё совершено чрез Ангелов; когда Египет — чрез них же. *Послание*, — говорит Псалмопевец, — *ангелы лютыми* (Пс. 77, 49; по церковнославянскому переводу). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он Сам; так Он послал Сына Своего для спасения рода (человеческого). И опять: тогда, говорит, скажу Ангелам: *соберите делающих беззаконие и ввергните в печь* (ср.: Мф. 13, 41, 42). А касательно праведников не так, но: *Кто принимает вас, принимает Меня* (Мф. 10, 40). И ещё: *Связав ему, говорит, руки и ноги... бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13).

Смотри, здесь действуют слуги. А когда нужно наградить, Сам награждает, Сам говорит: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит Сам; а когда идти в Содом, то посылает слугителей, подобно тому как судия поставляет исполнителей казни. И ещё: *Хорошо, добрый и верный раб, говорит, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю*. Этого восхваляет Сам, а раба лукавого не Сам, но слуги связывают (см.: Мф. 25, 21, 30). Зная это, не будем радоваться о тех, кого постигают наказания; но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние. Ныне многие радуются даже о тех, которые терпят зло несправедливо. Но мы не будем так поступать; напротив, будем оказывать им всякое сострадание, чтобы и нам сподобиться человеколюбия Божия.

Намерение

Бог наказывает или увенчивает не самое дело наше, но намерение.

Нападки злых людей

Не надобно, возлюбленные, входить в состязания со злыми людьми; но научимся, если только это не повредит нашей добродетели, уступать место их злым наветам. Таким образом укрощается всякая дерзость. Как стрелы, попадая во что-нибудь упругое, твёрдое и противодействующее, с большею силою отскакивают назад — на пустивших их; когда же стремительность их полёта не встречает противодействия, то скоро теряет силу и прекращается, — так бывает и с дерзкими людьми. Когда мы идём наперекор им, они ещё более свирепеют; когда же уступаем им и отстаём от них, тем легко укрощаем

их неистовство. Таким образом и Христос, узнав о дошедшем до фарисеев слухе, что Он приобретает Себе учеников и крестит более, чем Иоанн, отошёл в Галилею, чтобы погасить в них зависть и Своим удалением укротить их ярость, которая, конечно, родилась в них от этих вестей.

Наслаждения земные

Какая, в самом деле, польза от наслаждения земного? Сегодня оно есть, а завтра — прах рассеянный; сегодня — огонь пылающий, а завтра — пепел остывший. Но не таковы блага духовные: они всегда сияют и цветут и с каждым днём становятся прекраснее. То богатство никогда не гибнет, никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не подвергается беспокойству, зависти или порицанию, не губит тела, не растлевает души, не возбуждает зави-

сти, не навлекает ненависти, между тем как всё это соединено с богатством. Та слава не доводит до безумия, не рождает надменности, никогда не перестаёт и не помрачается. Покой и наслаждение на небесах также непрерывны, всегда неизменны и бессмертны: нельзя найти для них ни предела, ни конца. Возжелаем же, убеждаю вас, этой жизни. Если будем её желать, то не поставим ни во что блага настоящие, но станем презирать их, смеяться над ними. Всё, что имеет конец, не очень вожделенно. Всё, что прекращается, что сегодня есть и чего завтра нет, хотя бы то было что-нибудь и очень великое, — всё это кажется слишком малым и не стоящим внимания.

Наставление

Христос заключил Свою беседу с ним (Нафанаилом. — *Ред.*) (см.: Ин. 1, 43—51),

предоставляя ему самому размыслить о сказанном и не желая высказать всего в один раз. Бросив семена в землю плодородную, Он даёт ей самой произрастить в своё время плоды.

Наставники не всё говорят так, как бы хотели сами, но как требует состояние немощных. Потому и Павел говорит: *я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими... Я питал вас молоком, а не твердою пищею* (1 Кор. 3, 1—2). Я желал бы, говорит он, беседовать с вами, как с духовными, но не мог. Почему же? Не потому, чтобы сам он не имел к тому сил, но потому, что они не могли слушать такого учения.

Свойственно опытнейшему учителю — не следовать во всём желанию учеников, но вести их по своей воле, сперва исторгнуть терние, а потом бросать семена и не вдруг давать ответ на каждый вопрос.

Неверия причина

Главнейшею причиною неверия фари-сеев была развращённая жизнь и любовь к славе.

Обременённая грехами совесть, стра-шась и трепеща пред будущим воздая-нием, старается успокоить себя неверием.

Невнимательность в храме

Какое мы будем иметь преимуще-ство пред теми, которые вовсе не слы-шали (Евангелия), если и после слу-шания уйдём домой, ничего не имея, а только удивляясь произнесённым сло-вам? Будем внимательны, чтобы не было и о нас сказано: *как у глухого аспида уши их* (ср.: Пс. 57, 5). Скажи мне, чем раз-личается от зверя такой слушатель? Напротив, не бессловеснее ли всякого бессловесного тот, кто остается невнима-тельным, когда говорит Бог?

Пусть каждый внимает учению, отложив всякое житейское попечение. Когда слушателем овладевает пристрастие к богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобным образом и желание слушать поучения, потому что душа, сама в себе единая, не может вмещать в себе многих желаний, но одно желание подавляется другим, и душа, таким образом как бы разрываемая, делается ещё слабее. Между тем если какое-либо желание преобладает, то уже всё обращает в свою пользу. Итак, никто не приноси на небо ничего земного. Никто, стоя здесь, не озабочивайся делами домашними. Отсюда бы надлежало переносить в дом и на торжище пользу, здесь приобретённую, и сохранять её там, а не это место наполнять попечениями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаем к учительской кафедре, чтобы здесь очищать скверны, отвне к нам привходящие. Если же и среди этого

малого поучения мы хотим растлеваться посторонними речами или делами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто в церкви не печётся о делах домашних; напротив, пусть и в доме размышляет о предметах церковного учения. Пусть они будут для нас предпочтительнее всего, так как они относятся к душе, а те (домашние дела) к телу; лучше же сказать — и душе и телу полезны здешние поучения. Поэтому пусть будут они делом главным, а всё прочее делом мимоходным. Они принадлежат и настоящей жизни, и будущей, а дела внешние — ни той, ни другой, если не располагаются по правилам, основанным на первых. Здесь единственно можно научиться не только тому, чем будем мы после этой жизни и как тогда будем жить, но и тому, как упредить жизнь настоящую. Этот дом есть духовная лечебница, устроенная для того, чтобы в ней врачевали мы те раны, которые получаем отвне (в мире),

а не для того, чтобы выходить отсюда с новыми ранами. Если же мы не станем внимать тому, что глаголет нам Дух Святой, то не только не очистим прежних ран, но ещё и другие получим.

Ненависть

Не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога; и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умиласердится над нами и помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать.

Ненависть к душе

Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную (Ин. 12, 25). Слова эти походят, по-видимому, на загадку; но они — не загадка, в них заключается великая мудрость. Каким же образом *любящий душу свою погубит ее*? Когда кто исполняет её неуместные пожелания, когда кто угождает ей больше, чем должно. Потому-то некто и даёт такое наставление: *Не ходи вслед похотей души твоей (Сир. 18, 30).* Чрез это ты погубишь её, потому что (похоть) отдаляет от пути, ведущего к добродетели. Точно также и наоборот: *ненавидящий душу свою в мире сем спасет её.* Что значит: *ненавидящий душу свою*? Это означает того, кто не слушает её, когда она внушает что-нибудь вредное. Но не сказал: кто не слушает её, а: *ненавидящий её.* Как мы не можем ни слышать голоса ненавидимых нами, ни видеть лица их рав-

нодушно, так точно мы должны крайне отвращаться и от души, когда она внушает нам что-нибудь неугодное Богу.

Нерадение

Я плачу, представляя, какой мы лишимся славы, какой надежды благ, и притом совершенно и навсегда, если хотя бы немного не позаботимся. Если бы и велик был труд и тяжек закон, то и в таком случае надлежало бы всё исполнять. Хотя многие из нерадивых и думали иметь некоторое извинение — извинение, правда, бесполезное, впрочем, думали иметь, — указывая на чрезмерную тяжесть заповедей, на великий труд, на бесконечное время и невыносимое бремя, но теперь ничего подобного мы не можем представить в оправдание; и это особенно будет терзать нас в то время не менее геенны, когда мы за краткое мгновение, за пренебрежение ничтожного усилия, потеряем

небо и неизреченные блага. Поистине и время кратко, и труд мал; а между тем мы расслаблены и унылы. На земле подвизаешься, а на небесах венец; от людей принимаешь мучения, а от Бога получаешь честь; два дня бежишь, а на бесконечные века награда; в тленном теле борьба, а в нетленном честь.

Неразумие

От упомянутого в притче раба (см.: Мф. 24, 45) Спаситель требует двух качеств: благоразумия и верности, потому что грех бывает от неразумия. И нам нужны также оба указанные качества. Если одного качества нет в нас, то и другое несовершенно.

Нераскаянность

Всего лучше совсем не грешить; а если кто согрешил, то нужно чувствовать

свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даём в них никакого отчёта? Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты можешь познать величие благодеяния? Итак, исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и таким образом возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю. Оскорбив человека, ты упрашиваешь и друзей, и соседей, и самих привратников, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя к нему и умоляя о прощении. И, хотя бы оскорбленный отогнал тебя однажды, и в другой раз, и тысячу раз, ты не отстаёшь, но тем с большей ревностью усугубляешь свои моления. А раздражив Бога всяческих, мы небрежём о том, остаёмся холодными, роскошествуем, упиваемся и делаем всё то,

к чему привыкли: когда же мы Его умилю-
стивим? Напротив, продолжая так жить,
не раздражаем ли Его ещё более? И дейст-
вительно, нераскаянность в грехах гораздо
более возбуждает Его гнев и негодование,
нежели самый грех.

Нищие духом

Что значит: *нищие духом* (Мф. 5, 3)? Сми-
ренные и сокрушенные сердцем. Духом Он
назвал душу и расположение человека. Так
как есть много смиренных не по своему
расположению, а по необходимости обсто-
ятельств, то Он, умолчав о таких (потому
что в том не велика слава), называет прежде
всего блаженными тех, которые по своей
воле смиряют себя и уничижают.

Нищий

(Ты) скажешь: нищий много лжёт
и притворяется. И в этом случае он достоин

сожаления, потому что дошёл до такой крайности, что даже не стыдится так лгать. А мы не только не имеем жалости, но ещё присовокупляем такие жестокие слова: не получал ли ты и раз и два? Так что ж? Ужели ему не нужно опять есть, потому что однажды ел? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева и не говоришь ему: ты сыто было вчера и третьего дня, так не проси ныне? Напротив, чрево своё пресыщаешь чрезмерно, а нищему, когда он просит у тебя и немного, отказываешь, хотя должен бы дать ему милостыню за то, что он каждый день принуждён ходить к тебе. Если не чувствуешь других побуждений, то за это одно должен подать ему милостыню. Ведь крайняя бедность заставляет его делать это. Ты не имеешь к нему жалости, потому что он, слыша такие слова твои, не стыдится; но нужда сильнее стыда. Но ты не только не имеешь к нему жалости, а ещё издеваешься над ним, и тогда как Бог повелел давать

милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшего, между тем как надлежало бы оказать ему сострадание. Если не хочешь подать, то для чего ещё укоряешь бедного и сокрушаешь его огорчённое сердце? Он пришёл к тебе, как в пристань, и просит руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны и бурю делаешь свирепее? Для чего гнушаешься нищетою его? Пришёл ли бы он к тебе, если бы знал, что услышит от тебя такие слова? Если же, и наперед зная это, пришёл к тебе, то потому-то и надобно тебе сжалиться над ним и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при виде самой крайней нужды, не делаешься сострадательнее, не представишь себе, что один страх голода служит для него достаточным оправданием в бесстыдстве, но укоряешь его за бесстыдство, хотя сам ты часто бывал несравненно бесстыднее и в важнейших делах. В нужде и бесстыдство простиительно. Он не по своей воле поступает так бесстыдно. Поистине, нет

человека, который бы без всякой нужды захотел сделаться бесстыдным; и хотя бы представляли тысячи доказательств, никогда не поверю, чтобы человек, живущий в изобилии, решился просить милостыни.

Обвинения

Обвинять друг друга мы всегда готовы, а исправлять то, в чём сами виновны и подлежим обличению, на это мы всегда медленны.

Обещания Божии

Как тогда, когда Бог угрожает людям наказаниями, а они покаянием откло-

няют гнев Его, Он останавливает наказания, так и тогда, когда обещаются блага, а имевшие воспользоваться обещанием окажутся недостойными, Он не исполняет обещания. Говорю это для того, чтобы мы не отчаивались, когда Он угрожает, но покаянием отклоняли гнев Его, и не предавались беспечности, когда Он обещает блага, но ревностью и исправностью в жизни доводили обещания до исполнения. Если мы не будем поступать так, то одно обещание не может спасти нас. Так и Иуде было обещано, что он сядет на престоле с одиннадцатью учениками (см.: Мф. 19, 28), но он не сел; а причиною тому не Обещавший, но сам Иуда, оказавшийся недостойным обещания.

Обиды

Не кляни обижающего тебя; иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься; понесёшь вред, а награды

не получишь. А это крайне безумно — претерпевши труднейшее, не перенести легчайшего.

Мы должны дать отчёт в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали. Поэтому Бог и дал нам лёгкое и удобное средство к уплате совершенно всех наших долгов, то есть забвение обид.

Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов; вторая — терпение и великодушие; третья — кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвёртая — совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева без сомнения свободен и от неприятностей, с ним соединённых, и не проводит жизни

в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами.

Обличение заблуждений

Встретимся ли мы с эллинами, будем заграждать им уста, но без гнева, без ожесточения. Если станем это делать с гневом, то это, кажется, уже не будет дерзновение, а страсть; если же кротко, то это и есть истинное дерзновение, потому что не могут быть вместе в одно и то же время и добродетель, и порок. Дерзновение — это добродетель, а гнев — порок. Итак, мы, если хотим иметь дерзновение, должны быть чистыми от гнева, чтобы кто-нибудь не приписал ему слов (наших). Если ты говоришь и правду, но с гневом, то всё погубил, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или делать что-нибудь другое.

Обращение с людьми

Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому (Кол. 4, 6). Пусть, говорит, в нём не будет притворства, потому что это не будет благодать и не будет растворено солью. Например, если тебе приходится оказать кому-нибудь услугу, и это будет безопасно (для спасения), то не отказывайся; если обстоятельства требуют вежливого разговора, то не считай этого дела за лстивость. Делай всё, относящееся к чести, без вреда для благочестия. Не видишь ли ты, как служил нечестивому человеку Даниил? Не видишь ли, с каким благоразумием обращались с царём три отрока, показывая мужество и дерзновение, но ничего дерзкого и оскорбительного? (см.: Дан. 3). Последнее происходит не от дерзновения, а от тщеславия. *Дабы вы знали, говорит, как отвечать каждому, потому что иначе (должно отвечать)*

начальнику и иначе подчинённому, иначе богатому и иначе бедному. Почему так? Потому что у людей богатых и у начальников души бывают слабее, вспыльчивее и раздражительнее, так что здесь требуется сдержанность; а у людей бедных и находящихся под властью душа крепче и сосредоточеннее, так что здесь можно допустить и более свободы (в речи), имея в виду одну цель — назидание. Нужно уважать одного более, другого мене — не потому, что один богат, а другой беден, но по причине немощи с первым должно обращаться терпеливо, а с последним не так. Например, когда ты не имеешь повода, то не называй эллина нечестивым и не делайся обидчиком; но если тебя спросят об учении веры, то отвечай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашивает и не заставляет говорить, то не следует без причины поднимать вражду. Да и какая необходимость напрасно вооружать против себя?

Опять, если ты наставляешь кого-нибудь вере, то говори, что относится к предмету, потом молчи. Если слово твоё будет растворено солью (то есть будет мудро соблюдена мера. — *Ред.*), то хотя бы оно попало и в раздражительную душу, произведёт в ней нежную привязанность, и хотя бы в жестокую, умягчит её суровость. Будь обходителен и не будь груб, но опять — и не слишком слаб, а имей твёрдость, соединённую с приятностью. Если будешь без меры строг, то сделаешь более вреда, чем пользы; если будешь чрезмерно любезен, то доставишь более печали, чем радости. Так должна быть мера во всём. Не будь суровым и угрюмым, потому что это неприятно; не будь и излишне весёлым, потому что через это можно подпасть пренебрежению и презрению; но усваивая то, что составляет совершенство в том и другом, избегай недостатков, подобно пчеле, заимствуя от одного веселость, а от другого — важность. Если

врач неодинаково обходится с телом каждого, то тем более учитель. Но тело ещё легче выдержит негодное для него лекарство, чем душа — слово. Например, приходит эллин и становится тебе другом. Ты не говори ему об этом ничего, доколь он не сделается твоим другом окончательно; а когда сделается, то (веди речь) постепенно.

Обстоятельства житейские

Житейские обстоятельства, каковы бы ни были, не приносят нам никакого вреда. Обогатимся ли мы — насладимся только здесь удовольствиями. Впадём ли в бедность — не потерпим от того никакой беды. Ни отрадные обстоятельства этой жизни, ни печальные не заключают в себе достаточной причины для печали и для удовольствия, но и те, и другие не стоят нашего внимания и протекают с большою скоростью, отчего справедливо называ-

ются и путём, так как проходят и не могут оставаться надолго. Между тем будущие, — и то, и другое, остается на веки — как наказание, так и Царство. Итак, в отношении к будущему станем предлагать большее старание, чтобы одного избежать, а другого достигнуть.

Объединение

Не готовимся ли мы заклаться в жертву, что так утучняем себя? Для чего ты готовишь червям роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловония? Для чего делаешь себя негодным ни к чему? Хочешь ли, чтобы глаз твой был исправен? Сделай всё тело благоустроенным. Из струн та, которая жирна и не очищена, бывает неспособна издавать приятные звуки, а которая совершенно очищена, та бывает стройна и благозвучна. Для чего зары-

ваешь душу? Для чего ограду её делаешь толще? Для чего (наводишь на неё) великий дым и облако, когда испарения, как бы какая мгла, поднимаются отовсюду? Надобно видеть, как неудобоподвижны люди, преданные сластолюбию и утучнившие своё тело, подобно тому как неподвижны тучные кони, причиняющие вознице так много хлопот. Тот, у кого конь послушный и быстрый, легко может получить победную награду; а когда возница принужден тащить его, беспрестанно падающего, и не может даже ударами поднять его, то хотя бы он был человек весьма опытный, не одержит победы. Не будем же нерадеть о душе своей, подавляемой телом, но соделаем взор её более светлым, крылья её — более лёгкими, узы — более сносными; будем питать её беседами, при воздержной жизни, так чтобы тело было только здорово и крепко, чтобы она радовалась и не скорбела.

Обычаи иудейские и языческие

А ныне многие у нас и постятся в один день с иудеями, равным образом и субботы соблюдают; мы же терпим это с мужеством или, лучше, с унижением. Да что я говорю об иудейских (обычаях)? Даже некоторые из нас соблюдают многие языческие обычаи, волхвования, гадания, предзнаменования, наблюдение дней, суеверные приметы при рождении и исполненные всякого нечестия письма, которые они, к несчастью, возлагают на головы только родившихся детей, научая их с первых дней жизни презирать труды из-за добродетели и подчиняя участь их обманчивому господству судьбы, управляющей ими. Но если и обрезывающимся не будет никакой пользы от Христа (см.: Гал. 5, 2), то может ли вера сколько-нибудь послужить во спасение тем, которые вводят такое нечестие?

Овцы и волки

Устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов, как волки. Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодолеем и победим. Если же будем волками — будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасёт не волков, а овец); Он оставит и удалится от тебя, потому что ты не дашь открыться Его силе.

Одержимость не препятствует спасению

Не так важно изгнать беса, как освободиться от греха. Бес не препятствует достигнуть Царствия Небесного, а ещё содействует, — хотя невольно, но содействует, делая одержимого им более любопытным; а грех удаляет (от Царствия). Те

от своих страданий получают двойную пользу: во-первых, вразумляются и делаются более любомудрыми; во-вторых, потерпев здесь наказание за свои грехи, отходят к Господу чистыми. Мы часто говорили об этом и учили, что наказываемые здесь, если терпят благодушно, могут избавиться от множества грехов... Бес стоит (пред ними), как истинный палач с сильными угрозами, или как учитель с поднятою плетью, не позволяющий никакой отрады. Если же некоторые и при этом не делаются любомудрыми, то по крайней мере они претерпевают наказание. И это не маловажно. Как от безумных, как от сумасшедших, как от детей не требуют отчета в их действиях, так и от них.

Омертвление души

Нет ничего хуже души ожесточённой: хотя бы она видела знамения, хотя бы

чудеса — она всё остаётся в том же бесстыдстве. Поэтому-то Павел неоднократно говорит: *чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом* (Евр. 3, 13). Как силы телесные со временем мертвеют и теряют всякую чувствительность, так и душа, одержимая многими страстями, становится мёртвою для добродетели. Тогда, чтобы ты ни представлял ей, она ничего не чувствует; хотя бы угрожал наказанием или чем другим, она остается бесчувственной.

Осквернение

Итак, познаём, что оскверняет человека, познаем — и будем избегать того! Мы видим, что многие в церкви строго соблюдают обыкновение приходить в чистых одеждах и с обмытыми руками; а о том, чтобы с чистою душою предстать Богу, нимало не заботятся. Говоря это, я не запрещаю умывать руки или лицо,

но желаю, чтобы умывали их так, как должно, — не водою только, но вместо воды убеляли добродетелями. Нечистоту уст составляют: злословие, хула, ругательство, гневные слова, срамословие, смех, насмешки. Поэтому если ты сознаёшь, что ничего подобного не говорил и не осквернил себя такою нечистотою, то приходи смело. Если же ты тысячекратно допускал себя осквернять этим нечистотам, то что трудишься напрасно омыwać язык водою, осквернив его пагубною и вредоносною нечистотою?

Скажи мне: осмелился ли бы ты молиться, если бы замарал руки в навозе или в грязи? Никак. Между тем это не причинило бы тебе никакого вреда, а то осквернение пагубно. Итак, для чего ты в делах безразличных опаслив, а в том, что запрещено, нерадив? Что же, скажешь ты, или не должно молиться? Должно, только надобно быть чистым и не осквернённым. Но что, скажешь, если я прежде осквер-

нил себя? Очистись. Каким же образом? Плачь, стенай, раздавай милостыню; извинись перед обиженным и через то примиришь с ним; очисти язык, чтобы более не раздражать Бога. Если бы кто измаранными в грязи руками держал тебя за ноги, умоляя о прощении, ты не только не стал бы слушать его, но и оттолкнул бы ногою. Как же ты сам дерзаешь в такой нечистоте приступать к Богу? Язык молящихся есть рука, которою мы обнимаем колена Божии. Итак, не оскверняй его, чтобы и тебе не сказал Господь: *и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу* (Ис. 1, 15).

Оскорбления

Те, которые за истину и исповедание Христа подвергаются каким-либо бедствиям и терпят поношение, удостаиваются за это и особенных почестей. Как тот особенно приобретает имущество,

кто тратит его ради Бога, и тот особенно любит душу свою, кто её ненавидит, так, равным образом, тот особенно удостоивается почестей, кто подвергается оскорблениям.

Осуждение

Не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не потребовали строгого отчёта, — а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нужду от человеколюбивого Бога. Отсюда не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго разбирать дела своих собратий и всё делать про-

тив самих себя? Кто строго взыскивает со своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог.

Не старайся, человек, узнавать то, что касается ближнего.

Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого; никто тебя не обвинит, если ты будешь осуждать сам себя; но обвинит, если ты не будешь осуждать сам себя; обвинит, если ты не будешь обличать сам себя; обвинит, если ты не будешь скорбеть о себе самом. Ты видишь, что кто-нибудь гневается, раздражается или делает что-нибудь другое безрассудное? Тотчас подумай о своих делах; тогда и его не слишком будешь осуждать, и себя избавишь от бремени грехов. Если мы таким образом будем соразмерять жизнь свою, если таким образом будем благоустраивать её, если будем осуждать самих себя, то, конечно, не допустим многих грехов, но сделаем много доброго.

Отцы

Бог говорит: *отцом себе не называйте никого на земле* (Мф. 23, 9). Говорит это не для того, чтобы ты не почитал родителей, а чтобы предпочитал им Создавшего тебя и принявшего в число детей Своих.

П

Песни и слова постыдные

Подлинно, срамные песни отвратительнее всякой внешней нечистоты и, что всего вреднее, вы не только не скучаете, слушая их, но и восхищаетесь, тогда, как надлежало бы гнушаться ими и бежать. Если же они не отвратительны, то ступай к плясунам и подражай тому, что хвалишь; или, лучше, пляши с тем, который

производит этот смех. Но ты не согласен на это. Итак, для чего же воздаёшь ему такую честь? И языческие законы признают людей этого рода бесчестными; а ты вместе с целым городом принимаешь их, как послов и вождей, и всех созываешь слушать то, что оскверняет слух.

Ты не говоришь сам постыдных слов? Что же от этого пользы? Притом, откуда это видно? Ведь если бы ты не говорил таких слов, то не смеялся бы, и слыша их от других, и не стремился бы с таким усердием на посрамляющий тебя голос. Если ты хочешь ясно доказать нам, что тебе неприятны постыдные слова, то и не слушай их. В самом деле, как можешь ты быть человеком добрым, обращаясь среди людей, от которых слышишь столь постыдные речи? Захочешь ли ты когда-либо подъять труды, которых требует целомудрие, расслабевая малопомалу от смеха, песен и этих срамных слов? И не осквернённая слушанием

таких песен и слов душа едва может быть чистою и целомудренною; тем более невозможно это для той, которая непрестанно слышит их. Или вы не знаете, что мы более склонны ко злу?

Как туда, где грязь, бегут свиньи, так и туда, где развратные песни, собираются бесы.

Печаль

Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть (2 Кор. 7, 10). Рассуждая теперь о печали, он (апостол Павел) показывает, что она не всегда бывает горькою, а только когда делается печалью по миру. А что значит: печаль по миру? Когда печалишься об имуществе, о славе, об умершем — всё это печаль по миру. Потому она и причиняет смерть. Кто печалится о славе, тот завидует и по необходимости часто доходит до гибели. Итак, под

печалью по миру он разумеет ту, которая вредит самым скорбящим. Только одна печаль о грехах полезна; и это ясно видно из следующего. Скорбящий о потере богатства не вознаграждает тем убытка; скорбящий об умершем не воскрешает его; скорбящий по причине болезни не только не избавляется от болезни, но ещё усиливает её. Только скорбящий о грехах приобретает пользу от скорби, потому что истощает и истребляет грехи. Печаль есть врачевство*, приготовленное на этот один случай; поэтому здесь только имеет она силу и оказывает пользу, в других же случаях вредит.

Писание Священное

Послушайте, прошу вас, все привязанные к этой жизни, приобретайте книги — врачество души. Если не хотите ничего

* Врачевство — целебное средство, лекарство.

другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяния апостолов, Евангелие — постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь — приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних — оттуда почерпай утешение в своём несчастье. Или, лучше, не приникай только к ним, но принимай их всецело и храни в своём уме. От незнания Писания — всякое зло. Мы выходим на войну без оружия, — и как нам спастись? Легко спастись с Писаниями, а без них невозможно. Не возлагайте всего на нас: вы, конечно, овцы, но не бессловесные, а разумные.

Пища духовная

Как телесная пища, попавши в желудок, усиливает болезнь, так и пища духовная, когда она принимается недостойно, навлекает большое осуждение.

Плач об усопшем

В настоящее время, вместе с другими пороками, между женщинами господствует и та болезнь, что они выставляются на показ в плаче и рыданиях, терзая волосы, делая рубцы на щеках. Что ты делаешь, женщина? Ты рвёшь на себе волосы, раздираешь одежду, громко рыдаешь, составляешь вокруг себя позорище, являешься в образе неистовых женщин — и не думаешь, что оскорбляешь Бога? Как велико твоё безумие! Не станут ли смеяться над этим язычники? Не подумают ли, что всё у нас — басни? Так, они скажут: воскресения нет, и учение христиан — это смех, обман и выдумка. Женщины у них рыдают так, как бы после настоящей жизни ничего уже не было; они не внимают словам, начертанным в их книгах, а этим сами показывают, что всё то вымысел. Если бы они веровали, что умерший не умер, но

преставился к лучшей жизни, то не оплакивали бы его, как уже несуществующего, не терзались бы так и не произносили бы этих слов, исполненных неверия: «Уж не видеть мне тебя больше! Уж не будешь ты опять со мною!» Всё у них басня. Если они так не веруют высшему из благ, то тем менее всему другому, что у них считается священным.

Господь говорит: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4), разумея плачущих о грехах, и между тем никто не плачет этим плачем и не заботится о погибающей душе. Это (плакать об умерших) нам, напротив, не заповедано делать, и, однако же, мы делаем. Что же, скажешь, разве человеку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться, плакать неумеренно. Я не зверь и не бесчеловечен. Знаю, что в этом обнаруживается природа, и что она ищет содружества и ежедневного общения. Невозможно не печалиться. Это Сам

Христос показал, потому что прослезился над Лазарем. Так и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхом Божиим. Если так будешь плакать, то это будет знаком не того, будто ты не веруешь воскресению, но того, что для тебя тяжела разлука.

Ведь мы плачем и о тех, которые отправляются в дорогу и разлучаются с нами; но не так, как отчаивающиеся. Так и ты: плачь, как бы провожал отходящего в чужую сторону. Это говорю я не с тем, чтобы поставить вам в закон, но по снисхождению. В самом деле, если умерший был грешник и много оскорбил Бога, в таком случае должно плакать; или, лучше, не плакать только, потому что отсюда для него нет никакой пользы, но и делать то, что может принести ему некоторое облегчение — милостыню и приношения. А впрочем, и в этом случае нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грешить. Если же праведник,

то ещё более должно радоваться, потому что он находится в безопасности и уже избавился от неизвестности будущего. Если это юноша, (должно радоваться) что он скоро освободился от окружающих нас зол. Если старец — что он отошёл, до сытости насладившись тем, что считается вожделенным. Но ты, забыв думать об этом, заставляешь рыдать служанок, как будто делаешь этим честь отошедшему. Это же крайнее бесчестие! Честь для умершего составляют не плач и рыдания, но священные песни и псалмопения и добрая жизнь. Такой человек, отойдя отсюда, отойдёт с Ангелами, хотя бы и никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы целый город провожал его, не получит из того никакого плода.

Хочешь почтить умершего? Почти его иным образом: милостынями, благотворениями, литургиями. Какая польза от многих рыданий? Ужели не зна-

ешь, что от печали происходит смерть? Помрачая зрение души, печаль не только не позволяет ей видеть ничего должного, но и причиняет великий вред. Подлинно, когда мы предаёмся излишней скорби обо умершем, тогда и Бога оскорбляем, и не доставляем пользы ни себе, ни отшедшему; а когда поступаем напротив — и Богу благоугождаем, и приобретаем доброе мнение у людей. Если мы и сами не будем упадать духом, в таком случае (Бог) скоро уничтожает и остаток скорби; а если будем сильно огорчаться, Он предоставляет нас во власть печали. Если будем благодарить — не будем скорбеть. Но как возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерял сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но не печалиться без меры. В самом деле, если мы помыслим, что их взял Бог, что муж и сын были у нас смертные, то скоро получим утешение. Скорбеть здесь — значит требовать чего-то вышеестественного.

Если ты родился человеком и смертным, то зачем скорбишь о том, что совершилось сообразно с природою? Ты ведь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищею? Ведь не домогаешься того, чтобы жить без пищи? Так поступай и в отношении к смерти и не ищи до времени бессмертия, когда родился смертным. Это определено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всех вообще законоположено. Печалься лучше о грехах: это — хорошая печаль, это — величайшее любомудрие.

«Плевать мне на всех»

Не будем хвалиться тем, чего должно стыдиться, не будем произносить слов, употребляемых на рынке людьми порочными: «плевать мне на всех». А если и другой кто-нибудь скажет это, обличим его и заставим молчать, как чело-

века, который хвалится тем, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мне: что говоришь ты? Ты презираешь человека верующего, а Христос не презирал его, когда он был и неверующим. Что я говорю — не презирал? Христос возлюбил его так, что и умер за него, хотя он был врагом Его и покрыт безобразием. Христос много возлюбил его и в таком состоянии, а ты презираешь его теперь, когда он стал прекрасен и достоин удивления, сделался членом Христовым, телом Владычним. Как же ты не думаешь о том, что произносишь, как не чувствуешь, на что решаешься? Христос ему глава, трапеза, одежда, жизнь, свет, жених, Христос для него всё, а ты смеешь говорить: плюю на него, и не на него одного, но на всех, ему подобных. Удержись, человек, отложи своё безумие, узнай своего брата, пойми, что такие слова приличны человеку безумному или помешанному.

Плоть и плотскóе мудрование

Пусть и плоть будет предметом попечения, но, конечно, не станем жить по плоти, то есть не станем делать её госпожою нашей жизни. Необходимо, чтобы она шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашей жизнью, а принимала законы Духа.

Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном. *Помышления плотские* (по-церковнославянски: *мудрование плотскóе*) *суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут* (Рим. 8, 5—7). Но это не есть обвинение плоти. Пока она сохраняет собственное своё значение, не бывает ничего несообразного; когда же мы позволяем ей всё, и она, преступив свои пределы, восстанет на душу, тогда всё губит и портит не по собственной

своей природе, но вследствие неумеренности и происходящего из неё беспорядка. Помышления плотские суть смерть. Не сказал: естество плоти или сущность тела, но: помышления плотские, то, что можно исправить и уничтожить. А говоря это, он не приписывает плоти собственного помышления — нет, но указывает на более грубое стремление ума, которому даёт имя, заимствованное от худшей части человека, подобно тому как часто и целого человека вместе с душою называет плотью. Под именем плотского мудрования (апостол) понимает здесь помысел земной, грубый, пристрастный к житейскому и к худым делам, о котором говорит, что он не может покориться Богу.

Повиновение родителям

Он (апостол Павел. — *Ред.*) велит повиноваться им (родителям) только в том, что не противно благочестию. Святое

дело — воздавать им всякое иное почтение. Когда же они потребуют более надлежащего, не должно им повиноваться. Потому и у евангелиста Луки говорится: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26). Повелевает не просто возненавидеть, потому что это совершенно противозаконно; но если кто из них захочет, чтобы ты любил его более, нежели Меня, в таком случае возненавидь его за это. Такая любовь и любимого, и любящего губит.

Так говорил Он для того, чтобы и детей сделать мужественнее, и родителей, которые бы стали препятствовать благочестию, уступчивее.

Подвиги

Спаситель научает нас не отказываться от подвигов и произвольно

не спешить к ним. Если мы вовлечены в борьбу, то должны стоять мужественно; а если нет вызова к ней, то должны спокойно ожидать времени подвигов, чтобы показать себя и нетщеславным, и мужественным.

«Видишь ли, как лёгок подвиг?»

Должно ещё представлять и то, что, хотя бы мы и не решились потерпеть для Христа некоторые скорби, всё же совершенно необходимо будет потерпеть их, только иным образом. Если ты и не умрешь за Христа, то не будешь же бессмертен; если и не отвергнешь для Христа богатство, то не возьмёшь его с собой по смерти. Он требует от тебя того, что и без требования ты отдашь, потому что ты смертен. Он желает, чтобы ты добровольно сделал то, что должен будешь сделать и по необходимости; требует только одного того, чтобы для Него делано было то, что случается и прихо-

дит и по естественной необходимости. Видишь ли, как лёгок подвиг? То, что совершенно необходимо тебе претерпеть, говорит Он, претерпи для Меня; присовокупи только это, и Я доволен твоим послушанием! Золото, которое ты намерен давать взаймы другому, отдай Мне, с большей и выгодой, и безопасностью; телом, которым ты хочешь воевать за другого, воюй за Меня: твои труды Я вознагражу с великим избытком. В других случаях ты предпочитаешь того, кто платит более, — и в даянии взаймы, и в торговле, и в военной службе; а Христа, Который один воздаёт более всех и бесконечно более, не принимаешь.

Подражание Христу

...Как нам... сделаться подражателями Христу? — Делая всё для общего блага и не ища своего.

Покой

Ты введён в настоящую жизнь не для того, чтобы бездействовать, лениться, не терпеть никаких бедствий, но чтобы чрез страдания сделаться славным. Не будем же искать покоя или роскошной жизни; желание этого прилично не мужественному человеку, а червю, более животному неразумному, нежели имеющему разум.

Попечения житейские

Для чего работаешь миру? Для чего вливаешь в сосуд разбитый? А этому и подобны труды для настоящей жизни. Для чего сечёшь огонь? Для чего бьёшь воздух? Для чего бежишь напрасно? Не каждое ли искусство имеет цель? Это всякому известно. Покажи мне и ты цель житейского попечения. Но ты не можешь показать: *суета сует — все*

суета (ср.: Екк. 1, 2). Пойдём к гробам: покажи мне отца, покажи мне жену. Где тот, который облакался в золотые одежды, кто сидел на колеснице, кто имел войска, царский пояс, провозвестников; который одних предавал смерти, а других ввергал в темницу; который по своей воле и умерщвлял, и освобождал? Я ничего не вижу, кроме костей, червей и паутины. Всё это земля, всё это вымысел; всё это сон и тень, пустой рассказ и образ или, лучше сказать, менее, нежели образ: образ мы видим по крайней мере на картине, здесь же не видим и картины. О, если бы этим оканчивались бедствия! Но теперь честь, удовольствие, знаменитость — одна тень, одни слова; а то, что от них происходит, — уже не тень и слова, но пребывает и перейдёт с нами туда и всем будет известно: хищения, любостяжание, блудодеяния, прелудодеяния и бесчисленные подобного рода преступления — состоят ли они

в словах или делах — написаны не на картине и не на прахе, но на Небесах.

Пост

Кроме веры и пост много придаёт крепости; он научает великому любомудрию, человека делает Ангелом и укрепляет против сил бестелесных. Впрочем, не сам по себе: нужна ещё молитва и она должна предшествовать.

Кто постится, тот становится лёгким и окрыляется и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилоствует Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого ветра. Таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов,

так как нет сильнее человека, искренно молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился (см.: Лк. 18, 2—7), то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехы.

Честь поста составляет не воздержание от пищи, но удаление от грехов, так что кто ограничивает пост только воздержанием от пищи, тот более всего бесчестит его. Ты постишься? Докажи мне это своими делами. Какими, говоришь, делами? Если увидишь нищего — подай милостыню; если увидишь врага — примиришь; если увидишь своего друга счастливым — не завидуй; если увидишь красивую женщину — пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрение, и слух, и ноги, и руки, и все члены нашего тела. Пусть постятся руки, пребывая чистыми от хищения и любостя-

жания. Пусть постятся ноги, перестав ходить на противозаконные зрелища. Пусть постятся глаза, приучаясь не устремляться на благообразные лица и не засматриваться на чужую красоту. Зрение есть пища очей: если она противозаконна и запрещена, то вредит посту и разрушает спасение души; если же законна и дозволена, то украшает пост. Всего нелепее было бы в отношении яств воздерживаться и от позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ешь мяса? Не вкушай же и глазами нескромности. Пусть постится и слух; а пост слуха в том, чтобы не принимать злословия и клеветы: *Не внимай*, говорит (слово Божие), *пустому слуху* (Исх. 23, 1). Пусть и язык постится от сквернословия и ругательства. Что за польза, когда мы воздерживаемся от птиц и рыб, а братьев угрызаем и снедаем? Злословящий снедает тело братнее, угрызает плоть ближнего. Потому и Павел с угрозою сказал:

Если вы друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом (Гал. 5, 15).

Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мере можешь не роскошествовать, — а и это не маловажно и не далеко от пощения и может укротить неистовство диавола. Подлинно, ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источник и мать всех зол.

Праздник

Будем же бодрствовать вместе с Владыкой и благоговеть вместе с учениками Его. Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас.

Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не все слушаетесь, то не все же и не слушаетесь; а если все не слушаетесь, то мне будет тем большая награда, а вам тем большее осуждение. А чтобы с вами этого не случилось, я не перестану говорить; частым повторением, может быть, и трону вас.

Праздники в честь святых

Если помешавшиеся на зрелищах и глазеющие на конские ристалища никогда не насыщаются этими непристойными зрелищами, то гораздо более нам должно иметь ненасытимое расположение к праздникам святых. Там дьявольское торжество, а здесь христианский праздник; там скачут бесы, а здесь ликут Ангелы; там гибель душ, а здесь спасение всех собирающихся. Однако и там есть некоторое удоволь-

ствие. Но не такое, какое здесь. Что за удовольствие — смотреть на коней, бегающих тщетно и напрасно? А здесь ты видишь не запряжки бессловесных, но бесчисленные колесницы мучеников и Бога, стоящего на этих колесницах и устремляющего путь к небу. А что души святых суть колесница Божия, послушай пророка, который говорит: *Колесниц Божиих тьмы тем, тысяча ликующих** (Пс. 67, 18; по-церковнославянски: *Колесница Божия тьмами тем, тысяща гобзующих*).

Праздность

Когда приходят к тебе в дурную погоду люди с флейтами и свирелями, будят тебя от сна, напрасно и без дела беспокоят, то отходят от тебя с немалыми подарками; равно и те, кото-

* По переводу П. Юнгера.

рые носят ласточек, натираются сажею и всех пересмеивают, получают от тебя награду за свои проказы. А если придёт к тебе бедный и станет просить хлеба, то ты наговоришь ему множество ругательств, будешь злословить, укорять в праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмешками и не подумаешь о себе, что и ты живёшь в праздности, однако же Бог даёт тебе Свои блага. Не говори мне, что ты и сам делаешь что-нибудь, но покажи мне, чем занимаешься ты дельным и нужным. Если скажешь мне, что ты занимаешься торговлею, корчемничеством, стараешься о сбережении и приумножении своего имения, то и я скажу тебе, что это — не дело; настоящие дела — милостыня, молитвы, защищение обиженных и другие добродетели, которыми мы совершенно в жизни пренебрегаем. И, однако же, Бог никогда нам не говорил: так как ты живёшь в праздности,

Я не буду освещать тебя солнцем; так как ты не занимаешься необходимым, и Я погашу луну, заключу недра земли, остановлю озёра, источники, реки, отыму воздух, не дам дождей во время. Напротив, Бог всё это доставляет нам в изобилии, всем этим позволяет пользоваться не только живущим в праздности, но и делающим зло. Итак, если увидишь бедного и скажешь: мне досадно, что этот молодой, здоровый человек ничего не имеет, хочет прокормиться, живя в праздности, а может быть, он ещё беглый слуга, оставивший своего господина, — то всё, мною сказанное, примени к себе или, лучше, ему позволь сказать тебе со всею смелостью. И он может сказать тебе с бóльшим правом: и мне досадно, что ты, будучи здоров, живёшь в праздности и ничего не делаешь из того, что повелел тебе Бог, а как раб, бежавший от повелений своего господина, бродишь, будто по чужой

стороне, проводя жизнь свою в пороках, в пьянстве, в невоздержности, в воровстве, в хищничестве и в разорении чужих домов. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худые дела, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжёшь, похищаешь, когда делаешь тысячу подобных дел.

Впрочем, говорю это не для того, чтобы защитить праздность. Совсем нет, — напротив, очень желаю, чтобы все занимались делами, потому что праздность научила всем порокам; а только увещаваю вас не быть немилосердными и жестокими.

Какой конь бывает полезнее — утучняемый в бездействии или употребляемый на работу? Какой корабль — плавающий, или стоящий без движения? Какая вода — текучая или стоячая? Какое железо — употребляемое в дело или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остаётся

бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает её и истребляет её светлость и всё прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезною и способною на всё. Скажи мне, может ли она посекать страсти, когда острие её притупилось и гнётся, как олово? Может ли наносить раны диаволу?

Презрение земных благ

(Апостол) Пётр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: *Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе* (Деян. 3, 6). Скажи, что сделало Петра блаженным: то ли, что он исцелил хромого? Совсем нет, а то, что он не имел богатства и чрез то достиг неба. Об этом и сам Пётр говорит; вот два его изречения: *серебра и золота нет у меня; и: во имя*

Иисуса Христа Назорея встань и ходи. Итак, что его сделало славным и блаженным — исцеление хромого или презрение богатства? Узнай это из слов Самого Подвигоположника. Что Он говорит богатому (юноше), ищущему вечной жизни? Он не сказал ему: исцеляй хромых, но говорит: *Всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною* (Лк. 18, 22). И Пётр опять, не сказал: се, во имя Твоё изгоняем бесов, хотя и изгонял; но говорит: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?* (Мф. 19, 27). И Христос, опять, отвечая ему, не сказал: если кто исцелит хромого, но говорит: *кто оставит дóмы... или зéмли... получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф. 19, 29). Так и мы поревнуем этому, чтобы нам не постыдиться, но с дерзновением предстать на суд Христов и иметь Его с собою, как был Он с учениками Своими. Будет и с нами Он, как был и с учениками, если

мы хотим следовать им и подражать правилам и образу их жизни. За это-то Бог венчает и прославляет; а не требует того, чтобы ты воскресил мёртвого или исцелил хромого. Не такие чудеса делают подобным Петру, а презрение богатства — в этом и состояло совершенство апостола. Но нельзя, по твоему мнению, презреть богатство? Очень возможно. Впрочем, если не хочешь сам, я не принуждаю и не настаиваю, но умоляю только уделять хотя некоторую часть неимущим и не искать ничего, кроме необходимого. Таким образом мы и здесь будем наслаждаться жизнью спокойною и безмятежною и удостоимся жизни вечной.

Презрение к людям

Не будем же презирать друг друга, чтобы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, чтобы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий

в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу.

Притворство

Нет ничего, столь диавольского, как делать что-нибудь для вида.

Притча о сеятеле

Благоразумно ли, скажешь, сеять в тернии, на каменистом месте, при дороге (см.: Мф. 13, 3—23)? Конечно, в отношении к семенам и земле это было бы неблагоразумно; но в отношении к душам и учению это весьма похвально. Если бы земледелец стал так делать, то справедливо заслуживал бы порицания, потому что камню нельзя сделаться землёй, и дороге не быть дорогой, и тернию не быть тернием; но не то бывает с существами разумными. И камню можно измениться и стать плодородной зем-

лѣй; и дорога может быть не открытой для всякого проходящего и не попирается его ногами, а может сделаться тучной нивой; и терние может быть истреблено, и семена могут расти беспрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христос и не сеял бы. Если же такое изменение происходило не во всех, то причиной этого не Сеятель, но те, которые не хотели измениться. Христос исполнил Своё дело; если же они пренебрегли Его учением, то явивший столь великое человеколюбие не виновен в том. Заметь ещё и то, что не один путь погибели, но различные, и один от другого далеко отстоящие. Те, которые подобны дороге, это — нерадивые, беспечные и ленивые, а камень изображает только слабейших. Не одно и то же, когда учение теряет силу свою без всяких козней и притеснений, и когда оно бывает недействительно при искушениях. Те же, которые подобны тернию, виновнее всех прочих.

Причащение в праздник

Замечаю, что многие просто, как случится, больше по обычаю и заведённому порядку, чем с рассуждением и сознательно, приобщаются Тела Христова. Настало, говорят они, время святой Четыредесятницы или день Богоявления, всем — каков бы кто ни был (по внутреннему расположению) — должно приобщиться Таин. Но время не даёт права приступать (к таинству), потому что не праздник Богоявления и не Четыредесятница делают приступающих достойными, но светлость и чистота души. С этими качествами приступай всегда; без них — никогда. Разве ты не видишь, как чисто вымыты и как ярко блистают (священные) сосуды? Души же наши должны быть ещё чище, святее и светлее. Как же ты, который наверно не захотел бы (при богослужении) употребить неочищен-

ный сосуд, приступаешь (к таинству) с неочищенной душою? Великую вижу здесь несообразность. В другие времена, бывая (в душе) чище, вы, однако, не приобщаетесь; в Пасху же, хотя бы на вас лежало преступление, вы приобщаетесь. О обычай! О предрассудок! Напрасно приносится ежедневная Жертва, напрасно предстоим мы пред алтарём Господним — никто не приобщается! Впрочем, это я говорю не с тем, чтобы вы только приобщились; но с тем, чтобы вы приготовляли себя самих к достойному приобщению.

Проповедь (поучение)

Наставники не всё говорят так, как бы хотели сами, но как требует состояние немощных.

Ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым.

Такова благодать Духа: она не заключает во множестве слов мало мыслей, но в кратких словах излагает много великих мыслей.

Прославление Бога

Небеса славят Бога не тем, что они издают звук, но посредством созерцания побуждают других к славословию; однако же и о них говорится, что они возвещают славу Божию (ср.: *Небеса проповедают славу Божию* (Пс. 18, 2)). Так и проводящие достойную удивления жизнь, хотя безмолвствуют, но славят Бога, когда чрез них другие славят Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждает удивление. Поэтому, когда мы беседуем с язычниками, то ссылаемся не на небо, но на людей, которые прежде были хуже зверей и которых Бог сделал подобными Ангелам, и, указывая на эту перемену, мы заграждаем им уста.

Простота

Душа благословенна всякая простая; также: *иже ходит просто, ходит надеясь* (Притч. 11, 25, 10, 9; по церковнославянскому переводу). Но всё зло оттого, что многие не умеют даже кстати приводить свидетельств Писания. Премудрый (Соломон) в этом месте говорит не о глупом человеке, не о том, который ничего не знает, но о человеке незлобивом, нелукавом, благоразумном. А если бы было иначе, то напрасно было бы сказано: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10, 16).

Не будем думать, что для нас достаточным извинением может служить наше незнание и простота; Христос заповедал нам быть не только простыми, но и мудрыми. Поэтому с простотою позаботимся соединить и благоразумие — как в учении, так и в делах жизни.

Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершен-

нолетни (1 Кор. 14, 20). Дети недоумевают и изумляются при виде малых вещей, а при весьма великих не приходят в такое удивление. Подобным образом и имевшие дар языков, который был последним из всех, думали, что они имеют всё; потому он и говорит: *не будьте дети умом*, то есть не будьте неразумными там, где следует быть разумными, но будьте простыми детьми там, где неправда, где тщеславие, где гордость. Кто младенец на злое, тому должно быть и мудрым; как мудрость со злобой не была бы мудростью, так и простота с неразумием не была бы простотой; в простоте надобно избегать неразумия, и в мудрости — злобы. Как лекарства более надлежащего горькие или сладкие не приносят пользы, так и простота и мудрость сами по себе. Потому и Христос повелевает соединять то и другое. Что же значит — быть младенцами на злое? Даже и не знать, что такое зло.

Прощение

Прощать другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего, и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь — не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя и оклеветал и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиною очищения грехов твоих. Действительно, если

мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу.

Знаю, что оскорблённая душа не легко переносит оскорбления; но если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько себе самим, то легко извергнем из себя яд гнева. И тот, кто не простил должнику своему ста динариев, обидел не собрата своего, но себя самого сделал должником тысячи талантов, которые прежде были прощены ему (см.: Мф. 18, 23—35). Таким образом, когда мы не прощаем другим, то не прощаем самим себе. Будем же не Богу только говорить: не помяни согрешений наших, но и самому себе пусть каждый говорит: да не помянем согрешений собратий наших против нас. Ты сам первый судия твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор того или

другого; таким образом, от тебя зависит — помянет ли или не помянет Бог грехи твои. Потому и Павел заповедует прощать, *если кто на кого имеет жалобу* (Кол. 3, 13), да и не просто прощать, а так, чтобы и следов (гнева) не оставалось. И Христос не только не поставил на вид грехи наши, но и не вспомнил о том, что мы согрешили и не сказал: ты согрешил в том и в том, а простил и уничтожил рукописание, не вменив нам преступлений, как изъяснил это Павел (см.: Кол. 2, 14). Так будем поступать и мы и изгладим всё из нашей памяти; разве что-либо доброе сделано оскорбившим нас — это одно и будем помнить. А если он сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти, так чтобы не осталось и следов. Если же от него не было нам ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем. Иные изглаждают грехи свои бдениями, лежанием на земле и бесчи-

сленными подвигами; а ты можешь уничтожить все согрешения свои гораздо более легким способом — непамятованием зла. Для чего же ты поднимаешь меч на самого себя, подобно беснующимся и сумасшедшим, и лишаешь сам себя будущей жизни, тогда как надобно всеми способами достигать её? Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошних благ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны те, которые сподобились этого блаженного жребия; напротив, несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны те, которые сами себя лишают блаженства.

Псалтирь

Кто поёт псалмы (теперь псалмы, в основном, читают, а не поют. — *Ред.*),

тот, хотя бы был крайне развратным, стыдясь псалма, обуздывает силу сладострастия и, хотя обременён был бесчисленными пороками и одержим унынием, — услаждаясь удовольствием, облегчает свои мысли, окрыляет ум и возвышает душу.

Если ты впал в искушение, то почерпнёшь в псалмах обильное утешение; если согрешишь, найдёшь здесь тысячи готовых лекарств; впадёшь ли в бедность или в какое несчастье — (псалмы) укажут тебе многие пристани.

Всегда псалмопение является торжеством для радующихся, утешением для унывающих... Оно укрощает страсти, как диких зверей: обуздывает невозддержание, погашает несправедливость, поддерживает правду, низлагает хульные помыслы, убивает постыдные мысли, возвещает Божественный закон, проповедует Бога, разъясняет веру, заграждает уста еретиков, созидает Церковь.

Р

Работы простые в монастырях

И самые их упражнения приводят их к смирению и не дают им надмеваться. В самом деле, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц или другою какою-либо подобною работою, будет высоко думать о себе?

Рабство

Доколе будете рабами денег? Доколе не возлюбите свободы и не расторгнете уз сребролюбия? Когда вы находитесь в рабстве, тогда решаетесь на всё, лишь только бы кто-нибудь обещал вам свободу. А будучи пленниками сребро-

любия, вы и не думаете освободиться от этого горького рабства. То рабство ещё не так тяжело; а это самое несносное иго. Подумайте, сколь великую цену положил за нас Христос! Он пролил собственную кровь Свою, самого Себя предал. А вы и после всего этого ниспали, и, что всего ужаснее, вы ещё и утешаетесь своим рабством, услаждаетесь своим бесславием, и желаете того, чего должно избегать.

Равноправие женщин

Они (израильтяне) не пользовались надлежащим образом дарованными им преимуществами; потому Бог и исправил их противным тому, как Он всегда делает. Так, Адама, не употребившего на пользу пребывания в раю, Он исправил изгнанием из рая; и жену, сделавшуюся худшею от равной с мужем чести (которая Еве была дана при сотворении. — *Ред.*),

Он сделал лучшею посредством порабощения и подчинения.

Радость

Мы, если что несём ради Христа, должны нести не только мужественно, но и с радостью. Постимся ли мы — будем веселы, как пиршествующие. Терпим ли поношение — будем ликовать, как осыпаемые похвалами. Истрачиваем ли мы имение — постараемся быть в таком расположении духа, как будто приращаем его. Отдаём ли что бедным — будем думать, что мы приобретаем, потому что кто не с таким расположением даёт, тот нелегко и даёт. Итак, когда ты хочешь раздавать от своего имущества, то не о том только думай, что ты расточаешь, но и о том, что гораздо более приобретаешь; и о последнем даже прежде (думай), чем о первом. И не только при раздаче милостыни,

но и во всякой добродетели помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград; а прежде всего имей в виду Господа нашего Иисуса, для Которого предпринимаешь те или другие подвиги, — и ты легко выйдешь на подвиги и в радости проведёшь всё время жизни. Подлинно, ничто не приносит такого удовольствия, как добрая совесть. Вот почему Павел, и каждодневно уязвляемый скорбями, радовался и веселился, а ныне живущие, и во сне не претерпевая ничего подобного, скорбят и унывают, — не от чего иного, как только от того, что не имеют любомудрой души. Иначе, скажи мне, о чём ты плачешь? О том ли, что ты беден и терпишь недостаток в необходимых вещах? Но в таком случае больше о тебе нужно плакать — не потому, что ты беден, а потому, что ты так малодушен; не потому, что у тебя нет денег, а потому, что ты так дорого ценишь их.

Разговоры в храме

Тогда (во времена апостолов. — *Ред.*) дома были церквами, а ныне и церковь стала домом, или даже хуже всякого дома. В доме можно видеть великое благочиние... а здесь великий шум, великий беспорядок; собрание наше ничем не отличается от гостиницы; здесь такой же смех, такой же шум, как в банях, как на торжищах, где все кричат и производят смятение. И это бывает только здесь; а в других местах не позволяется сказать в церкви даже слова близ стоящему, хотя бы кто встретил давно не виденного друга, но делается это вне, и весьма справедливо. Церковь не цирюльня, не лавка с благоговениями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место Ангелов, место Архангелов, Царство Божие, само небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввёл тебя в него, то ты

не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чём другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Когда смехотворствует какой-нибудь шут и бесчинствует блудница, весь театр сидит, соблюдая для речей их совершенное безмолвие, и это когда никто не заставляет молчать, не бывает ни разговора, ни крика, ни малейшего шума; а когда Бог с небес вещает о страшных тайнах, тогда мы бываем бесстыднее псов, не оказывая Богу даже такого внимания, какое оказываем распутным женщинам.

Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь, делая это. Позвольте мне сказать тем, которые здесь шумят и разговаривают: разве вы не имеете домов для пустословия? Или нерадите о церкви Божией и развращаете желающих сохранять целомудрие и спокойствие? Но,

скажете, нам весело и приятно разговаривать со знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будет дома, на торжище, в банях; церковь же есть место не разговоров, а учения. Между тем ныне она нисколько не отличается от торжища и, может быть, если не оскорбительно сказать, даже от театра: так нецеломудренно и подобно тамошним блудницам украшаются собирающиеся здесь жены! Потому они и сюда привлекают многих невоздержных. Кто искушает или хочет соблазнить женщину, тот, кажется, не считает для себя никакого места удобнее церкви. Если нужно что-нибудь купить или продать, то церковь считается для этого удобнее рынка; здесь об этом бывает больше разговоров, нежели в самих лавках. Кто хочет злословить или слушать злословие, тот найдет и этого здесь более, нежели вне, на торжище. Хочешь ли слышать о делах гражданских, или о домашних,

или о военных — не ходи в судилище, не сиди в лечебнице, есть и здесь, есть люди, которые подробнее всех расскажут обо всём этом; здесь — место скорее всего другого, только не церковь. Быть может, я слишком резко коснулся вас? Не думаю; если вы не перестаёте делать одно и то же, то как мне знать, что слова мои коснулись вас? Потому необходимо опять коснуться того же. Итак, можно ли стерпеть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы уходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто из вас не уходит с какой-нибудь пользой, а даже скорее с вредом. Подлинно, вы собираетесь и себе на осуждение, не имея никакого оправдания в грехе своём, и более благоговейных изгоняете, отовсюду беспокоя их своим пустословием. Но что говорят многие? Не слышу, говорят, что читается, не понимаю, что говорится. Потому что ты разговарива-

ешь, потому что шумишь, потому что не приходишь с душой, исполненной благоговения. Не понимаю, говоришь ты, что читается? Но потому самому и следует быть внимательным. Если неясное не пробуждает души твоей, то тем более ты не обратил бы внимания, если бы читаемое было ясно. Для того и не всё ясно, чтобы ты не предавался беспечности, и не всё неясно, чтобы ты не приходил в отчаяние. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы тебе понять; или, лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понимал всего, потому что многое само по себе понятно и ясно; или, лучше, хотя бы ты не понимал всего, и в таком случае следует молчать, чтобы не изгнать слушающих внимательно и чтобы Бог, видя твоё молчание и благоговение, сделал неясное для тебя ясным. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вон, чтобы не причинять вреда другим.

Разум

Для того даны крылья птицам, чтобы избегать сетей; для того дан разум людям, чтобы они избегали грехов.

Родство

Мой ближний — не столько тот, кто близок ко мне по родству, сколько тот, кто признаёт со мною того же Отца и имеет общение в той же Трапезе; эта связь крепче родства.

Ропот

Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом, так как при этом и самое дело теряет цену. Тяжёл, несносен ропот; он близок к хуле. Ропот — это неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть и хульник.

С

Святые

Будем подражать святым, которые ни скорбями не были побеждаемы, ни от покоя не расслабевали, что бывает теперь со многими из нас, как с лёгкими ладьями, которые от всякого напора волн заливаются водою и тонут.

Верх святости и совершенства состоит не в совершении чудес, но в чистоте любви.

Святые не всё знали

Сегодня предстоит нам вопрос, задаваемый многими и выводимый из многих мест (Писания). Какой же это вопрос? *Посему, говорит, и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил*

вас искуситель и не сделался тщетным труд наш (1 Фес. 3, 5). Что ты говоришь? Ужели тот, кто так много знал, кто слышал неизреченные глаголы, кто восходил до третьего неба, не знал, даже находясь в Афинах, когда и небольшое было расстояние и недавно с ними разлучился? Следовательно, и он не знал, что происходило с фессалоникийцами, и был вынужден послать Тимофея, чтобы узнать о вере их. Что ж, если и святые не всё знали? Что действительно они не всё знали, в этом каждый может удостовериться из многих примеров, как древних, так и позднейших. И это бывает по особенному попечению Божию. Для чего и каким образом? И для самих святых и для верующих в них. Подобно тому как Бог попускает, чтобы были гонения, так и не даёт им (святым) знать о многом, чтобы они смирялись. Потому-то и Павел говорил: дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился (2 Кор. 12, 7). Опять же

для того, чтоб и другие не слишком много о них воображали. В самом деле, если их считали богами из-за чудес, то тем более (так думали бы об них), если бы они всегда всё знали. И об этом сам же (Павел) опять говорит: *чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня* (2 Кор. 12, 6).

Священники

Чтобы исправить слушателей, Спаситель особенно повелевает им соблюдать то, что наиболее споспешествует спасению, именно: не презирать учителей и не восставать против священников; и не только повелевает другим, но и Сам исполняет это. Он и у развращённых учителей не отнимает должного уважения, подвергая их чрез это тем большему осуждению, а у слушающих Его учение отнимая всякий предлог к непослушанию; чтобы кто не сказал: я потому стал ленив,

что учитель мой худ, Он и отнимает самый повод. Итак, несмотря на развращение книжников, Спаситель так твёрдо ограждает права их власти, что и после сильного обличения сказал народу: *все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте* (Мф. 23, 3), потому что они предлагают не свои заповеди, но Божии. Под словом *все* понимает Он предписания, служащие к исправлению нравов, улучшению образа жизни, согласные с правилами Нового Завета.

Употребим все меры к тому, чтобы иметь в себе Духа, и будем со всею почтительностью обращаться с теми, кому вверена власть действовать благодатными дарами. Подлинно, велико достоинство священников! *Кому, сказано, простите грехи, тому простятся* (Ин. 20, 23). Потому-то и Павел говорит: *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны* (Евр. 13, 17), и: *почитайте их преимущественно с любовью* (1 Фес. 5, 13). В самом

деле, ты заботишься только о своих делах, и, если их устроишь хорошо, не будешь отвечать за других людей. А священник, хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдёт в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполнит надлежащим образом всего, что до него касается. Итак, зная, какая великая угрожает опасность священникам, оказывайте им великую любовь. На это указал и Павел, когда сказал: *они неусыпно пекутся о душах ваших*, и не просто, но *как обязанные дать отчет* (Евр. 13, 17). Потому им надобно оказывать великое уважение. Если же и вы вместе с другими станете оскорблять их, то и ваши дела не будут благоуспешны. Доколе кормчий благодушествует, до тех пор и плывущие на корабле безопасны; а коль скоро он от оскорблений и вра-

ждебных действий со стороны спутников находится в горе, то уже не может ни быть бдительным по-прежнему, ни действовать с обычным своим искусством и невольно подвергает их бесчисленным бедствиям. Так и священники, если будут пользоваться у вас надлежащею честью, в состоянии будут устроить и ваши дела, как следует; а если вы будете опечаливать их, то ослабите их руки и сделаете то, что они вместе с вами легко будут увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны.

Священников осуждение

Не видите ли, как все подчиняются властям мирским? Хотя подчинённые часто превосходят начальствующих и знатностью рода, и жизнью, и мудростью, однако ж из уважения к тому, кто их поставил, они не думают ни о чём этом, но чтут определение царя, каков бы ни был тот, кто полу-

чил над ними начальство. Таков-то у нас страх, когда поставляет начальника человек! Но когда рукополагает Бог, мы и презираем рукоположенного, и оскорбляем его, и преследуем бесчисленными поношениями, и, тогда как нам запрещено судить и своих братьев, изошряем язык на священников. И какое найдём мы себе оправдание, когда в своём глазе не видим бревна, а у другого со злобным старанием замечаем и сучок? Ужели не знаешь, что, когда судишь таким образом других, przygotowляешь и себе самому тягчайшее осуждение? Говорю это не потому, чтобы я одобрял недостойно проходящих служение священства, — нет, я крайне жалею о них и плачу; тем не менее, однако ж, утверждаю, что и в этом случае подчинённые, и особенно люди самые простые, не имеют права судить их. Пусть жизнь священника будет самая порочная; но, если ты внимателен к самому себе, то не потерпишь никакого вреда в том,

что ему вверено от Бога. Если Господь заставил говорить ослицу и через волхва даровал духовные благословения; если, таким образом, и через бессловесные уста ослицы, и через нечистый язык Валаама Он действовал для неблагодарных иудеев, то тем более для вас, если вы будете признательны, Он сделает со своей стороны всё, что нужно, и ниспошлёт Духа Святого, — хотя бы и крайне порочны были священники. Ведь и чистый (священник) не своею собственною чистотою привлекает Духа Святого; но всё совершает благодать. Всё, что вверено священнику, есть единственно Божий дар; и, сколько бы не преуспевало человеческое любоумудрие, оно всегда будет ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы беспечно располагали своей жизнью, но для того, чтобы вы, подчинённые, видя нерадение кого-либо из предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самих себя зла. Но что я говорю о священ-

С

никах? Ни Ангел, ни Архангел не может оказать никакого действия на то, что даруется от Бога: здесь всё устроит Отец и Сын и Святой Дух, а священник только ссужает свой язык и простирает свою руку. Да и несправедливо было бы, если бы по причине порочности другого лица терпели вред те, которые с верою приступают к символам нашего спасения. Итак, зная всё это, будем и Бога бояться, и уважать Его священников, оказывая им всякую честь, чтобы и за свои добрые дела, и за уважение к ним получить от Бога великую награду.

«Сглаз»

А что сказать о других смешных (суевериях) — о золе, саже, соли? Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погибло дитя. Доколь же будут продолжаться эти сатанинские (дела)? Как не смеяться эллинам? Как не издеваться, когда

мы говорим им: велика сила крестная? Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для этого Бог дал врачей и лекарства. Но что же, если они не помогают, а дитя отходит? Куда отходит, скажи мне, бедный ты и несчастный? К демонам что ли отходит? К тирану какому-нибудь отходит? Не на небо ли отходит? Не к Владыке ли своему? О чём же ты скорбишь? О чём плачешь? О чём сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Владыки своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем Даровавшего?

Сердце

Можно быть злым, не делая никакого зла, как то: иметь ненависть, неверие, быть коварным, радоваться несчастьям, быть недружелюбным, держаться превратного учения, — всё это дело сердца.

Скорби

Мы смотрим только на постигающие нас несчастья, а об оскорблениях, которыми ежедневно оскорбляем Бога, не помышляем. Потому и скорбим.

Скажи мне, ты скорбишь, что живёшь в бедности, и смущаешься от этого? Не смущайся; достойно скорби то, если там тебе придется мучиться; а настоящая скорбь может быть причиною блаженства. Будущая скорбь есть наказание, а настоящая — вразумление и исправление.

Скорбь и радость

Беззаботная жизнь, возлюбленный, всегда есть зло! Потому и в начале (Бог) говорил Адаму: *В поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19). Итак, чтобы они (люди), вместо великих страданий пользуясь беззаботною жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпе-

вать скорби: скорбь есть великое благо. А что скорбь — благо, послушай Давида, который говорит: *Благо мне, что Ты смирил меня* (Пс. 118, 71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас. Если хотите, рассмотрим эту скорбь и саму по себе. Представим, что кто-нибудь чрезмерно радуется, веселится и заливается (смехом): что безобразнее, что безумнее этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбит: что любомудрее этого? Поэтому и Премудрый внушает: *Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья* (Еккл. 7, 3—4). Душа веселящегося не остаётся на своём месте, но, как бы каким ветром, увлекается удовольствием, становится легкомысленной и не имеет ничего твёрдого. Она бывает легка на вымыслы, скоро на обещания, и великая в ней буря помыслов. Отсюда — неуместный смех, безотчётная весёлость,

излишний поток речей и большое пусто-
словие...

Как же, скажут, Павел говорит: *радуй-
тесь всегда?* Он не просто сказал: *радуй-
тесь*, но прибавил: *в Господе* (Флп. 4, 4).
Это — самая высокая радость; ею радо-
вались и апостолы; это — радость, при-
носящая пользу; она имеет своё начало,
корень и основание в узах, в бичева-
ниях, в гонениях, в худой молве и вообще
в предметах скорбных, но конец её вожде-
ленный. Радость же мирская, напротив,
начинается удовольствием, а оканчива-
ется скорбью. Я не возбраняю радоваться
о Господе, но даже особенно убеждаю
к тому. Апостолы были бичуемы — и радо-
вались; были связываемы — и благода-
рили; были побиваемы камнями — и про-
поведовали. Такой радости желаю и я; она
берёт своё начало не от чего-нибудь чувст-
венного, а от предметов духовных. Невоз-
можно, чтобы радующийся по мирскому
радовался вместе и о Боге; всякий раду-

ющийся по мирскому радуется богатству, роскоши, славе, могуществу, почестям; а радующийся о Боге радуется бесчестию ради Него, бедности, нестяжательности, пощению, смиренномудрию. Видишь ли, как противоположны их предметы? Несомненно, эти (предметы) доставляют истинную радость; а те носят только одно имя радости, в сущности же составляют скорбь.

Смирение

Будем упражняться в смиренномудрии. Нет ничего могущественнее его, оно твёрже камня, крепче адаманта, ставит нас в большую безопасность, чем крепости, города и стены, будучи выше всех ухищрений диавола, тогда как высокомерие делает нас доступными всяким случайным нападениям. Потому, чтобы нам утвердиться на твёрдом камне, отложив высокомерие, возлюбим смиренному-

дрие. Тогда и в настоящей жизни найдём спокойствие, и в будущем веке насладимся всеми благами.

Сластолюбие

Я уже не предписываю поста — этого никто не стал бы слушать, — но запрещаю невоздержание, возбраняю сластолюбие, для вашей же пользы. Сластолюбие, подобно бурному потоку, истребляет всё: его не удерживает никакое препятствие; оно отлучает от Царствия. Что ещё? Ты желаешь наслаждений? Подай бедным, призови Христа (в лице их), и будешь наслаждаться даже по окончании трапезы. Теперь ты не можешь этого по тому самому, что настоящие блага непостоянны; а тогда сможешь. Ты желаешь наслаждений? Питай свою душу, предложи ей пищу, какая ей свойственна, не томи её голодом. Теперь время борьбы, время подвигов: а ты сидишь и пресы-

щаешься? *Наша брань не против крови и плоти* (Еф. 6, 12), а ты утучняешь себя, готовясь на брань? Супостат стоит, скрежеща своими зубами (см.: 1 Пет. 5, 8), а ты предаёшься неге и занимаешься трапезою?

Служение Богу

Как служащий и священнодействующий в Божием доме, каков бы ни был в другое время, при служении сосредотачивается в себе и делается более благоговейным, так и мы целую жизнь должны быть в таком расположении духа, как совершающие служение Богу и священнодействующие. А это будет, если ты каждый день станешь приносить Богу жертвы, сделаешься священником своего тела и добродетели, возникающей в душе, например, когда принесёшь целомудрие, милостыню, кротость и незлобие.

Слух душевный

Когда читают писание Павла, и ты не внимаешь; когда проповедуется учение Иоанна, и ты не слушаешь, — то как можешь принять к себе бедного, не принимая апостола? Итак, чтобы наши двери непрестанно отверсты были для бедных и слух — для учения апостолов, очистим слух души от нечистоты. Как нечистота и грязь заграждают слух телесный, так любострастные песни, рассказы о делах житейских, о долгах, о ростах и процентах более всякой нечистоты заграждают слух душевный, и не только заграждают, но ещё делают его нечистым.

Слушание Писаний и духовных поучений

Но что же, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое приобретение и это — признать себя достойным

сожаления. Не бесполезен и этот страх; не бесплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о том, что, слушая, не исполняешь, то непременно придёшь когда-нибудь и к исполнению. Кто беседует с Богом и слушает беседу Божию, тому невозможно не получить никакой пользы.

Сострадание

Будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи — плачь, скорби, сетуй о случившемся, и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей... Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да, этого желает Наказываю-

щий; Он и Сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и Сам Наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то, конечно, не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Скажи мне: когда ты видишь, как сыну твоему (врачи) делают прижигание или отсечение, неужели ты не скорбишь? Конечно, скорбишь и не говоришь сам себе: что это? — отсечение послужит к излечению, прижигание к выздоровлению; но, услышав его рыдания от нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровление не может преодолеть естественного сострадания. Так и здесь, хотя бы наказывались для исправления, мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь. Наказания Божии — это как бы отсечения и прижигания; но потому мы и должны плакать, что они заболели, что имеют нужду

в таком врачевании. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как, например, Павел или Пётр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Мы часто видим наказываемых убийц и других преступников и сожалеем и скорбим. Не будем рассудительны чрезмеру; но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными.

Бог повелел давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать им в нищете, но и для того, чтобы научить нас состраданию к бедствиям ближнего.

Сострадание в будущей жизни

Тогда отнимется у нас всякое сострадание, свойственное теперь природе нашей. Так как благочестивые родители порой имеют нечестивых детей и благочестивые дети нечестивых родителей, то, чтобы радость праведников всегда была чистая и чтобы наслаждающиеся бла-

гами не возмущались состраданием, для этого, повторяю, и самое сострадание отнимется, и они вместе с Владыкой воспылают гневом даже против единокровных своих. В самом деле, если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются от детей своих и исключают их из своего родства, когда видят их живущими распутно, тем более так поступят тогда праведники. Пусть поэтому никто не надеется иметь утешение в той жизни, если не сделал ничего доброго в здешней, хотя бы и имел бесчисленное множество праведных предков: *каждый получит соответственно тому, что он делал, живя в теле* (ср.: 2 Кор. 5, 10).

Спасение

Если мы сами о себе нерадим, то чрез других не спасёмся. Если же будем неусыпны, то и сами собою достигнем спасения; даже сами собою спасёмся вер-

нее, нежели чрез других. Подлинно, Богу приятнее давать благодать непосредственно нам, а не другим для нас, чтобы, стараясь сами отвратить гнев Его, делались мы дерзновеннее и добродетельнее. Так Он помиловал хананеянку, так спас блудницу, так спас разбойника, хотя не было никакого за них предстателя и ходатая.

Впрочем, говорю это не для того, чтобы не призывать святых в молитвах, но для того, чтобы мы не ленились и, предавшись беспечности и сну, не возлагали только на других того, что должны делать сами.

Как борец, хотя возбуждает удивление и тогда, когда только показывается зрителям и даёт видеть свою телесную крепость и искусство, которым он владеет, но несравненно более покрывается славою тогда, когда борется со врагом, выдерживает удары его и ему самому наносит удары, потому что тогда осо-

бенно обнаруживается его сила и выказывается на деле высота его искусства, — так и спасение ваше тогда особенно действует, то есть делается явным, возрастает и возвышается, когда бывает соединено с терпением, страданиями и мужественным перенесением всех зол. Таким образом, действительная сила спасения состоит не в том, чтобы не делать зла, но в том, чтобы (самим мужественно) терпеть зло.

Сребролюбец

Я желал бы жить со множеством беснующихся, нежели с одним из страждущих такой болезнью (сребролюбием). Сребролюбцы считают врагом своим человека, не причинившего им никакого вреда, желают сделать рабом свободного и ввергают его в бесчисленные бедствия; напротив, беснующиеся ничего другого не делают, как только

в самих себе питают болезнь. Первые ниспровергают множество домов, заставляют хулить имя Божие, являются заразой городов и всей вселенной; а мучимые бесами более достойны сожаления и слёз... Представим себе человека, извергающего из очей своих огонь, чёрного, вместо рук имеющего на обоих плечах своих висящих драконов; представим у него такие уста, в которых вместо зубов вонзены острые мечи, а вместо языка находится источник, изливающий яд и испускающий смертоносное питьё; представим, что чрево его пожирает более всякой печи, истребляет всё ввергаемое, а ноги как бы крылатые и быстрее всякого пламени. Пусть лицо его будет составлено из собачьего и волчьего; пусть он не будет произносить ничего человеческого, но будет издавать из себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и в руках у него будет пламень. Может быть, вам

С

представляется страшным сказанное мной; но я ещё не изобразил его надлежащим образом. К сказанному надобно присовокупить и ещё нечто: пусть он поражает встречающихся с ним, пожирает и терзает плоть их. Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища. Он нападает на всех, всё поглощает подобно аду, всюду ходит, как общий враг рода человеческого. Ему хочется, чтобы не было ни одного человека, чтобы ему одному обладать всем. Мало того, он и на этом не останавливается. Но когда всех истребит по своему желанию, тогда желает истребить самое существо земли и увидеть на месте её золото; и не землю только, но и горы, и леса, и источники — словом, всё видимое.

Сребролюбие

Отчего эта пагубная страсть сделалась нам любезною? От того, говоришь

ты, что она доставляет славу и безопасность. Но, скажи мне, какую безопасность? Конечно, ту, что мы надеемся при деньгах не терпеть ни голода, ни стужи, ни вреда, ни презрения. Итак, если я обещаю тебе такую безопасность, перестанешь ли ты желать богатства? Если богатство только потому тебе любезно, то, когда и без него можно быть безопасным, какая ещё тебе в нём нужда? Но как возможно, говоришь ты, без богатства достигнуть этого? Напротив, как это возможно для богатого? В самом деле, он должен по необходимости многим льстить, как начальникам, так и подчиненным, иметь нужду во многом, до низости раболепствовать, бояться, трепетать, предполагать завистников, страшиться клеветников и алчности других корыстолюбцев. А в бедности не бывает подобного, но совершенно тому противное. Это убежище безмятежное и безопасное, тихая пристань, учи-

лице любомудрия, образ жизни ангельской. Услышьте это вы, бедные, а ещё более вы, желающие быть богатыми! Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным.

Страсти

Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, ещё здесь, прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из страстей жестока, мучительна, ненасытна и, каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их — зубы львиные, и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к диаволу.

Страсти заграждают вход слову

Страсти и злые пожелания обыкновенно заграждают вход слову. Так, усилившаяся привязанность к богатству не позволяет слушать слово о милостыне; появившаяся зависть преграждает путь учению о любви; да и всякая другая страсть, вторгшись в душу, делает её крайне нерадивою ко всему.

Страсти рождаются не от тела

Все праведники, хотя жили на земле и имели тело, однако ж совершили великие дела. На земле они жили, как пришельцы и странники, а на небе — как граждане. Не говори же и ты: я облечен плотью, не могу одолеть (её), не могу взять на себя трудов добродетели. Не обвиняй Создателя. Ведь если оттого, что мы носим плоть, добродетель становится для нас невозможной, то мы

уже не виновны. Но что она не делается оттого невозможною, это доказывает лик святых. Так, плотское естество не воспрепятствовало ни Павлу быть таким, каким он был, ни Петру получить ключи неба. И Енох, будучи во плоти, *переселен был... и не стало его, потому что Бог переселил его* (Евр. 11, 5). Равно и Илия восхищен был с плотью, и Авраам с Исааком и Иаковом просияли, будучи облечены плотью; с плотью же и Иосиф устоял против той распутной жены. И что я говорю о плоти? Хотя бы ты возложил на плоть и оковы — и тогда не было бы никакого вреда. Хотя я и в узах, говорит Павел, *но для слова Божия нет уз* (2 Тим. 2, 9). И что я говорю о узах и оковах? Присоедини ещё темницу и заключение, и всё это не будет препятствием для добродетели. Так именно учил Павел. Оковы для души — не железо, а рабский страх, любостяжание и бесчисленные страсти. Вот что связывает, хотя бы тело и было

свободно. Но от тела, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извинение и ничтожная отговорка. Если бы действительно от тела рождались эти страсти, то им были бы подвержены все. Как никому нельзя избежать усталости, сна, голода и жажды, потому что всё это естественно, так никто не избежал бы и подчинения страстям, если бы они были таковы. Если же многие избегают их, то ясно, что такого рода недостатки рождаются от беспечности души. Итак, отсечём беспечность и не будем обвинять тело, а подчиним его душе, чтобы, имея его в послушании, достигнуть вечных благ.

Строгость к нищим

Если кто-нибудь подойдет с просьбой о самой малой монете, то мы укоряем его, поносим, называем обманщиком. И ты не содрогаешься, человек, ты

не стыдишься того, что за кусок хлеба называешь обманщиком? Если он и притворяется, то по одному тому заслуживает сожаления, что до такой степени мучится голодом, что вынужден принимать на себя такую личину. И это — доказательство нашей жестокости. Так как мы нелегко подаём добровольно, то бедные поневоле должны выдумывать бесчисленные хитрости, чтобы обмануть наше бесчеловечие и смягчить жестокость. Иное дело, если бы он просил у тебя серебряной или золотой монеты, тогда ты имел бы основание подозревать; если же он подходит к тебе за необходимым пропитанием, то зачем тебе без нужды любопытствовать и с излишней точностью исследовать, обвиняя его в бездействии и лени? Если нужно говорить об этом, то не других, а нас самих следует укорять. Потому, когда приходишь к Богу просить помилования во грехах, вспомни об

ЭТИХ словах, и ты поймёшь, что справедливее тебе самому слышать их от Бога, нежели нищему от тебя. И, однако, Бог никогда не говорил тебе таких слов, не сказал: иди прочь, ты ведь лицемер, хотя ты постоянно ходишь в церковь и слушаешь Мои законы, но на площади и золото, и своё желание, и дружбу — словом, всё предпочитаешь заповедям Моим; теперь представляешься смиренным, а после молитвы бываешь дерзок, жесток и бесчеловечен; итак, уходи отсюда и никогда ко Мне не приходи. Это и даже большее мы достойны бываем слышать, однако же Бог никогда не укорил нас ничем подобным, но и долготерпит, всё выполняет со Своей стороны и даёт нам больше того, что просим. Размыслив об этом, избавим от нищеты просящих и, хотя бы они притворялись, не станем расследовать этого. Ведь мы и сами имеем нужду в спасении, притом со снисхождением, с человеколюбием

и многою милостью. Если по нашему входить в строгое расследование, то невозможно когда-либо и спастись, но все должны подвергнуться наказанию и погибнуть. Потому не будем говорить против себя, но, подойдет ли кто-нибудь по беззаботности или по лености, станем подавать. Ведь и мы сами часто, а вернее сказать, всегда грешим по нерадению, и, однако, Бог не тотчас требует от нас отчёта, но даёт нам срок для покаяния; каждый день питает нас, вразумляет, учит и снабжает всем прочим, чтобы и мы подражали Ему в такой милосердии. Отложим и мы жестокость, свергнем с себя зверство, так как этим мы благодетельствуем больше себе самим, чем другим. Другим даём деньги, хлеб, одежду, а себе самим уготовляем величайшую славу, которую и невозможно изобразить словом, потому что, облекшись в нетленные тела, мы прославимся и воцаримся со Христом.

Строгость учащихся

Снисходительность и кротость не везде полезны; бывают случаи, когда учителю нужна и строгость. Так, когда ученик ленив и упрям, нужно употребить против него и наказание, чтобы возбудить его от лени.

Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их (Мф. 23, 4). Этими словами Он обнаруживает двойное зло в их (книжников и фарисеев. — Ред.) действиях: именно то, что они от подчинённых без всякого снисхождения требуют полной и совершенной исправности в жизни, а сами себе предоставляют полную свободу действия, между тем как доброму начальнику надлежало бы поступать иначе, то есть к самому себе быть судьёю строгим и взыскательным, а к подчинённым — кротким и снисходительным. Фарисеи же поступали наоборот.

Таковы и все Любомудрствующие на словах. Они без милости строги и взыскательны, потому что не испытали, как трудно учить делами.

Суд Божий и мнение людей

Я говорю не о давно бывших обстоятельствах, но о происходящем с нами в настоящее время; мы нисколько не заботимся о вещах человеческих и о внешней славе, но обращаем наши взоры только к Богу, потому что не Ангелы только взирают на нас, но ещё прежде них Сам Заповедавший нам подвиги. Потому мы не имеем нужды в посторонних похвалах. Не довольствоваться Его вниманием, а обращаться за похвалами к подобным нам рабам — это значит оскорблять Его. Оттого и низверглось всё, оттого и произошло смятение во всей вселенной, что мы всё делаем, взирая на людей; в делах добрых считаем ни за что благоволение

Божие, но ищем одобрения от подобных нам рабов и в делах злых также не смотрим на Него, но боимся людей. Между тем люди вместе с нами предстанут на Суд и нисколько не помогут нам; а Бог, на Которого мы теперь не обращаем внимания, произнесёт Свой приговор над нами.

Т

Таинства

Случается, что начальники бывают злы и невоздержны, а подчинённые добры и воздержны, миряне живут благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойных, то не было бы ни Крещения, ни совершения Тела Христова, ни приношений. Но

теперь Бог действует и чрез недостойных, и благодать Крещения нисколько не терпит вреда от жизни священника; иначе и приемлющий терпел бы вред. Хотя это бывает редко, однако бывает. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь из предстоящих, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемых им таинств. Человек ничего не привносит в них от себя, но всё — дело силы Божией; Бог действует на вас в таинствах.

Таинство Причащения

Веруйте, что и ныне совершается та же Вечеря, на которой Сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и другую совершал и совершает Сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе Дары, представляй, что не священник делает это, но Христос

простирает к тебе руку. Как при Крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимой силой держит голову твою, и ни Ангел, ни Архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, так и в Причащении.

Итак, послушаем, иереи и миряне, чего мы удостоились, послушаем и ужаснёмся! Христос дал нам в пищу Святую Плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Съедая Овцу, бываем хищны, как львы! Таинство это требует, чтобы мы были совершенно чисты, не только от хищения, но и от малой вражды. Это таинство есть таинство мира. Для иудеев учредил Бог праздники, чтобы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях; а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них через это таинство. Итак, не стыдись Креста. В нём заключены наша слава,

наши таинства; этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Если я скажу, что Бог простёр небо и землю, расширил море, послал пророков и Ангелов, я не выражу в такой мере Его благодетельности. Верх благодетельности Его состоит в том, что Он не пощадил Сына Своего для спасения отошедших от Него рабов.

Терпение

Когда мы терпим оскорбление от людей — этим уменьшаем не малую часть нашего долга (греховного), если только переносим великодушно. Бог вменяет нам терпение скорбей в уплату долга не потому, чтобы так и надлежало, но по Своему милосердию. Когда (Господь) не отмщает за причиняемые нам обиды, тогда-то мы особенно и получаем пользу, потому что Он вменяет нам это в заслугу, если переносим с благодарностью. Терпение обид имеет такую силу,

что часто оно одно умилоствляло Бога. Хотя бы терпящий неправду и недостойн был помощи (Божией), но если он чрезмерно страдает, то это одно преклоняет Бога к прощению его и к наказанию обидевшего.

Толпа

Если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то, когда таких много, они заслуживают ещё большего презрения. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится ещё большею, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь, конечно, можно бы исправить, если бы кто взял на себя это дело, но не легко было бы исправить всех их вместе, — оттого что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае следуя один за другим во мнениях.

Труд

Спеши скорее вступить на путь, ведущий на небеса, чтобы не заключены были для тебя двери и не заграждён вход. Коротко настоящее время, и труд не велик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, всё-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь, и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные, и награду великую?

Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских непрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата

денег, а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но приносят великие плоды; всё же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь наслаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах; а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды поднимаются в слабом и смертном теле, а награда воздаётся в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует

и непродолжителен; а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного.

Убогий

Если хочешь вывести на позор (зрелище. — *Ред.*) душу сребролюбца, то найдёшь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей, и на которой не осталось целого места, вся так же источена заботами, сгнила и проржавела от грехов. Не такова душа убогого, убогого произвольно. Она сияет, как золото, блестит, как жемчужина, цветёт, как роза. К ней не прикасается ни моль,

ни вор, ни попечение житейское. Точно как Ангелы живут убогие. Хочешь ли видеть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не имеет одного, двух, трёх, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вменяет ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет небо; не нуждается в рабах, — напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Произвольно убогий и над царским венцом, и над золотом, и над всем тому подобным смеётся, как над детскими игрушками. Всё это кажется ему столь же презренным, как и колёсики, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, которого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками. Итак, что же лучше этого убогого? Ему подножием служит небо; а если таково подножие, то

сам рассуди, что ему служит покровом. Скажешь, что нет у него коней и колесниц? Но ему какая в том нужда, когда он имеет шествовать на облаках и быть со Христом?

Уединение

Но для чего Христос восходит теперь на гору и там садится с учениками? Для совершения имеющего быть чуда (умножения хлебов, см.: Ин. 6, 3—13). А что взошли на гору только ученики, это — вина народа, который не последовал за Ним. Но не для этого только Он восходит на гору, а и для того, чтобы научить нас всегда уклоняться от шума и народной молвы, потому что уединение способствует любомудрию. Впрочем, Он часто и один восходил на гору и проводил там ночь в молитве, научая нас, что особенно приступающему к Богу должно удаляться от всякого

шума и искать безмолвного времени и места.

Ум

Ничто не производит столько мрака, сколько ум человеческий, рассуждающий обо всём по земному и не принимающий озарения свыше.

Нечистая жизнь препятствует познанию высоких истин, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность.

Усопшим помощь

Плачь о тех, которые умерли в богатстве и из своего богатства не придумали сделать ничего к утешению душ своих, которые имели возможность очистить грехи свои и не хотели. О них будем плакать все — и порознь, и вместе, только с благопристойностью, не теряя степенности, — так, чтобы не выставить себя на позо-

рище. Будем плакать о них не один, не два дня, но во всю нашу жизнь. Будем оплакивать их, будем помогать им по силам, придумаем для них какое-либо пособие, хотя небольшое, однако ж могущее помочь. Как и каким образом? Сами молясь и других убеждая молиться за них, всегда подавая за них бедным. Это доставит некоторое облегчение. Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных Таин поминать усопших: они знали, что от этого много им выгоды, много пользы. Когда весь народ и священный лик стоит с воздеянием рук и когда предлежит страшная Жертва, то как не умолим Бога, прося за них? Но это (говорим) о тех, которые скончались в вере; а оглашенные не удостоиваются этого утешения, но лишены всякой такой помощи, кроме одной. Какой же именно? За них можно подавать бедным; это доставляет им некоторую отраду, потому что Богу угодно, чтобы мы помогали друг другу.

Утомление от духовных поучений

Знаю, что многие утомляются от продолжительности бесед. Но это бывает тогда, когда душа обременена многими житейскими попечениями. Когда душа очищена и не имеет в себе никакой возмущающей страсти, тогда она зорко видит то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубит свою доблесть, тогда неспособна делается ни к чему высокому, скоро утомляется и падает, склоняется ко сну и лени, опускает из виду то, что могло бы способствовать ей к добродетели и жизни добродетельной и не обращается к ней с ревностью. Больной и немощный обыкновенно утруждается так же кратким, как и продолжительным словом, и предметы ясные и удобопонятные считает трудно постигаемыми.

Учений неправильных причина

Может ведь, истинно может помрачиться наш ум не только от неуместного любопытства, но и от развращённого образа жизни. Потому и Павел говорил коринфянам: *Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?* (1 Кор. 3, 2—3). Также и во многих других местах, как всякий может видеть, Павел полагает это самое причиною неправых учений, потому что преданная страстям душа не может постигать ничего великого и благородного, но, как бы помрачённая гноетечением из очей, страдает самою тяжкою слепотою.

Ученики Христа

Гораздо вернее были те ученики, которые не знамениями только были привле-

каемы ко Христу, но и учением Его; знамения увлекали более грубых, а более разумных — пророчества и учение. Потому те, которые были пленены учением, были твёрже привлечённых знамениями; их-то и Христос ублажал, когда говорил: *блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29).

Фарисеев и книжников недуг

Все обличения Спаситель направляет к тому, чтобы указать на чрезмерное, до неистовства доходившее славолюбие книжников и фарисеев, на этот жестокий недуг, от которого они сходили с ума. Действительно, для них причиною всех зол было то, что они всё делали напоказ.

Это и от веры отвело их, и расположило к нерадению об истинной добродетели, и побудило заботиться об одних только телесных очищениях, не стараясь об очищении души.

Х

Храм

Здесь хранятся великие наши сокровища, здесь все наши надежды. И что здесь не велико, что не досточтимое? И трапеза эта несравненно почтеннее и сладостнее твоей домашней трапезы, и светильник этот — твоего светильника; это знают те, которые, с верой и благовременно помазавшись елеем, получили исцеление. И эта сокровищница несравненно превосходнее и необходимее твоей сокровищницы,

потому что в ней положены не одежды, но милостыня. Здесь и ложе лучше твоего: успокоение, доставляемое Священным Писанием, приятнее всякого ложа.

Входя сюда, мы входим на небо, не по месту, разумею, но по душевному расположению. Ведь можно и находясь на земле стоять на небе, созерцать тамошние предметы и слушать исходящие оттуда глаголы.

Если тот, кто приходит в мироварницу (помещение, где готовят миро. — *Ред.*) и сидит в подобных заведениях, невольно проникается благоуханием, то гораздо более тот, кто ходит в церковь. Поэтому, хотя бы ты был исполнен бесчисленным множеством грехов, хотя бы ты был нечист — не убегай от здешнего собрания.

Храма посещение

Кто будет постоянно приходить сюда, тому, хотя бы он не читал дома, а внимал

Х

только тому, что здесь говорится, достаточно и одного года, чтобы приобрести великую опытность. Мы не читаем сегодня одно Писание, а завтра другое, но всегда и постоянно одно и то же. И при всём том есть многие до того жалкие, что, несмотря на такое чтение, не знают даже названий книг. И не стыдятся, и не трепещут, что так небрежно посещают Божественное училище. Если игрок на цитре, танцор или другой кто из принадлежащих к театру позовёт город, все бегут с поспешностью, благодарят его за приглашение и тратят целую половину дня, внимая ему одному. А когда Бог беседует с нами чрез пророков и апостолов, мы зеваем, чешемся, скучаем. Летом нам кажется слишком знойно, и мы отправляемся на площадь; зимою опять помехою дождь и грязь, и мы сидим дома. На ристалищах, где нет кровли, защищающей от дождя, под проливным дождём и при ветре, броса-

ющем воду в лицо, стоят многочисленные зрители, беснуясь и не обращая внимания ни на холод, ни на дождь, ни на грязь, ни на дальность пути: ничто их не удерживает дома, ничто не препятствует явиться туда. А сюда, где есть и кровля, и приятная теплота, не приходят и не собираются, несмотря на то, что это нужно для блага их собственной души. Скажи мне: можно ли это снести? Потому-то, будучи опытнее всех в тех вещах, мы в необходимом знаем меньше детей.

Если кто назовет тебя возницей и танцором, ты считаешь себя обиженным и всячески стараешься отклонить от себя эту укоризну; а если повлечет тебя на подобные зрелища, ты не отказываешься и почти вполне изучаешь то самое искусство, имени которого избегаешь. Но здесь, где ты должен и знать дело, и носить имя, и быть и называться христианином, ты не знаешь даже, что

это за дело. Что может быть хуже такого безумия? Я хотел бы постоянно говорить вам об этом; но боюсь, чтобы напрасно и без пользы не сделаться для вас ненавистным. Вижу, что безумствуют не только юноши, но и старики, за которых особенно стыжусь, когда вижу, как человек, почтенный сединою, срамит свою седину и увлекает с собою дитя. Что может быть смешнее и постыднее этого? Сын учится у отца постыдным делам! Вас огорчают эти слова? Того я и хочу, чтобы неприятными речами удержать вас от постыдных дел. А есть и такие, которые гораздо более бесчувственны, которые не только не стыдятся того, что мы говорим, но сплетают ещё длинные рассуждения в защиту такого рода дел. Если спросить их: кто такой Амос, или Авдий, или сколько числом пророков или апостолов, не смогут и рта раскрыть, а в защиту коней и возниц представят рассуждение лучше софистов и риторов. И после всего

этого ещё говорят: какой отсюда вред? Какая потеря? Потому-то я и воздыхаю, что вы не сознаете даже вреда и не чувствуете зла.

Храма украшение

Украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата; этот храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники; а что сделаешь для брата алчущего, и странного, и нагого, того и сам диавол не может похитить: оно сбережётся в неприступном хранилище. Почему же Сам Христос говорит: *нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда имеете* (Мф. 26, 11)? Потому-то особенно и нужно быть милосердными, что не всегда имеем Его алчущего, а только в настоящей жизни. Если же хочешь вполне постигнуть смысл этих слов, слушай: Христос говорит здесь

Х

не ученикам, как представляется с первого взгляда, а слабой жене (возлившей на Него миро. — *Ред.*). Так как она была ещё несовершенна, а ученики приводили её в сомнение, то Господь сказал это в её ободрение. А чтобы показать, что действительно сказал это в её утешение, присовокупил: *что смущаете женщину?* (Мф. 26, 10). Мы всегда имеем Его с собой, как Сам Он говорит: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Из всего этого видно, что Христос сказал те слова единственно для того, чтобы запрещение учеников не иссушило в жене прозябшей тогда веры.

Будем же избегать этой пропасти (сребролюбия. — *Ред.*), и не почтём достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесём золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для Святой Трапезы (для таинства Причащения. — *Ред.*). Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за кото-

рую принесена жертва; душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Итак, будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Такие приношения, добытые тобой без любостяжания, дороже всяких золотых. Церковь — не на то, чтоб в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание Ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там всё было драгоценно, всё возбуждало благоговение, потому что всё исполнено было Духа. Хочешь почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шёлковыми покровами,

Х

а вне храма оставишь терпеть и холод и наготу? Изрёкший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26) и утвердивший словом дело, сказал также: вы видели Меня алчущего, и не напитали; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть, нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся же быть любознательными и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаём лучшей. И Пётр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги (см.: Ин. 13, 5—8); однако же это было не почтение, а нечто тому противное. Так и ты почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство своё на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души.

Христианину никто не может повредить

Если мы не будем действовать сами против себя, то никто не в состоянии уловить нас в свои козни; или, лучше, строить козни против нас могут, но не могут причинить нам вреда; напротив, даже принесут нам величайшую пользу, так как мы сами бываем виновниками, что терпим зло или не терпим. Да, я свидетельствую открыто и громче трубы возвещаю и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное место и провозгласить, что христианину никто из людей живущих на земле не может вредить. Что я говорю: из людей? Не может и демон, мучитель, диавол, если (христианин) сам не причинит зла самому себе; и кто бы ни захотел причинить нам зло, напрасно будет стараться.

Ц

Царство Небесное

Невозможно, совершенно невозможно войти в преддверие Царства без милосердия, хотя бы мы совершили множество других добрых дел.

Ч

Человек

Бог для того создал нас, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать Царство Небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну.

Бог сотворил человека с достаточными силами избирать добродетель и избегать зла.

Человек гораздо лучше неба и может стяжать душу, превосходящее красоты небесной. Небо, будучи видимо в течение такого продолжительного времени, убедило не много (веровать в Бога. — *Ред.*), а Павел, проповедавший недолгое время, привлек целую вселенную, потому что обладал душою, которая не меньше неба и могла всех привлечь. Ведь наша душа недостойна и земли; а его (душа) равноценна и небесам. Небо стоит, сохраняя свой предел и закон, а высота души Павла превзошла все небеса и беседует с Самим Христом; её красота так велика, что Сам Бог свидетельствует о ней. При сотворении звёзд дивились Ангелы, а Павлу удивился и Христос, сказавший: *он есть Мой избранный сосуд* (Деян. 9, 15). Небо часто покрывают тучи, а душу Павла

не омрачило никакое искушение, но и среди бурь она являлась блистательнее ясного полдня и сияла так же, как и до мрака. Солнце, в нём сиявшее, изливало не такие лучи, которые могли бы омрачиться от стечения искушений, но при искушениях оно блистало ещё больше.

Божественное Писание называет человеком того только, кто творит добродетель, а прочих не считает даже существующими, называя их то плотью, то землёй.

Если быть человеком в том состоит, чтобы благоугождать Богу, то не хотящий даже слышать о том, как это исполнить, что есть иное, как не зверь?

Хотя бы кто был тысячу раз праведен, он не может быть чист от скверны... он — человек.

Не может ни один человек быть столь злым, чтобы не иметь какого-нибудь, хотя бы малого, добра.

«Человек ли ты?»

Я вижу, что многие после Крещения живут небрежнее некрестившихся, и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Потому-то ни на торжище, ни в церкви не скоро различишь, кто верующий и кто неверующий. Между тем следовало бы отличаться не по месту, а по нраву. Достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам, а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды (при Крещении. — *Ред.*)? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих

жить сообразно этой почести увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден — и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтоб нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь, с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту — вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу ли заключать о тебе по виду твоего лица — вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде — вижу,

что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим — вижу, что ты водишь за собою тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам — слышу, что ты не произносишь ничего здорового, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу — здесь открывается ещё более причин к осуждению.

Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда всё исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю: верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осёл; скачешь, как вол; ржёшь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд; хищен, как волк; сердит, как змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, —

как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого? Ища различия между оглашенным и верным, подвергаюсь опасности не найти различия даже между человеком и зверем. Как, в самом деле, назову тебя зверем? Ведь у каждого зверя какой-нибудь один из этих пороков. А ты, совокупив в себе все пороки, далеко превосходишь и их своим неразумием. Назову ли тебя бесом? Но бес не служит мучительству чрева, не любит денег. А когда в тебе больше пороков, нежели в зверях и бесах, скажи мне, как можно назвать тебя человеком? Если же нельзя назвать тебя человеком, то как назовем тебя верным (христианином)? А что всего печальнее, находясь в столь худом состоянии, мы и не помышляем о безобразии души своей, не имеем и понятия об её гнусности. Когда ты сидишь у брадобрёя и стрижёшь волосы, то, взявши зеркало, со всем вниманием рассматриваешь причёску

волос, спрашиваешь близ стоящих и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу? А того, что душа наша не только безобразна, но даже зверообразна, нимало не чувствуем. Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то, как ты можешь вступить в преддверия дома, будучи зверем? И что говорю — зверем? Такой человек хуже всякого зверя. Зверь, хотя по природе дик, но часто посредством человеческого искусства делается кротким. А ты, который природное их зверство превращаешь в несвойственную им по природе кротость, какое извинение будешь иметь, когда свою природную кротость превращаешь в неестественное зверство? Дикого по природе делаешь смирным; а себя, по природе смиренного, против природы обращаешь в дикого? Льва укрощаешь и делаешь ручным; а своему гневу попускаешь быть неукротимее льва? В первом случае встречаются два затруднения: то,

что зверь лишён разума, и то, что он всех сердитее; и однако ты, по избытку мудрости, данной тебе от Бога, преодолеваешь и природу. Как же ты, в зверях преобладающий природу, в себе самом изменяешь и природе, и совершенству воли? Если бы я велел тебе сделать кротким другого человека, ты не счёл бы моего приказа невозможным, хотя и мог бы мне возразить, что ты не господин чужой воли и что не всё от тебя зависит. Но теперь велю тебе укротить собственного твоего зверя, над которым ты полный господин.

Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природою? Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом; ему сообщаем свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя

самого низвергаешь с царского престола и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, если хочешь, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою и необузданный ум свой соделай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит всё, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу её и делая её ни к чему не способною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия — разумею гнев, — снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся

от этой язвы? Если будем употреблять питье, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питье, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. Затем внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мёртвых.

Человеколюбие

Если согрешивший видит, что отец обличает, а братья потворствуют, то становится ещё нераднее. Если я буду созидать, а ты станешь разорять, то что приобретём, кроме трудов? Говорю же это вам для того, чтобы и вы негодовали вместе со своими наставниками (духов-

ными) на тех, на кого они справедливо негодуют, чтобы, видя наказываемого, все вы отвращались от него ещё более, чем сам наставник. Будем же так поступать! Кто скажет, что христианину прилично быть человеколюбивым к брату, тот пусть знает, что человеколюбив гневающийся, а не тот, кто прежде времени снисходит к нему (согрешающему) и не даёт даже почувствовать греха. Скажи мне, кто оказывает сострадание находящемуся в горячке или в безумии: тот ли, кто укладывает его в постель, связывает, удерживает от вредной для него пищи и питья, или тот, кто позволяет ему напиться вина, оставляет его на воле, дозволяя делать всё, что делают здоровые? Этот последний, под видом человеколюбия, не растравляет ли болезнь, а первый, напротив, не врачует ли её? Так будем рассуждать и здесь. Долг человеколюбия требует не во всём угождать больным, и не потворство-

вать неразумным их желаниям. Коринфского блудника никто так не любил, как Павел, повелевший предать его сатане (см.: 1 Кор. 5, 1—5), и никто так не ненавидел его, как ободрявшие его и снисходившие к нему.

Чистота

Ведь мы умываем же руки, когда входим в церковь: зачем же не омываем сердца? Разве руки издают голос? Душа произносит слова; на неё взирает Бог; и когда она нечиста, ни к чему не служит чистота телесная. В самом деле, что пользы, если ты наружные руки умываешь, а внутренние оставляешь в нечистоте? Вот то-то и худо и оттого всё идет у нас превратно, что мы, крайне заботясь о малом, пренебрегаем великим. Молиться с неумытыми руками — дело безразличное; а молиться с нечистой душою — это величайшее из всех

зол. Послушай, что сказано и иудеям, которые обращали особенное внимание на наружную нечистоту: *Смой злое с сердца твоего... доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли?* (Иер. 4, 14).

«Чистые сердцем»

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5, 8). Чистыми Он называет тех, которые свободны не только от блуда, но и от всех грехов, так как всякий грех оскверняет душу. Итак, будем всячески стараться очистить себя от скверны. Очищается же она, во-первых, Крещением, а потом и другими многоразличными средствами. Бог, по Своему человеколюбию, даровал нам разнообразные средства к очищению и после Крещения. Первое из всех этих средств — милостыня, так как сказано: *милостынями и верою очищаются греси* (Притч. 15, 27; по церковнославянскому переводу).

Чревоугодие

И Адама изгнало из рая чревоугодие; оно же во время Ноя было причиною потопа; оно же и на содомлян низвело огонь. Хотя преступлением их было и сладострастие, но корень той и другой казни (потопа и огня. — *Ред.*) произошёл от чревоугодия, на что и пророк Иезекииль указывает, говоря: *Вот беззаконие содомлян, что они в гордости и в сытости хлеба и вина сластолюбствовали* (см.: Иез. 16, 49; по церковнославянскому переводу).

Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тупым; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть.

Чтение Священного Писания

Все мы, нерадящие о чтении Писаний, послушаем, какой терпим от этого вред и какую скудность. В самом деле,

как мы приведём в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюблённые до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. А ты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели.

Чудеса

От чудес никогда ничего не прибудет нам, равно как ничего не убудет и от того, что мы не творим их, если только заботимся о всякой добродетели. За чудеса мы сами остаёмся должниками перед Богом, а за жизнь и дела имеем Бога должником.

Многие из творивших чудеса, низвергнуты в геенну, напротив, пре-

зревшие богатство, получили Царство Небесное.

Диавола должно побеждать не знамениями, но незлобием и долготерпением.

Где теперь ищущие знамений? Пусть услышат они, что более всего нужно сердце, чувствительное к добру. А если его не будет, то от знамений нет никакой пользы. Вот ниневитяне уверовали (проповеди пророка Ионы. — *Ред.*) и без знамений; а иудеи, видевшие столько чудес, сделались только худшими, обратили себя в жилище бесчисленного множества бесов и навлекли на себя тысячи бед.

Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом. Напротив, когда душа благопризнательна, тогда она принимает всё с верою, даже и в чудесах не имеет особенной нужды.

Чудесами увлечение

За Ним последовало, говорит, множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил (Ин. 6, 2). Это следование за Христом было делом не очень твёрдого убеждения; иудеи увлекались более чудесами, нежели высотой учения, которое слышали; а это было признаком грубых душ: знамения, сказано, не для верующих, а для неверующих (ср.: 1 Кор. 14, 22).

Ю

Юность

Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких (усилиях)

возможно обуздать её. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому если в начале и с первого возраста поставим для неё надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим же им делать того, что приятно и вместе с тем вредно, не будем угождать им, потому что они дети; но преимущественно будем их сохранять в целомудрии, — тут более всего возможен вред юности. Об этом мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скорее будем брать для них жён, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенная. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. Для того и возлагаются

на головы венцы — в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, что они не были одолены похотью. Если же кто, увлечённый сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на главе, когда он побеждён? Это будем им внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то одно, то другое. Нам вверен важный залог — дети. Будем же заботиться об них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас.

Я

«Я живу как все»

Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания.

Язык

Сохраняя язык более зеницы ока! Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будет сидеть на нём; если жепустишь его бежать и скакать без узды, то на нём будет ездить дьявол и бесы.

Подлинно, много нужно осмотрительности, чтобы, владея языком, употреблять его совершенно безопасно. Потому и говорит: *бывает обличение, но не вовремя; иной молчит — и оказывается мудрым* (Сир. 19, 28, 20, 5). Подумай, что это — член, которым мы беседуем с Богом, которым возносим Ему хвалу; это — член, которым мы принимаем страшную Жертву. Верные знают, о чём я говорю. Поэтому нужно, чтобы он был чистым от всякого осуждения, порицания, сквернословия, клеветы. Если в нас рождается какой-нибудь скверный помысл, то

надобно подавить его внутри и не допускать ему переходить в слова. Если малодушие заставляет тебя роптать, то нужно истребить и этот корень, содержать дверь крепко и хранить строго. И порочным пожеланиям не нужно позволять рождаться, а зарождающиеся подавлять внутри и иссушать в самом корне.

Такое хранение языка имел Иов, почему он и не произнёс ни одного непристойного слова, но большею частью молчал, а когда следовало отвечать жене, то произносил слова, исполненные любомудрия (см.: Иов 2, 10). Тогда только следует говорить, когда слова полезнее молчания. Потому и Христос сказал: *за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мф. 12, 36). И Павел: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших* (Еф. 4, 29). А как можно содержать эту дверь в безопасности и хранить строго, об этом послушай другого, который говорит: *всякая беседа твоя — в законе*

Вышнего (Сир. 9, 20). Если ты научишься не говорить ничего лишнего, но постоянно ограждать и мысль, и уста свои беседою из Божественных Писаний, то хранение твоё будет крепче адаманта.

Содержание

А

Ад	4
Ангелы	4
Антихрист	5
Архиерей	5

Б

Бедность	7
Бедность полезна	7
Бедный	11
Бедствия	12
Безбожие	13
Бездельник	13
Беспечность	17
Бесстыдство	18
Блага земные и небесные	18
Благодарение	21
Благодарение не только словами, но и делами	23

Благодать	24
Благодеяние	25
Благотворительность	26
Благотворить — кому?	30
Благочестие	30
Ближний	31
Блуд	32
Бог	32
Богатство	35
Богатый	36
Болезни	39
Болтливость	40
Брак	41
Будущее и настоящее	44

В

Вдовство	48
Вера	48
Вино	50
Власти	50
Власть	51
Внешнее и внутреннее	52

Возвращение к Богу	52
Воздержание	53
Воздержание после Причастия	53
Война духовная	57
Войны домашние	58
Волшебники (гадалки, экстрасенсы, колдуны)	60
Воля Божия	64
Воля человеческая	64
Важно, к чему направлена воля	65
Воровство	66
Воскресение	66
Воспитание детей	67
Враги	68
Вражда	69
Вразумление	70
Время	70
Высокомерие	72

Г

Гадание	73
Глупость	74
Гнев	75

Гнев Божий	79
Гневающийся	79
Гнев на войне	80
Гордость	81
Гостеприимство	82
Грех	83
Греха последствия	85
Грех и диавол	86
Грехи малые	87
Грехи свои и чужие	88
Грехов прощение	89
Губитель	91

Д

Девство	92
Девство и брак	93
Дела	93
Делающий добро	94
Делающий зло	95
Дети не наказываются за грехи родителей	95
Диавол	96
Добродетели портрет	97

Добродетели различные	100
Добродетель	102
Добродетель — величайшее чудо	102
Догматы	105
Дружба	105
Друзья	108
Дух Святой	109
Душа	111
Душа и тело	112
Души умерших	113

Е

Епитимья	115
Ереси и расколы церковные	116

Ж

Желание делать доброе	117
Желания	118
Жена	119
Жертва	122
Жертва из похищенного	123
Жестокость	126
Животные	127

Животные нечистые	128
Жизнь земная	129
«Жизнь — не игра»	129

З

Заботы	132
Замедление наказания	133
Заповедей исполнение	135
Заповеди легки	136
Земное и небесное	138
Злопамятность	138
Злорадство	138
Злословие	139
Знамения	147
Знание и неведение	149
Знание основ веры	150
Зрелища развлекающие	152
Зрение	154

И

«Избави нас от лукаваго»	155
Искушение Авраама	155

Исцеление гадаринского бесноватого	156
Иуда	158

К

«Как дети»	159
Клятва	161
Колдовство	164
Кончина мира	164
Красота	167
Крест	168
Крещение	169
Кротость	170

Л

Леность и усердие	171
Любовь	172
Любостяжание	177

М

Медлительность	177
Милосердие	178
Милосердие Божие	179
Милостыня	180
Милость	182

Множество	183
Молитва	185
Молитва ночная	188
Молитва «Отче наш»	190
Молитва рассеянная	191
Молитва усердная	192
Молитвы святых	193
«Молясь, не говорите лишнего»	193
Муж	194
Мужчины и женщины	194
Муки вечные	195

Н

Наказание Божие	198
Намерение	201
Нападки злых людей	201
Наслаждения земные	202
Наставление	203
Неверия причина	205
Невнимательность в храме	205
Ненависть	208
Ненависть к душе	209

Нерадение	210
Неразумие	211
Нераскаянность	211
Нищие духом	213
Нищий	213

О

Обвинения	216
Обещания Божии	216
Обиды	217
Обличение заблуждений	219
Обращение с людьми	220
Обстоятельства житейские	223
Объединение	224
Обычаи иудейские и языческие	226
Овцы и волки	227
Одержимость не препятствует спасению	227
Омертвление души	228
Осквернение	229
Оскорбления	231
Осуждение	232
Отцы	234

П

Песни и слова постыдные	234
Печаль	236
Писание Священное	237
Пища духовная	238
Плач об усопшем	239
«Плевать мне на всех»	244
Плоть и плотское мудрование	246
Повиновение родителям	247
Подвиги	248
<i>«Видишь ли, как лёгок подвиг?»</i>	249
Подражание Христу	250
Покой	251
Попечения житейские	251
Пост	253
Праздник	256
Праздники в честь святых	257
Праздность	258
Презрение земных благ	262
Презрение к людям	264
Притворство	265

Притча о сеятеле	265
Причащение в праздник	267
Проповедь (поучение)	268
Прославление Бога	269
Простота	270
Прощение	272
Псалтирь	275

Р

Работы простые в монастырях	277
Рабство	277
Равноправие женщин	278
Радость	279
Разговоры в храме	281
Разум	286
Родство	286
Ропот	286

С

Святые	287
Святые не всё знали	287
Священники	289
Священников осуждение	292

«Сглаз»	295
Сердце	296
Скорби	297
Скорбь и радость	297
Смирение	300
Сластолюбие	301
Служение Богу	302
Слух душевный	303
Слушание Писаний и духовных поучений	303
Сострадание	304
Сострадание в будущей жизни	306
Спасение	307
Сребролюбец	309
Сребролюбие	311
Страсти	313
Страсти заграждают вход слову	314
Страсти рождаются не от тела	314
Строгость к нищим	316
Строгость учащих	320
Суд Божий и мнение людей	321

Т

Таинства	322
Таинство Причащения	323
Терпение	325
Толпа	326
Труд	327

У

Убогий	329
Уединение	331
Ум	332
Усопшим помощь	332
Утомление от духовных поучений	334
Учений неправильных причина	335
Ученики Христа	335

Ф

Фарисеев и книжников недуг	336
----------------------------------	-----

Х

Храм	337
Храма посещение	338
Храма украшение	342
Христианину никто не может повредить	346

Ц	
Царство Небесное	347

Ч	
Человек	347
«Человек ли ты?»	350
Человеколюбие	357
Чистота	359
«Чистые сердцем»	360
Чревоугодие	361
Чтение Священного Писания	361
Чудеса	362
Чудесами увлечение	364

Ю	
Юность	364

Я	
«Я живу как все»	366
Язык	367

Серия
«ДУХОВНЫЕ ЗЕРНА»

«Человек ли ты?..»

Духовная азбука по творениям
святителя Иоанна Златоуста

Редактор-составитель *Е. А. Зубова*

Обложка *А. В. Минайлова*

Верстка *Д. Б. Шилов*

Корректор *А. Б. Дмитриева*

Книжная торговля издательства
«Духовное преображение»:
www.kniga-pravoslav.ru

Формат 60х90/32. Объем 12 п. л. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 15000 экз.
Заказ № 1506760. 2015 г.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Серия «ДУХОВНЫЕ ЗЕРНА»

«**И**так, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда всё исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю — верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осёл; скачешь, как вол; ржёшь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд; хищен, как волк; сердит, как змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, — как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого?»

Святитель Иоанн Златоуст

Издательство
«Духовное преображение»